

Ж у р н а л

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

2025 • 1 (97)

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Учредитель **Департамент культурного наследия города Москвы**
Руководитель проекта **Алексей Емельянов**
Куратор проекта **Светлана Талалаева**
Ответственный редактор **Наталья Калинкина**
Координатор проекта **Дарья Яковлева**
Научный редакционный совет **Андрей Баталов, Леонид Вайнтрауб, Григорий Мудров**
Научный руководитель журнала, председатель научно-редакционного совета, профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, заместитель генерального директора Музеев Московского Кремля по научной работе **Андрей Баталов**
Редакция журнала «Московское Наследие»
Главный редактор **Филипп Смирнов**
Административный директор **Мария Ксенжик**
Дизайн-макет **Филипп Смирнов**
Вёрстка, препресс и корректура **Бюро «Sm’art», Андрей и Софья Дегтярёвы, Марианна Ионова**
Фотографии (если не указано особо) **Мосгорнаследие**
Издатель **Индивидуальный предприниматель Смирнов Филипп Игоревич, Москва, 119121, 1-й Неопалимовский переулок, 3/10, кв. 33**
Адрес электронной почты: **i@smi-filipp.ru**
Отпечатано **ООО «Принтер», 152900, Ярославская область, город Рыбинск, улица Орджоникидзе, д. 57.**
Телефон: **+7 (910) 826-63-21, +7 (908) 027-14-03.**
Адрес электронной почты: **printer99@mail.ru.**
Заказ **393**

Телефон горячей линии Департамента **+7 (916) 146-53-27.** Горячая линия Департамента культурного наследия города Москвы открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы

По вопросам издательских проектов Департамента культурного наследия города Москвы — телефон: **+7 (495) 950-38-88, доб. (96762), (96765)**

Перепечатка материалов журнала невозможна без письменного разрешения Департамента культурного наследия города Москвы

© Департамент культурного наследия города Москвы, 2025

Номер посвящён 80-летию
Победы в Великой
Отечественной войне

На первой сторонке обложки — встреча демобилизованных на Белорусском вокзале. «Поздравляю всех вас, друзья, с наступающим праздником Великой Победы!»
Фото: Аркадий Шайхет, 1945 год. Мультимедиа Арт Музей, Москва. Из архива Марии Жотиковой

Департамент культурного наследия города Москвы

№ 1 (97) • 2025

Содержание

От редактора Филипп Смирнов Памятные осколки или калейдоскоп смыслов	2
Новости Редакция «МН» Наследие вокруг нас	8
Победа / Маскировка Мария Варденга Театр-невидимка. Как укрыть звезду	12
Победа / Хроника Александра Шапиро Московские архитекторы. Военный дневник	17
Победа / Усадьбы Елена Уханова «Главная ценность — дворец: эвакуации не подлежит». Останкино в годы Великой Отечественной войны	28
Михаил Коробко Военные страницы усадьбы Узкое	40
Победа / История вопроса Валентина Хаирова Студия военных художников им. М.Б. Грекова и её первые шаги на дорогах Второй мировой войны	50
Победа / Маршрут Филипп Смирнов По следам войны.	66
Победа / Воспоминания Главное архивное управление города Москвы Голоса войны	74
Победа / In memoriam Редакция «МН» Память о войне	84
История одного дома Дмитрий Бобров Дом в Черниговском переулке	92
Реставрация / Мозаика Ольга Лаврененко Мозаики больницы Св. Ольги	102
Ольга Лаврененко Памяти Игоря Юрьевича Лаврененко	114
Археологический дневник Екатерина Чуракова Обзор археологических площадок и интересные находки 2024 года	118

Автор:
Филипп Смирнов,
главный редактор журнала,
член Общественной палаты
города Москвы V созыва

Памятные осколки или калейдоскоп смыслов

Добрый день, дорогие друзья! Я рад приветствовать вас в новом издательском году журнала «Московское наследие». За два десятилетия своего существования он неоднократно менял формат, тираж, дизайн, но при этом оставался тем самым изданием, которое пытается простым языком говорить о вещах крайне сложных. О наследии, о его охране, о реставрации, о значении истории и культуры в нашей с вами жизни.

9 МАЯ 1945 года завершилась Великая Отечественная война, 24 июня 1945 года на Красной площади прошёл Парад Победы, 2 сентября 1945 года завершилась Вторая мировая война. Юбилейная дата Великой Победы не могла не стать главной темой первого номера и сквозным лейтмотивом всего года.

Победе предшествовали долгие и изнурительные 1418 дней и ночей.

Победу ковали на фронтах, победу отливали и в тылу.

Многие факты о войне изучены, озвучены, даже интерпретированы, однако человеческая память так устроена, что порой нужно повторять какие-то вещи, чтобы попытаться

Аэростаты у детской площадки Петровского бульвара. Фото: Наум Грановский, 22 марта 1942 года

их осознать вновь и вновь. Хотя, конечно, трагедию такого масштаба сложно познать.

К своему сожалению, старшее поколение своей семьи, тех, кто участвовал в Великой Отечественной войне, я почти не застал. И, нельзя сказать, что кто-нибудь из них был словоохотлив, рассказывая про себя и войну.

Моя прабабушка, Елизавета Лаврентьевна Зайцева, 1897 года рождения, утратила перед войной документы в пожаре, поэтому смогла по справке-удостоверению лишь устроиться санитаром в Басманную больницу, где проработала много лет, отлично разбираясь в фармакологии и первой помощи.

Её муж, мой прадед по материнской линии, Иван Гаврилович Зайцев, участник Первой мировой войны, всю войну в качестве сотрудника поездных бригад сопровождал и водил военные эшелоны. Его не стало в 1950-м, поэтому о нём я знаю со слов прабабушки. Очень скудных, надо заметить. Чаше другого она повторяла: «Спаси нас Господь от войны и мора! Не надо тебе знать, что такое война».

Их дочь, Зоя Ивановна Зайцева, моя бабушка, была ещё довольно юной, но в составе добровольных дружин дежурила на крышах Басманного района (тогда Бауманского) во время бомбёжек, её брат, Николай Иванович Зайцев, служил в авиации, а после войны продолжил лётную карьеру и стал лётчиком-испытателем.

Мамин отец, Юрий Станиславович Галченко, приврал про возраст и в июле 1941 года

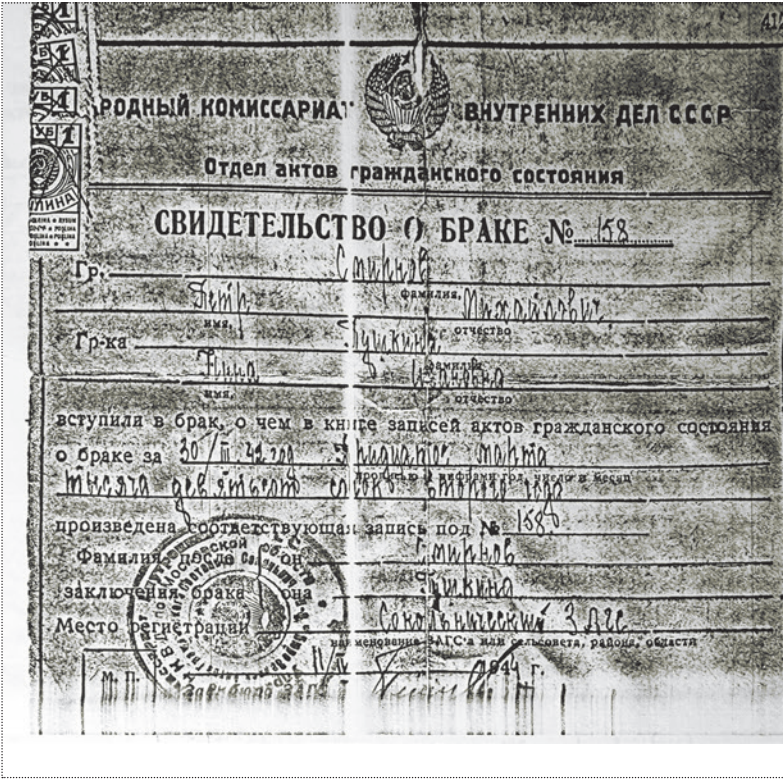
Юрий
Станиславович
Галченко. Фото
из личного дела.
1946 год

поступил в ряды РККА. Был отправлен в учебную танковую часть в Приуралье, стал водителем-механиком танка, участвовал в ряде сражений, был несколько раз ранен, но вернулся в строй и в Москве водил грузовики, грузовые троллейбусы и работал механиком на транспортной базе министерства обороны. Вытянуть из него хоть слово о тех событиях было невозможно, а вот побывать с ним вместе с тремя его друзьями-однополчанами (один без ноги, двое других — без одной руки) в пивной «Три ступеньки» на площади Покровских ворот и разучить песни военных лет, чтобы с ними вместе петь их у пруда на 9 мая — получалось. Два раза.

По папиной линии нашей семьи очень многие участвовали в Великой Отечественной. Моя бабушка Нина Ивановна Пушкина, будучи студенткой Московского областного педагогического института имени Н. Крупской, в составе студенческих отрядов строила рубежи обороны в 1941 году в районах Левобережный и Бусиново. В 1974 году им с дедом выделили квартиру в Прибрежном проезде, и гуляя с ней вдоль мыса Лисий нос, Канала имени Москвы, по Химкинскому лесу, мы угадывали в оврагах, балках и тропинках места, где были выкопаны окопы, построены блиндажи, находились командные пункты и ДОТы. Она вспоминала, как долго не могла понять слов бригадира о том, что нужно ставить бревно «на попа», как мучалась от тяжести осеннего лесного грунта и как инвалид из артели ложкарей делал прямо на месте деревянные лопаты для «девчуль». Вспоминала и про боестолкновения, которым была свидетелем — отдельные отряды фашистов прорывались почти до современной станции метро «Войковская». Бабушкины сёстры и их мужья тоже были на разных фронтах. И где-то в уголках моей памяти есть и данные об их боевом пути.

В семейном архиве сохранилась чёрно-белая копия «Свидетельства о браке», выданного Смирнову Петру Михайловичу и Пушкиной Нине Ивановне в 1942 году. После очередного ранения дед был в Москве. И они с бабушкой (познакомившись до войны) сходили в районное отделение милиции в Сокольниках (где она жила в то время) и зарегистрировали брак. Пётр Михайлович до самой своей смерти сохранял воен-

Свидетельство о браке П.М. Смирнова и Н.И. Пушкиной. 1942 год

Зоя Ивановна Галченко (Зайцева) со своей
подругой — кондуктором в салоне троллейбуса
на ВДНХ. 1956 год

ную выправку и привычку не носить ничего в правой руке, возглавлял Совет Ветеранов района. Из рядов ВС СССР он ушёл только в 1956 году. Как можно предположить — документов, подтверждающих это, семья не имеет из-за грифа секретности на личном деле деда, но он побывал везде: от Дальнего Востока до Берлина и обратно на Восток. Он был много раз ранен, занимался шифрованием и спецсвязью, а в последние годы войны и весь период своей жизни до отставки служил в Генеральном штабе в подразделении, отвечающем за так называемую «службу государственной тайны».

Но он почти никогда и почти ничего не рассказывал о своей службе. Однажды на

мой удивлённый вопрос — зачем ему знание чеченского языка, если война с немцами, он ответил просто, что знает и немецкий, и французский, и немного понимает английский, но чеченского языка (в котором очень большое количество гласных и согласных звуков) не знал наш противник и потому язык этот — великолепная основа для шифра.

Шифр трагедии (не будучи её участником и очевидцем), на мой взгляд разгадать нельзя. Представить себе что-либо из того, с чем столкнулись они — невозможно. Есть рецепция, есть реконструкции. Есть осколки воспоминаний, где многие вещи замещены из-за вынужденного позитивистского взгляда на вещи — человек бы не смог нести весь объём этой информации. Мы читаем мемуары маршалов и простых людей, мы признательны тыловикам и воинам за то, что они

Вид на Хамовники и Дорогомилово с самолёта. Истребители патрулируют московское небо. Фото: Наум Грановский, 1941 год

Портрет на ФЭД. Тимофей Смирнов. Бумага, карандаш. 2011 год. В этом произведении переосмыслена семейная фотография — Ф. Смирнову здесь 4 года, а его бабушка и дедушка, Пётр Михайлович и Нина Ивановна, уже 37 лет вместе. И, улыбаясь, позируют младшему сыну, который увлечён фотографией и недавно приобрёл ФЭД — советский аналог замечательного немецкого фотоаппарата Leica, выпускавшегося на заводе имени Ф.Э. Дзержинского

выжили, справились, сдюжили и дали нам жизнь. Но мы всё время возвращаемся мыслями к ним и их опыту, пытаемся их понять и быть с ними на одной волне, не скатиться в геймификацию памяти и обесценивание тех идеалов, к которым они шли.

И номер, который мы подготовили — как раз об этом. Про военных художников и наших детей, рисующих Победу и память, про то, как спрятать город и отдельные его здания, как, не имея возможности из-за травмы быть на передовой, можно сохранить хрусталь люстр в Останкинском дворце и тем принести не меньше пользы, чем уложив взвод автоматчиков противника в Брянском лесу. Как через архитектуру выразить триумф и боль, как в залах старинной усадьбы в войну работали академики, что помнят люди о войне, и где в Москве можно увидеть следы войны. Сюжеты этого номера — памятные осколки, из которых собирается живая история. История наших семей, наших ценностей, нашего города.

МН

«Памятник соловецким юнгам». Варвара Муранова, 10 лет (ВАО, Северное Измайлово). Из работ, присланных за последние годы на конкурс детского рисунка «Наследие моего района» в номинацию «Памятники-герои», могла бы получиться целая выставка. Создавая галерею памятников героям и событиям войны, ребята погружались в историю, читали книги, смотрели военные фильмы. Именно поэтому образы на их рисунках получились такими глубокими и проникновенными

Наследие вокруг нас

18 апреля в Москве стартовали Дни исторического и культурного наследия. В этом году они проводятся в 25-й раз. Юбилей любимого москвичами проекта в Мосгорнаследии решили отметить масштабной программой мероприятий, которая будет длиться до конца года.

Выставка
«Книга
памятников-
героев Москвы»
на Цветном
бульваре.
Апрель
2025 года

«Старожилы» проекта помнят, что раньше Дни наследия проводились только два дня в году — 18 апреля в Международный день охраны памятников и достопримечательных мест и 18 мая в Международный день музеев. С 2017 года программу сделали более продолжительной, она длилась полтора месяца. В рамках юбилейного проекта желающие побывать в столичных объектах культурного наследия смогут это сделать до конца года. О том, что интерес к Дням наследия у москвичей растёт с каждым новым сезоном, говорят цифры. В 2023 году количество участников составило около 10 тысяч, а в прошлом — уже более 20 тысяч человек. Всего же за последние 14 лет в акции приняли участие порядка полумиллиона горожан.

Нынешние Дни наследия проходят под девизом «Наследие вокруг нас». Разглядеть в повседневных декорациях нашей жизни уникальные памятники, мимо которых мы проходим ежедневно, узнать их историю, окунуться в историческую эпоху — такая цель юбилейной акции. Участников ждёт множество тематических мероприятий:

экскурсий, мастер-классов — все они абсолютно бесплатные!

По традиции свои двери открывают старинные усадьбы и особняки, памятники промышленной архитектуры, доходные дома, объекты культового зодчества и другие площадки. Всего запланировано более 300 объектов с доступом и осмотром интерьеров, а также порядка 2000 мероприятий экскурсионного и интерактивного форматов.

В апреле — мае уже прошёл цикл из 80 экскурсий, приуроченный к знаменательной дате — 80-летию Победы. Участники экскурсий прогулялись по маршрутам, рассказывающим о страницах военной истории районов Щукино, Лефортово, Дорогомилово, Таганского, Тверского, Мещанского районов и других. Одним из самых востребованных среди москвичей стал маршрут по Александровскому саду и Красной площади. Он был посвящён маскировке стратегически важных объектов и ценных исторических зданий во время вражеских авианалётов. Экскурсанты узнали, как советские архитекторы, инженеры и театральные декораторы имитировали городскую застройку, рисовали

Особый интерес в программе Дней наследия, особенно среди самых давних и активных участников проекта, вызывают отреставрированные объекты. Новые объекты показа всегда востребованы у экскурсантов, городу же очень важно показывать жителям результаты работы наших реставраторов, которые каждый год возвращают былую красоту свыше 150 памятникам архитектуры. В цикл экскурсий «Реставрация наследия» в этом году вошло порядка 100 объектов культурного наследия, отреставрированных с 2011 года. В их числе усадьбный дом XIX века в Кропоткинском переулке, д. 10, церковь св. апостолов Петра и Павла на Новой Басманной улице, шедевр конструктивизма Дом Наркомфина, одно из старейших зданий в Москве — Малороссийское подворье на Маросейке, здание Театра эстрады, характерный образец архитектуры русского классицизма — дом А.Н. Дурасова на Покровском бульваре, усадьба Бобринских на Малой Никитской и многие другие.

Для тех, кто хочет совместить культурный отдых со спортивным, — в программу включены экскурсии в активном темпе с радиогидами на 5000 / 8000 / 10 000 шагов. Так, один из маршрутов под названием «10 000 шагов московского модерна» объединил 11 самых ярких и запоминающихся архитектурных образцов этого стиля, в том числе особняк Дерожинской в Кропоткинском переулке, доходный дом Исакова на Пречистенке, особняк Миндовского на Поварской, особняк Рябушинского на Малой Никитской. Познавательная прогулка по времени занимает ориентировочно три часа и придётся по душе любителям активного досуга.

Дополняют экскурсионную программу специальные маршруты с использованием 3D-моделей утраченных сооружений, таких как Красные ворота и Сухарева башня, которые можно увидеть в ходе экскурсии с помощью мобильного телефона и приложения «Узнай Москву». О своих постройках расскажут виртуальные двойники известных архитекторов Фёдора Шехтеля, Льва Кекушева и Алексея Щусева. Отдельный цикл экскурсий подготовлен с использованием VR-технологий. С помощью очков виртуальной реальности можно переместиться

Экскурсия
в Сандуновские
бани. Фото:
Н. Овсянникова,
2025 год

перспективы города на кремлёвских фасадах, зачехляли рубиновые звёзды, прятали Мавзолей, Манеж и Большой Театр.

Более 100 уникальных фотографий, писем и документов можно было увидеть на двух уличных выставках «Книга памятников-героев Москвы». В экспозицию вошли 14 авторских историй о столичных зданиях и монументах, которые пострадали от боевых действий или сыграли особую роль в годы Великой Отечественной войны. Документы эпохи рассказали о военных буднях кондитерской фабрики им. П.А. Бабаева, музея-заповедника «Коломенское», ГМИИ им. А.С. Пушкина, Московского зоопарка, музеев-усадьб «Останкино» и «Кусково», театра Красной Армии и других знаковых объектов столицы.

в прошлое и увидеть, какой Москва была несколько столетий назад, а также оказаться в интерьерах памятников архитектуры, обычно закрытых для свободного посещения.

Важной составляющей проекта «Наследие вокруг нас» является его инклюзивность. Доступность памятников архитектуры для людей с ограничениями здоровья — задача, которой уделяется особое внимание организаторами Дней наследия.

В юбилейный год проект порадует участников интерактивными мастер-классами и экскурсиями, интегрированными в крупные городские фестивали и приуроченными к разнообразным событиям. Для всех, кто увлечён историей Москвы, откроется удивительная архитектурная палитра

Участники
Дней наследия
в особняке
Лопатиной
на Большой
Никитской
улице. Фото:
Н. Овсянникова,
2025 год

нашего замечательного города. Будет интересно и познавательно!

Даты открытия записи на мероприятия публикуются на баннере на главной странице портала «Узнай Москву» — um.mos.ru/excursions.

Автор:
Мария Варденга,
заведующая литературной частью
Центрального академического
театра Российской Армии

Театр-невидимка

Как укрыть звезду

Зенитная батарея на площади Коммуны (ныне – Суворовская площадь).
На фото видна и камуфляжная раскраска театра Красной Армии. Фото 1941 года

В 2025 году Театру Армии исполняется 95 лет. Его юбилей совпадает с 80-летием великой Победы. В этой публикации мы решили рассказать о том, как во время войны благодаря удачной маскировке удалось сберечь уникальное здание Театра Армии от бомбардировок.

Ни один из художников и архитекторов, работавших над величественным проектом первого в мире Театра Армии, не думал о том, что однажды ему придётся перевести свой художественный поиск в принципиально новое русло. Но как только 10 июля 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление «О проведении мероприятий по маскировке объектов на территории города Москвы», стало очевидно: только что построенный Театр Армии является первым после Кремля по важности объектом для маскировки.

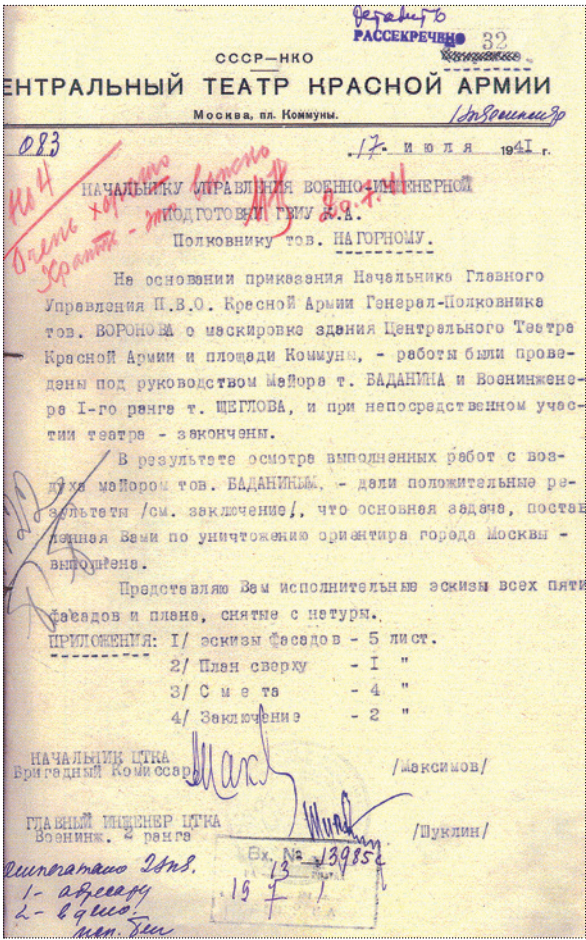
Дело было не только в масштабе: грандиозное здание Дворца Советов — утопический архитектурный символ новой империи — к началу войны так и не был осуществлён. В результате задуманный его «младшим братом» гигантский Театр Армии к 1941 году оказался самым высоким зданием в столице.

Имея столь различимую в плане форму, он не просто отлично читался с высоты, но и служил превосходным ориентиром: концы звезды указывали на важные транспортные узлы Москвы — Белорусский, Савёловский и Рижский вокзалы, Комсомольскую площадь, а пятый — на центр столицы.

Театр открылся 14 сентября 1940 года спектаклем «Полководец Суворов», но строительные работы окончательно ещё не были завершены: закончить их предполагалось как раз летом 1941 года.

Идея была грандиозной. По замыслу архитекторов, Каро Алабяна и Владимира Симбирцева, часть главного фасада должны были отделать розовым мрамором. На острие каждого луча звезды планировалось установить скульптуры, символизирующие разные рода войск, а над центральным входом — многофигурную композицию

Фрагмент
сметы на
маскировочные
работы здания
ЦТКА
и площади
Коммуны.
15 июля
1941 года. Фото
и документы
предоставлены
Центральным
академическим
театром
Российской
Армии

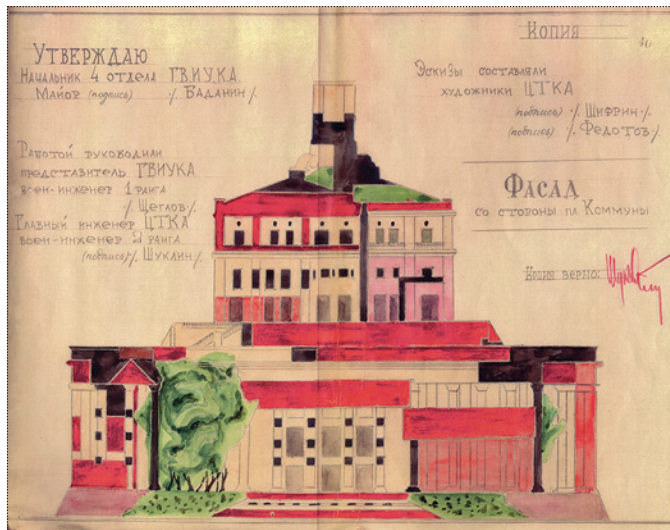
«Конармия». Венчать монументальное сооружение должен был 17-метровый красноармеец, призванный «охранять» фигуру Ленина на Дворце Советов (поэтому здание Театра Армии претендовало на звание «младшего брата» долгожданного Дворца).

Представить этот масштаб наяву сегодня можно разве что при помощи кино — недаром эти попытки упорно предпринимались в фильмах. В «Шпионе» и «Мастере и Маргарите» наглядно продемонстрирован ошарашивающий контраст масштабов человеческой фигуры и здания, призванный напоминать гражданам о примате общественного над личным...

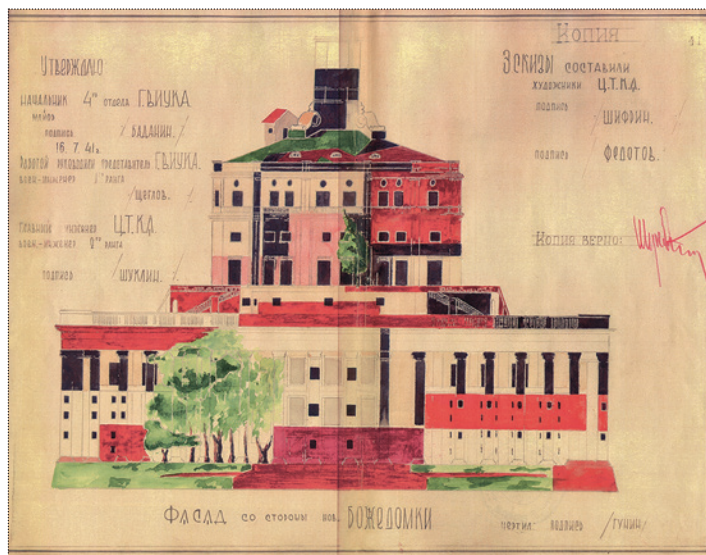
Именно на такие пропорции ориентировались архитекторы. Колоссальный размер сцены позволял разворачивать **«батальные картины вплоть до танкового марша или приземления самолёта»**. На уникальной эксплуатируемой крыше площадью около 7 тысяч квадратных метров планировалось

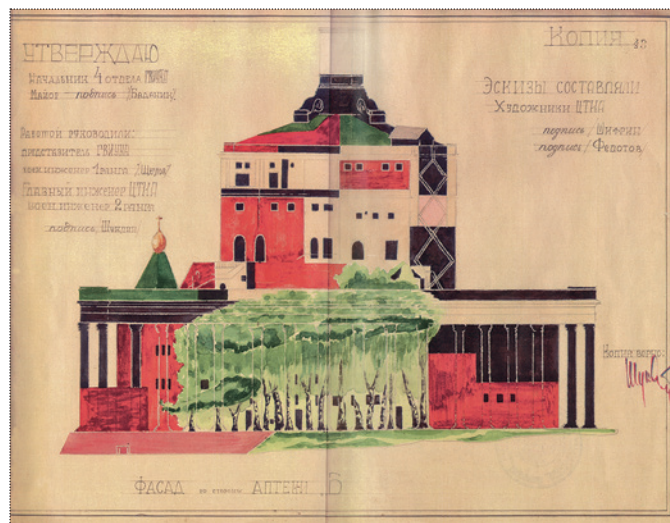
Фрагменты рапорта о выполненных работах по маскировке здания ЦТКА. Эскиз плана здания

Эскиз главного фасада со стороны площади Коммуны

Эскиз фасада со стороны Новой Божедомки

Эскиз фасада со стороны аптеки

разбить газоны и цветники, насадить сад, открыть рестораны и обустроить танцевальную площадку... Зимой там должны были заливать каток — можно было бы романтично кататься под музыку, наблюдая внизу огни зимней Москвы...

Увы, всем этим грандиозным планам помешала начавшаяся война. И вместо доведения строительства до финала архитекторам пришлось искать способ сделать здание невидимым.

Задача была для них абсолютно новой: инженерные войска, на которых теорети-

чески могла быть возложена обязанность по маскировке городских объектов, оказались неготовыми к решению этой проблемы. Но оказалось, что специалистов по маскировке в довоенный период почти не готовили, а руководства времён Первой мировой войны устарели в связи с новым типом градостроительства и, главное, определяющей роли авиации в той войне, которая началась теперь. Нужна была новая система знаний по восприятию цвета в пространстве с больших расстояний. Возглавить созданную при Моссовете специальную проектно-маскировочную мастерскую пригласили Каро Алабя-

на — одного из двух авторов амбициозного проекта Театра Армии. Именно он первым обратил внимание работников мастерской — а к ним примкнули такие знаменитости, как Борис Иофан и братья Веснины, — на то, что идеальным умением создания визуальных иллюзий в пространстве владеют именно театральные художники, и предложил использовать их опыт. В результате ответственными за проект маскировки Театра Армии стали главный художник театра Ниссон Шифрин и известный художник Иван Федотов. Счёт шёл на дни: 30 июня 1941 года они приступили к работе.

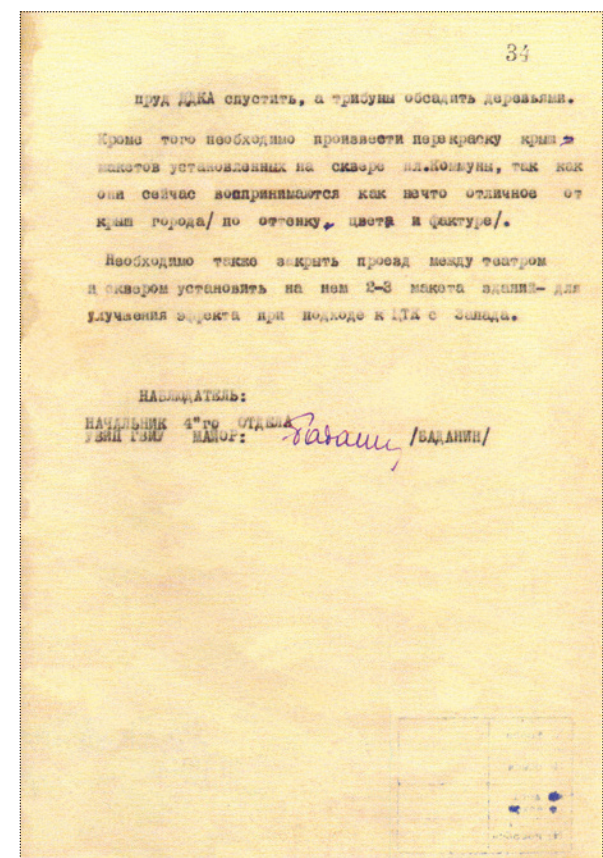
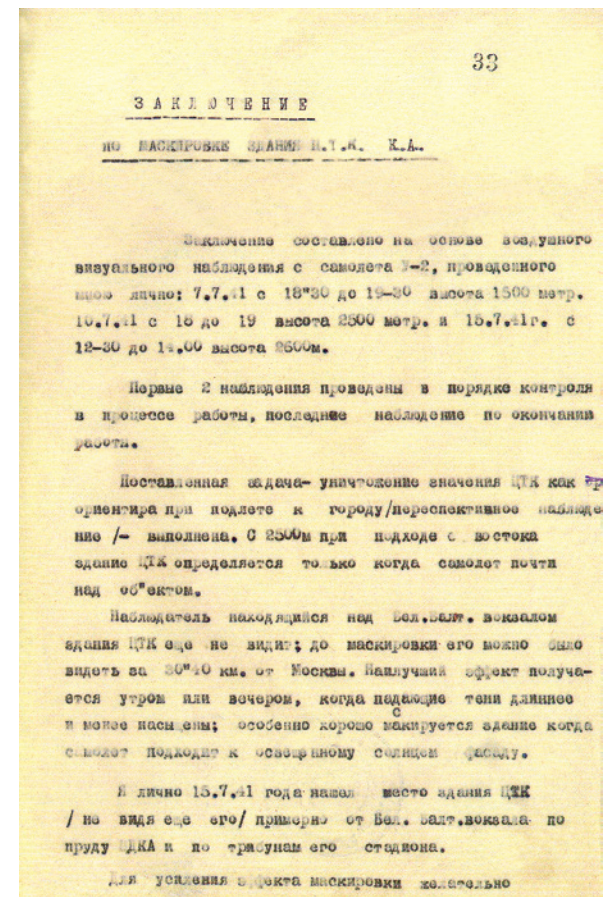
В рекордно короткий срок они создали эскизы маскировки театра. К работе по маскировке привлекли всех: в ней участвовали не только бутафоры, столары, монтажники, но и сами актёры. Сотрудники театра шили сети, окрашивали стены и макеты. **«Маскировка вполне напоминала строительство театральных декораций. Выдали доски, рогожу, мешковину, фанеру, краски, клей... Требовалось покрывать краской большие поверхности на крыше, захватывая их единым пятном, — вспоминали артисты. — Мы воодушевлённо укрывали свой театр. Всё равно что ребенка спасали.»**

Сверху замаскированный театр получил вид обычной деревеньки. Для усиления эффекта маскировки крыши близлежащих домов тоже были перекрашены. Спустили пруд в Екатерининском саду (он давал сильный блик), в проезде между сквером и театром установили муляжи зданий. Таким образом, сверху площадь и близлежащие здания сверху смотрелись как обычный пригород с коровниками, сараями и избами.

С задачей справились в рекордные сроки — за 25 дней.

В годы войны Театр Армии продолжал активно работать: с июня 1941 по май 1945 года было поставлено 14 премьер, более 1350 спектаклей было показано на фронтах, концертные бригады артистов за это время более 2000 раз выступили перед бойцами.

Рапорт о выполнении задачи «по уничтожению ориентира города Москвы». 17 июля 1941 года

Театр Российской армии. Фото: Т. Новикова, 2024 год

«Задача по уничтожению ориентира города Москвы выполнена», — написал в рапорте 17 июля 1941 года начальник Центрального театра Красной Армии, бригадный комиссар И.В. Максимов. К рапорту приложены эскизы фасадов — 5 листов, план здания сверху, смета на выполнение работ на 4 листах и заключение, составленное на основе воздушного визуального наблюдения с самолета У-2. Они проводились сперва с высоты 1500 метров (7 июля), затем с высоты 2500 метров (10 июля) и в конце с высоты 2600 метров (15 июля 1941 года).

И вот долгожданное заключение: **«С высоты 2500 метров при подходе с востока здание театра определяется только когда самолет почти над объектом».**

До маскировки театр было видно за 30–40 километров от Москвы...

С начала 1942 года среди специалистов разразился спор по поводу целесообразности маскировочных работ, достаточно дорогостоящего процесса. Он случился после того, как над Москвой был сбит первый из немец-

ких бомбардировщиков. На допросе лётчик показал, что Люфтваффе бомбит Москву по собственным картам, в которых город разбит на квадраты, дающим собственные ориентиры. Это означало, что маскировочная работа не имеет никакого смысла. Службу маскировки в этой связи начали перестраивать, театральных художников отправили в эвакуацию вместе с театрами. Мастерская под руководством Алабяна начала разрабатывать новый протокол маскировки.

Но версия немецкого лётчика не подтверждается упрямыми фактами. Они говорят сами за себя. За годы Великой Отечественной войны немецкая авиация произвела больше 125 налётов на Москву. Именно благодаря маскировке зданий Москва оказалась единственной из столиц воюющих государств, не понесшей существенного ущерба от бомбардировок. Столице удалось сохранить большинство строений — в том числе и знаменитое здание Театра Армии.

МН

ПОБЕДА / ХРОНИКА

Автор:
Александра Шапиро,
журналист, экскурсовод

Московские архитекторы. Военный дневник

Мавзолей В.И. Ленина, замаскированный под старинный особняк с мезонином. Кадр кинохроники октября 1941 года. ЦГА Москвы

В 1932 году был создан Союз советских архитекторов СССР. В его Правление и в Московское отделение вошли корифеи отечественной архитектуры — те, кто возводил в столице выдающиеся здания и станции метрополитена, планировал улицы и площади. В годы Великой Отечественной войны московские архитекторы не только встали на оборону и защиту Москвы, но и возглавили военное и восстановительное строительство, охрану памятников и возведение мемориалов во всей стране.

1941 год

Через месяц после начала войны, **27 июня** Правление Союза советских архитекторов СССР обратилось из Москвы ко «всей архитектурной общественности». **«Сейчас в Советском Союзе нет больше мирных профессий»**, — говорилось в программном документе, подписанном ответственным секретарём организации К.С. Алабяном. Поэтому архитекторы должны работать **«только на оборону, только на защиту отчизны»**: строить бомбо- и газоубежища, маскировать важнейшие промышленные и городские объекты, восстанавливать разрушенные бомбардировкой здания, охранять **«особо выдающиеся памятники архитектуры и хранилища культурных ценностей»**.

19 октября Государственный Комитет Обороны издал постановление «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах». С началом обороны К.С. Алабян возглавил созданную при Моссовете центральную проектно-маскировочную мастерскую, объединившую многих известных архитекторов. Например, Б.М. Иофан маскировал Московский Кремль и прилегающие к нему территории, А.В. Щусев — некогда возведённый им на Красной площади Мавзолей В.И. Ленина, а также Казанский вокзал, дело всей своей жизни.

Штаб маскировки организовывал Д.Н. Чечулин, командовавший ротой технической разведки. По его проекту Водоот-

Макет маскировки колокольни Ивана Великого. Б.М. Иофан. 1941 год

водный канал и некоторые улицы покрыли фанерными щитами, на окраинах с помощью освещения имитировали работающие заводы. После вражеских воздушных налётов и бомбардировок оперативные инженеры технической разведки вместе с бойцами местной противовоздушной обороны ликвидировали завалы и спасали людей, а потом составляли техническую документацию для очистки и восстановления пострадавших объектов.

Главный архитектор Метропроекта и Метростроя А.Н. Душкин руководил работами по маскировке промышленных объектов и строительству бомбоубежищ.

Из студентов Московского архитектурного института был организован маскировочный батальон, который работал на территориях заводов ЗИС, Первого государственного подшипникового, «Калибра», КИМа, «Динамо» и ряда других объектов.

И.И. Ловейко стал начальником участка строительства баррикад Волоколамского направления.

Противотанковые заграждения изображены на картине «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года» А.А. Дейнеки. 1941 год. Государственная Третьяковская галерея

Для проведения парада на Красной площади 7 ноября 1941 года Мавзолей В.И. Ленина был освобождён от маскировки. На авторском варианте картины К.Ф. Юона «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года» можно видеть декорации фасадов кремлёвских зданий. ГТГ

А.К. Чалдымов искал экономичные типовые решения командных пунктов и убежищ, был инспектором и оперативным инженером технической разведки на оборонительных укреплениях дальних и ближних подступов к Москве.

А.Н. Земский совмещал работу оперативного инженера разведки с проектирова-

нием бомбо- и газоубежищ, дегазационных станций.

М.В. Посохин и его коллега-соавтор А.А. Мндоянц — «молодые талантливые архитекторы», как писал Д.Н. Чечулин — **«проявили себя как подлинные патриоты на всех участках поручаемой им работы»**.

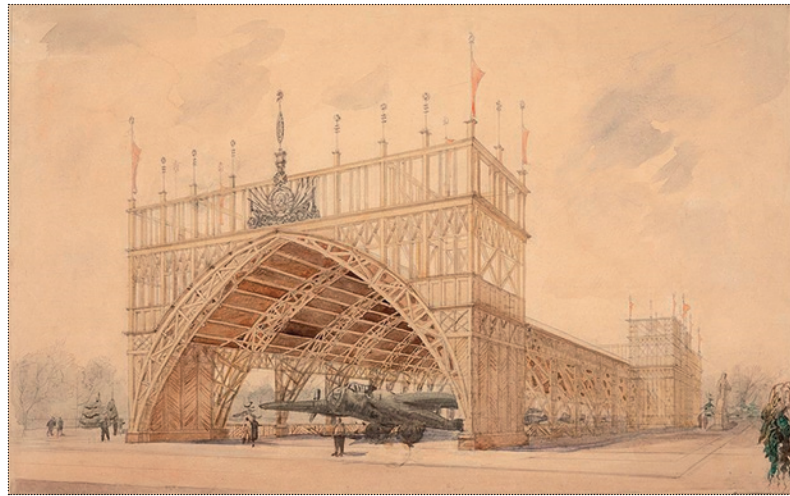
Также Д.Н. Чечулин писал: **«Необходимо особо отметить роль инженеров, с которыми мы в мирное время совместно строили наши сооружения»**.

Интересно, как в деле обороны и маскировки Москвы были задействованы два проекта Б.М. Иофана: грандиозный Дворец Советов, над фундаментом которого к началу войны уже готовили каркас из металлоконструкций, и демонтированный в 1940 году великолепный павильон СССР на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке. Металлические балки Дворца пошли на противотанковые ежи и каркас защитного макета здания над Мавзолеем имени В.И. Ленина, балки павильона — тоже на ежи. С первых дней войны часть очень большого коллектива архитекторов-строителей Дворца Советов была призвана на фронт, другие ушли добровольцами в народное ополчение, оставшиеся работали на маскировке Москвы и оборонительных сооружениях.

В августе в Центральном музее Красной армии (тогда располагался в левом крыле здания бывшего Екатерининского института благородных девиц, переданного Центральному Дому Красной армии; современный адрес — Суворовская площадь, 2) выставили военные трофеи, захваченные у противника. В декабре было принято решение построить в ЦПКИО имени М. Горького павильон для демонстрации трофейной техники, который расположился у границы с Нескучным садом. Сохранился проект павильона, выполненный А.В. Щусевым.

1942 год

Контрнаступление наших войск под Москвой началось 5 декабря 1941 года. И уже в начале 1942 года архитекторы наметили дальнейшую программу действий. Из протокола заседания Правления Союза советских архитекторов СССР **14 января: «Главной задачей в ближайшее время является**

Проект павильона трофейной техники в ЦПКУ им. М. Горького, созданный А.В. Шусевым в 1941 году. ГНИМА имени А.В. Шусева

Проект маскировки Троицкой башни, зданий и стен Кремля со стороны Александровского сада. Б.М. Иофан. 1941 год

оказание всемерной помощи восстановлению населённых пунктов, освобождённых от немецких оккупантов». 14 февраля организуются три комиссии: по восстановительному строительству (в которую под председательством К.С. Алабяна вошли Л.О. Бумажный, А.К. Чалдымов, Д.Н. Чечулин, М.Н. Мержанов), по охране памятников архитектуры и монументального искусства (с председателем историком архитектуры Н.И. Бруновым), по пропаганде памятников архитектуры (с председателем искусствоведом Д.Е. Аркиным). Например, М.О. Барц начал заниматься типовыми домами для разрушенных городов, Б.Н. Блохин — эконо-

микой малоэтажного жилья. В мастерской А.В. Шусева составили первый проект реконструкции Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в Истре, почти полностью уничтоженного в ноябре-декабре 1941 года.

Также большая часть ведущих архитекторов Москвы отправилась в тыл, чтобы помочь строить новые промышленные сооружения, жилые и коммунальные здания для эвакуированных. Так, Н.П. Былинкин работал в Свердловске и Чимкенте и над типовыми проектами жилищ упрощённого типа, и над полевыми госпиталями и общежитиями для бойцов, М.Я. Гинзбург и Г.Б. Красин на Урале — над промышленными и жилыми объектами.

Вот цитаты из некоторых выступлений на X пленуме Правления Союза советских архитекторов СССР, проведённом 22-25 апреля в Москве.

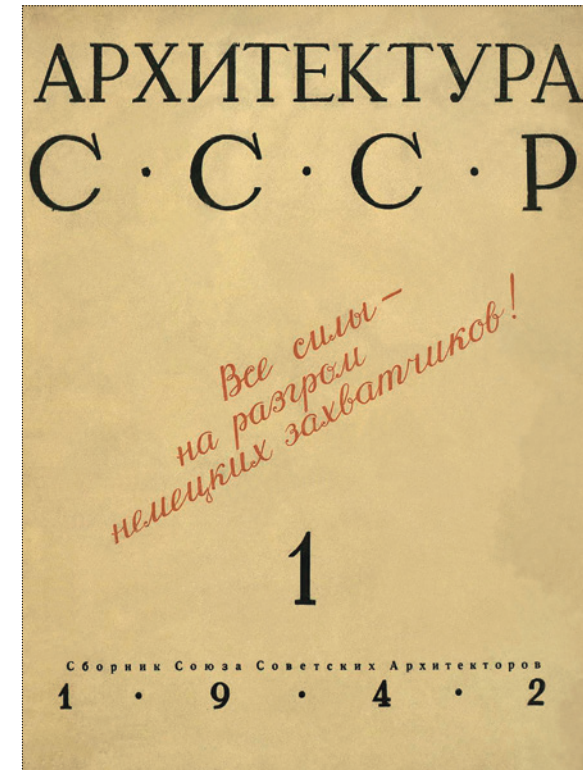
«Начата большая работа по благоустройству и очистке Москвы... Московские архитекторы уже включились в важнейшее дело помощи районам, освобождённым от фашистских банд», — Д.Н. Чечулин.

«После восстановления города наши должны стать красивее и гигиеничнее, чем они были до войны», — З.М. Розенфельд о Калинин (Твери), Туле, Ржеве, Орле, Смоленске и других городах.

«Строительство в условиях военного времени и особенно в послевоенный период будет развиваться по пути массового возведения малоэтажных зданий», — Н.П. Былинкин (в 1940 году возглавивший только что созданный институт массового строительства Академии архитектуры СССР).

«Уже сейчас наши архитекторы думают над памятниками, которыми можно было бы увековечить невиданный героизм, проявленный советским народом», — Б.М. Иофан.

В резолюции X Пленум Правления Союза советских архитекторов СССР призвал всех архитекторов «отдавать военному строительству на фронте и в тылу все свои знания и опыт», вкладывать «все свои силы, всю творческую изобретательскую мысль». К слову об изобретательской мысли: снова в военном деле пригодился недостроенный московский Дворец Советов. Чтобы ускорить сооружение линии Москва-Котлас-Воркута, по которой северный уголь поставлялся

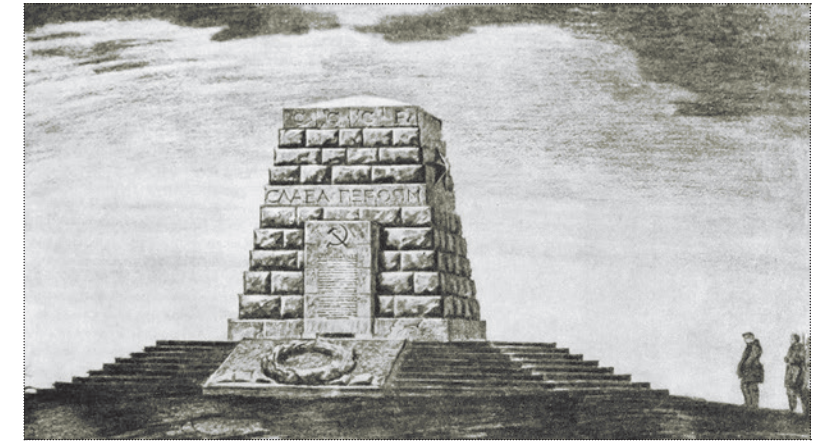
Обложка выпуска 1 за 1942 год сборника «Архитектура СССР», в котором была опубликована статья «Архитекторы в дни Великой Отечественной войны», а также некоторые из проектов военных монументов товарищеского конкурса Московского отделения Союза Советских архитекторов СССР

в центр страны, металлические конструкции Дворца использовали в строительстве железнодорожных мостов.

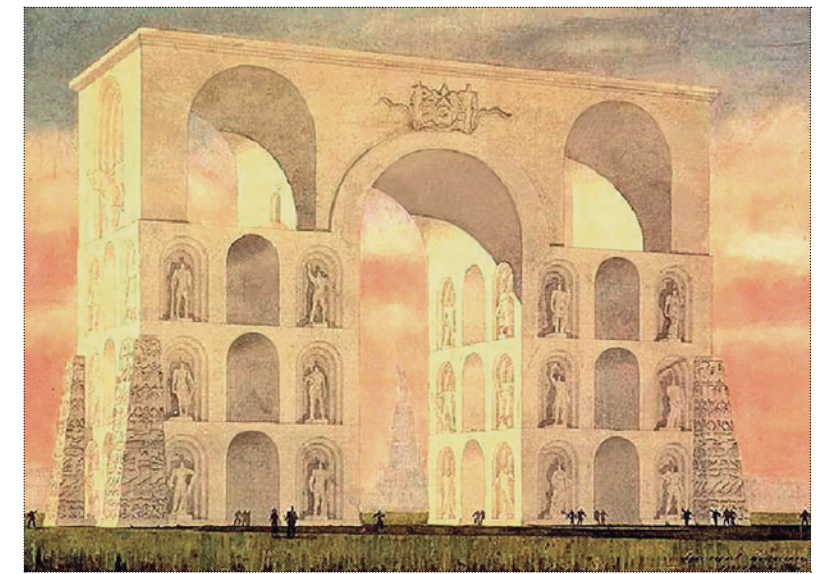
Также на X Пленуме архитектор Л.О. Бумажный указал на недочёты в работе по маскировке Москвы. Так что возглавляемая Алабяном центральная проектно-маскировочная мастерская продолжала работу, исправляя их. Всего за годы деятельности мастерской было выполнено 116 проектов в Москве и других крупных городах.

В июле Правление Союза советских архитекторов СССР организовало в Москве специальный семинар по вопросам реставрации памятников и выставку «Разрушения и повреждения памятников русской архитектуры, причинённые немецкими захватчиками».

Ещё в апреле Московское отделение Союза советских архитекторов СССР начало «товарищеское соревнование» на проекты

Проект (нереализованный) памятника над братским захоронением. Товарищеский конкурс Московского отделения Союза Советских архитекторов СССР. 1942 год. Архитектор В.С. Андреев. Из сборника «Архитектура СССР», выпуск 1, 1942 год

Проект (нереализованный) «Арки героев» — монумента защитникам Москвы. Всесоюзный конкурс. 1942 год. Архитектор Л.Н. Павлов предлагал разместить памятник на Красной площади

монументов героям Великой Отечественной войны, а 8 сентября объявило о проведении уже масштабного открытого всесоюзного конкурса. Только от московских скульпторов и архитекторов поступило около 90 работ.

21 июля правительственная комиссия утвердила проект ордена Суворова, разработанный вернувшимся с фронта студентом-дипломником МАРХИ П.И. Скоканом,

Орден Суворова III степени, выпущенный в 1942 году по проекту архитектора П.И. Скокана. ГИМ

работавшим в Москве в Центральном военно-проектном институте.

1943 год

В еженедельной столичной газете «Литература и искусство» 1 января вышла статья А.Н. Душкина «Подарок москвичам», в которой архитектор рассказал о своём проекте — станции «Завод имени Сталина» («Автозаводская» с 1956 года), ставшей двадцать третьей станцией московского метрополитена и первой, выстроенной в дни войны. А 20 ноября открылись станции «Новокузнецкая» (наземный павильон — В.Г. Гельфрейх, И.Е. Рожин, перронный зал — И.Г. Таранов, Н.А. Быкова с коллективом)

Улица Горького (Тверская). Апрель 1943 года

и «Павелецкая» радиальная (А.Н. Душкин, Н.С. Князев с коллективом).

23 мая поступило распоряжение Моссовета о подготовке ЦПКиО имени М. Горького к «открытию выставки трофейного вооружения и техники». «Архитектурное руководство» возлагалось на «начальника Архитектурно-планировочного управления т. Чечулина». Был перестроен центральный вход в парк, сделана новая ограда, по осям набережной реки Москвы и «Цветочной аллеи» установлены 20-метровые обелиски. Часть экспонатов размещалась в полузакрытых павильонах, часть — вдоль аллей. Выставка работала с 22 июня 1943 года до 1 октября 1948 года.

В 1943 году завершилось создание памятника «Триумф Победы» на Ленинградском путепроводе, проходящем над железнодорожной линией Рижского направления МЖД. Архитектором проекта в память о битве под Москвой выступил Д.Н. Чечулин, скульптором — Н.В. Томский. Путепровод же получил название Моста Победы.

Всё больше внимания в 1943 году уделялось восстановительному строительству. В архитектурных мастерских приступили к проектам реконструкции пострадавших городов: у А.В. Щусева занимались Истрой и Новгородом (Великим Новгородом с 1939 года), у К.С. Алабяна — Сталинградом (Волгоградом с 1941 года), у Б.М. Иофана — Новороссийском, у М.Я. Гинзбурга — Севастополем, у Н.Д. Колли — Калининским (вновь Тверью с 1941 года), у А.К. Бурова — Ялтой, у Л.В. Руднева — Воронежем. Кроме того мастерские Алабяна, Иофана, Щусева, Руднева, В.Г. Гельфрейха, Г.П. Гольца работали над проектом центральной площади и монумента защитникам Сталинграда.

29 июля поступило распоряжение о строительстве нового путепровода «на Волоколамском шоссе через Окружную железную дорогу». На стройку были направлены 250 тонн металлоконструкций московского Дворца Советов.

16–19 августа в Москве проходил XI пленум Правления Союза советских архитекторов СССР, который снова собрал ведущих отечественных архитекторов. Открыло пленум вступительное слово Алабяна, с основным докладом «Архитектурная практика

Выставка трофейного вооружения и техники в ЦПКиО имени М. Горького. Виден один из обелисков, возведённый под руководством Д.Н. Чечулина. Фото 1943–1947 годов

Проект (нереализованный) памятника-музея обороны Москвы. Архитектор И.А. Голосов. 1943 год. Из книги «История советской архитектуры. 1941–1945. Хроника военных лет», М.: Наука, 1978

военного времени и наши творческие задачи» выступил Мордвинов.

Алабян, говоря о решении будущих задач, коснулся «дефектов» довоенной строительной практики. «Я считаю, что основным дефектом в нашей работе было недостаточное внимание к массовому строительству. Нас главным образом волновали

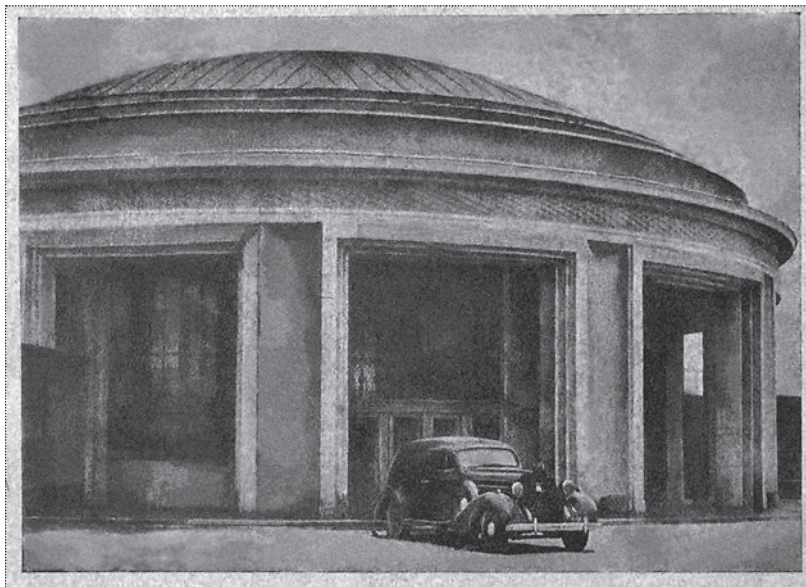
проекты отдельных общественных зданий. Мы часто в Москве проводили большие дискуссии о застройке той или иной улицы, но живого интереса к массовому строительству не было [...] За словами об ансамблях, о создании больших архитектурных композиций не следовало дело [...] Самая высокая культура архитектуры, самая большая форма в архитектурном институте — градостроение у нас было в загоне».

Буров говорил о коренной перестройке методов «в отношении массового строительства».

Мордвинов, повторивший лозунг 1930-х годов «Архитекторы на леса!», отметил, что при восстановлении городов и посёлков «огромное и решающее значение в архитектуре имеет массовое малоэтажное строительство». И «в годы Великой Отечественной войны началось движение творческой работы над массовым жилищем». «Строительство малоэтажных жилых домов — такая это благородная и вместе с тем благодарная задача. Создать для человека уютное, тёплое, красивое жилище, дающее ему радость жизни. Здесь тоже поэзия, но не пафос Победы, как монументы, а лирика. Эта лирическая поэзия рождена из любви к человеку, к народу». К слову, коллега Мордвинова, архитектор Гинзбург ещё до пленума в одной из профессиональных дискуссий критиковал отстроенную в 1930-х годах московскую улицу Горького (вновь Тверскую с 1990 года) именно за пафос. «К примеру, возьмём улицу Горького, в строительстве которой до последней стадии я тоже принимал участие. Как велась эта работа? Было решено, что это улица, по которой проезжают наши триумфаторы с аэродрома. Следовательно, эта улица триумфальная [...] Мы плохо думали, и в результате получилось, что это улица героев, да и целый ряд реконструированных магистралей Москвы оказались нарядными, помпезными, но ни одна из них не решала простых человеческих проблем, простого, удобного жилища, пригодного для всех поколений семьи. Такого жилища, такой улицы, такого двора, такого сада, такого бульвара мы не создали». Военное же время изменило взгляды на архитектуру городов и проблему жилья, говорил Гинзбург. «Можно ли себе

Одна из скульптур Моста Победы, завершённого в 1943 году

Станция «Новокузнецкая». Наземный павильон. Архитекторы В.Г. Гельфрейх, И.Е. Рожин. 1944 год

представить, что те колоссальные бедствия, которые понесла наша родина, те потоки крови, которые пролиты лучшими нашими сынами за родину, останутся без влияния на творчество каждого из нас. Чудовищна сама мысль о том, что это может остаться без влияния на нашу работу...

27 сентября 1943 года датирован отчёт Академии архитектуры СССР о работе творческо-экспериментальных мастерских. В нём, в частности, упоминались мастерские: В.А. Веснина — с серией типовых про-

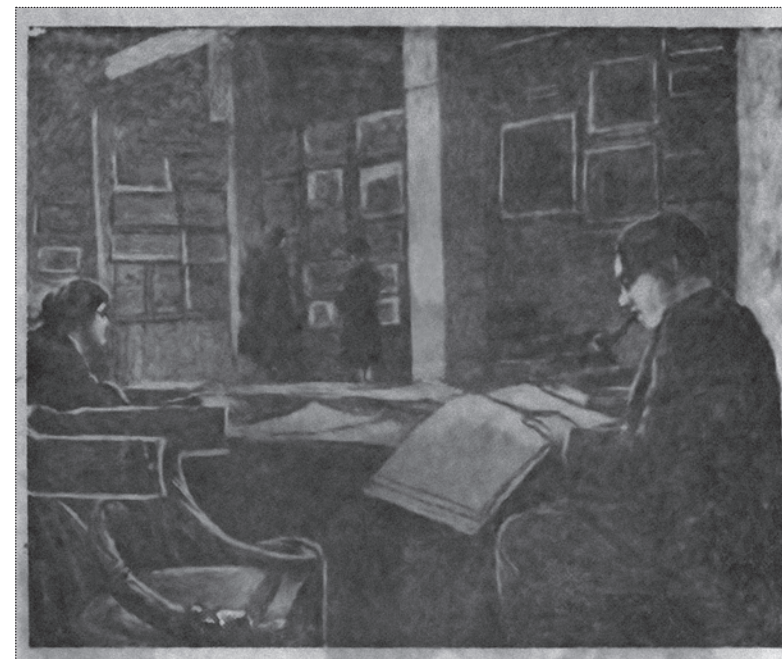
ектов секций жилых квартир для городов и посёлков; И.В. Жолтовского — с серией типовых проектов для поселкового строительства, М.Я. Гинзбурга — со строительством рабочего посёлка в Сталиногорске (Новомосковске с 1961 года).

1944 год

18 января в Москве открылись станции метро «Бауманская» (Б.М. Иофан с группой), «Сталинская» («Семёновская» с 1961 года; С.М. Кравец с коллективом), «Измайловский парк культуры и отдыха имени Сталина» («Измайловская» в 1947–1963 годах, «Измайловский парк» в 1963–2005 годах, «Партизанская» с 2005 года; Б.С. Виленский с коллективом). В газете «Вечерняя Москва» 17 февраля писали: **«Москва обогатилась тремя монументальными сооружениями, выдающимися по своей конструкции и идейно насыщенными по архитектурному оформлению. Новые станции метро отражают в себе славные победы нашей Красной Армии на фронтах отечественной войны и героический труд советских людей в тылу».** А 15 мая ввели в строй ещё одну станцию этого радиуса — «Электrozаводскую» (В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх, И.Е. Рожин с коллективом).

К концу 1944 года наши территории были полностью освобождены от захватчиков. Сотни городов, тысячи предприятий, миллионы жилищ лежали в руинах. Ещё в мае архитектурно планировочная секция Союза советских архитекторов СССР провела большое совещание «Архитектурные проблемы планировки городов в связи с восстановительным строительством». Так, С.Е. Чернышов выступил с докладом «Проблемы ансамблевой застройки и организации центров городов», А.В. Щусев — с докладом «Сохранение и восстановление исторических ансамблей русских городов».

Согласно документам, «виднейшие мастера архитектуры» выезжали в разрушенные города. **«В городе осталось в более или менее сохранившемся виде вряд ли более 2% каменных домов. Деревянных домов ещё меньше. Почти все имевшиеся в городе и представлявшие архитектурный интерес церкви XVII–XVIII веков разрушены»**, — из отчёта о командировке В.Г. Гель-

«В Доме архитектора открыта выставка проектов планировки восстанавливаемых городов, колхозных сёл, жилых и общественных зданий. На снимке З. Неверовой (ТАСС): архитекторы осматривают экспонаты выставки». Из газеты «Вечерняя Москва», № 301 (6538), 22 декабря 1944 год

фрейха и Ю.В. Шуко во Ржев. **«Совершенно исключительную по своему значению и размаху творческую помощь оказал восстанавливаемым городам академик Щусев. Им проведены работы по проектированию городов Новгорода, Туапсе, Пулковской обсерватории под Ленинградом и центра Минска. Им оказана серьёзная помощь консультациями в работе по строительству Минска, Киева и пригородов Ленинграда. Более 12 поездок совершил в 1944 году академик Щусев в города Советского Союза, всюду проявляя кипучую деятельность»**, — отмечал в декабре А.Г. Мордвинов как председатель Комитета по делам архитектуры при Совете Народных Комиссаров СССР. Также Мордвинов сообщал: **«Если в 1944 году мы развернули работы по 140 городам, то по планам, намеченным на 1945 год, нам предстоит развернуть проектно-планировочные работы по 315 городам Советского Союза, из них РСФСР — 150 городов».**

Московские архитекторы разрабатывают многие аспекты восстановительного периода: например, Б.Н. Блохин зани-

Зал станции метрополитена «Электrozаводская». Фото Н. Петрова. «Известия» № 115 (8417), 16 мая, 1944 год

мался темой заводского домостроения, Н.Д. Колли — темой строительства в колхозах.

В апреле в Москве инициировали создание сети общественных инспекторов из числа членов Союза советских архитекторов по охране на периферии памятников истории и культуры. Одним из тех, кто отвечал за организацию данной работы, был К.С. Алабян.

1945 год

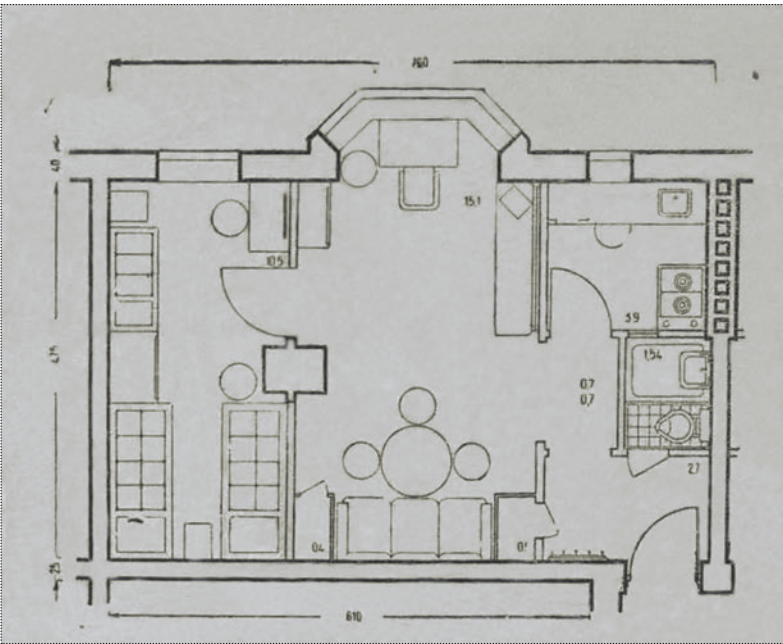
В апреле вопрос о пути дальнейшего развития советской архитектуры стал центральным на творческой дискуссии «Новое в архитектуре», состоявшейся в Союзе советских архитекторов СССР.

13 мая архитекторы Москвы приняли участие в торжественном заседании Правления Союза советских архитекторов СССР, завершившееся «Обращением ко всем архитекторам Советского Союза». Несколько выдержек из него.

«Трудные дни войны завершились Днем Победы [...] В эти исторические дни мы должны дать друг перед другом и всей страной торжественное обязательство: посвятить себя, всё творчество великому делу восстановления и реконструкции городов и сёл.

...Наша священная обязанность — увековечить память героев, павших за Родину,

Зоны
наблюдения
при разведке.
Справочник
маскировщика.
Под ред.
К. Алабяна.
1944 год

План малометражной двухкомнатной городской квартиры
(жилая площадь – 25,6 м², общая – 35,6 м²). В.А. Веснин,
Г.М. Орлов. 1942–1944 годы. «Архитектура СССР», выпуск 10,
1945 год

прославить боевые подвиги наших армий
и отдельных воинов в монументах.
...Мы призываем всех творческих
работников нашей профессии считать себя
призванными на боевой фронт. Будем пом-
нить, что в предстоящие годы слово “стро-
ить” будет звучать так же гордо, как в герои-
ческую пору войны звучало слово “воевать”
[...] Будем помнить, что мы [...] работаем для
народа-победителя, что мы сами часть этого
народа, что большие надежды, глубокие
упования, возлагает наш народ на нас, своих
архитекторов. И нет более важной обязан-
ности всей нашей жизни, нет большего сча-
стья, чем суметь достойно оправдать эти
надежды и заслужить народную благодар-
ность.
Товарищи! За работу!...»

МН

Маскировка Большого театра. 1941 год. МКАИ

Казанский вокзал. Маскировка фасадов. Вариант. А.В. Щусев. 1941 год. ГНИМА

Автор:
Елена Уханова,
старший научный сотрудник,
ГБУК г. Москвы «Государственный
дворцово-парковый музей-заповедник
«Останкино и Куское»»

«Главная ценность — дворец: эвакуации не подлежит»

Останкино в годы Великой Отечественной войны

Останкинский дворец накануне войны. 1940 год. Все фото: Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Куское»», коллекция музея-усадьбы «Останкино»

“Deus conservat omnia” — Бог сохраняет всё — написано на родовом гербе графов Шереметевых. В этом году страна отмечает 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. И сейчас самое время вспомнить и услышать голоса тех, кто стал ангелами-хранителями для Останкинского дворца-музея в годы той страшной войны.

Волею судьбы трудная задача сохранить дворец и все его ценности легла на плечи заместителя директора по науке Кирилла Алексеевича Соловьёва, который был назначен летом 1941 года исполняющим обязанности директора¹. Многие сотрудники музея ушли на фронт. Оставшиеся — в основном женщины — во главе со своим директором буквально «жили во дворце». Им удалось сохранить всё — и дворец, и все его коллекции.

Основой для рассказа о буднях хранителей военного времени стала книга «Воспоминания»² Надежды Алексеевны Елизаровой-Соловьёвой, старшего научного сотрудника музея-усадьбы «Останкино», супруги и соратника К.А. Соловьёва.

Воспоминания Надежды Алексеевны Елизаровой-Соловьёвой дополняют фотографии и документы, сохранившиеся в музее.

1941

Несмотря на предчувствие войны, буквально «витавшее в воздухе», когда жарким днём 22 июня 1941 года по радио было объявлено о нападении на СССР фашистской Германии, все были потрясены этим сообщением.

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: **«Все мы, сотрудники музея, стояли на площади перед входом в парк у громкоговорителя, среди большой толпы собравшихся жителей Останкина и молча слушали объявление. У каждого ныло сердце в предчувствии страшной надвинувшейся грозы. Все стояли молча, опутив головы, многие глотали слезы, но тихо, не было слышно**

Церковь
Живоначала
Троицы
в Останкине
накануне
войны. 1940 год

ни звука — все так же молча разошлись по домам»³.

Началась другая жизнь. Немецкие войска стремительно наступали, в Москве было объявлено военное положение, встал вопрос о сохранении культурного наследия. На запросы руководства о необходимости эвакуации из Останкина музейных предметов был получен ответ из Управления культурно-просветительных предприятий Мосгорисполкома, из которого следовало, что главную ценность представляет само здание дворца, а его вывезти невозможно. Таким образом, все вопросы сохранения Останкинского дворца и его бесценного содержимого легли на сотрудников музея.

Первая бомбардировка в Останкине случилась через несколько дней после начала войны. Люди из соседних с музеем домов побежали в усадебную церковь, которая показалась им наиболее надёжным укрытием. Было решено организовать бомбоубежище в подклете церкви. Окна и двери храма плотно закрывались, на случай длительных воздушных налётов соорудили нары, на которых можно было разместить местное население.

В первое время войны бомбёжек было много. Среди паркового массива и окружающих небольших одноэтажных строений

¹ К.А. Соловьёв — директор музея-усадьбы «Останкино» с 1945 по 1957 годы.

² Елизарова-Соловьёва Н.А. Воспоминания. М.: Издательская группа «Юрист», 2005. 344 с.

³ Там же. С. 245.

Директор музея-усадьбы «Останкино» с 1936 по 1942 годы Иван Иванович Белкин. Фото 1941 года

Директор музея-усадьбы «Останкино» с 1945 по 1957 годы Кирилл Алексеевич Соловьёв. Фото 1941–1945 годов

выделяющиеся на этом фоне дворец и церковь являлись заметным ориентиром для вражеских самолётов. Поэтому музею пришлось в первую очередь заниматься маскировкой дворца; во вторую — обеспечить противовоздушную и противопожарную оборону.

Директором музея-усадьбы «Останкино» с 1936 по 1942 годы был Иван Иванович Белкин. Именно он, как директор и начальник объекта Московской противовоздушной обороны, в первые же дни войны организовал охрану музея. Научные сотрудники составили штат военизированной пожарной охраны.

Здание дворца было условно разбито на несколько асимметричных частей. Центральную часть окрасили в густо-стальной цвет, правое крыло — в чёрный цвет, левое крыло, путём разбивки чёрными четырёхугольниками в виде окон, стало выглядеть как обычный жилой дом. Правая часть Проходной галереи к Гостиному флигелю была окрашена в белый цвет, вся лепнина была окрашена раствором грязи с известью. Камуфляжу также подверглась крыша дворца и крыша Останкинской церкви. В ноч-

ное время, когда чаще всего происходили налёты, дворец производил впечатление нескольких разрозненных строений.

Справа от парадного входа в усадьбу вырыли землянку, представлявшую из себя малозаметный, поросший травой холм, из которой был хорошо виден весь дворец. Здесь находился сам начальник объекта И.И. Белкин, а в дальнейшем — дежурный глава пожарной охраны. Главной задачей сотрудников того времени стало спасение дворца от пожара во время бомбёжек зажигательными бомбами. Были организованы двенадцать пожарных постов, оборудованных всем необходимым для тушения возможного возгорания. Во дворце это были: вестибюль, Парадная анфилада, Картинная галерея и наугольные комнаты, театр, Египетский и Итальянский павильоны, Ротонда. Кроме того посты были на чердаках и в парке. Научные сотрудники, ставшие пожарными, во время дежурства быстро гасили бомбы, работали с огнетушителем, научились ловко подниматься на крышу дворца по пожарной лестнице в кромешной тьме, а затем быстро ликвидировать пробоины в крыше.

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: **«На каждом посту для гашения бомб было приготовлено: песок, вода,**

Дворец в маскировочной окраске. Фото 1941–1942 годов

и все снасти для изъятия горячей бомбы. А в труднодоступные места чердаков было установлено в передней стене отверстие и спущена приставная лестнка, чтобы туда, как в колодец, можно было бы опуститься, и таким образом, из глухого этот чердак стал доступным для работ пожарных»⁴.

Большинство сотрудников-мужчин ушли на фронт в первые же дни войны. В июле месяце в ополчение обороны Москвы были призваны директор музея И.И. Белкин⁵ и его заместитель по научной работе К.А. Соловьёв. Однако вскоре К.А. Соловьёв был признан негодным к армии по причине плохого здоровья. Вернувшись, он был сразу же назначен исполняющим обязанности директора музея, а также комендантом бомбоубежища и газоубежища, оборудованного в усадебной церкви для местных жителей. Также ему была поручена организация противопожарной обороны дворца и санитарного пункта для жителей Останкина. Уже в июле в музее начались консервационные мероприятия.

Все наиболее ценные экспонаты были вынесены из деревянного здания дворца в каменное помещение усадебной церкви, где было организовано секретное захоронение. Оставшаяся экспонатура была перераспределена так, чтобы с одной стороны дать возможность показывать дворец отдельными группами, а с другой — замаскировать

Дворец в маскировочной окраске. Фото 1941–1942 годов

⁴ Елизарова-Соловьёва Н.А. Воспоминания. С. 262.

⁵ И.И. Белкин в дальнейшем воевал в должности командира санитарного батальона. После возвращения с фронта был назначен директором Загорского музея.

Николай Николаевич Медведев — реставратор осветительных приборов — снимает хрусталь с люстр. Фото 1941 года

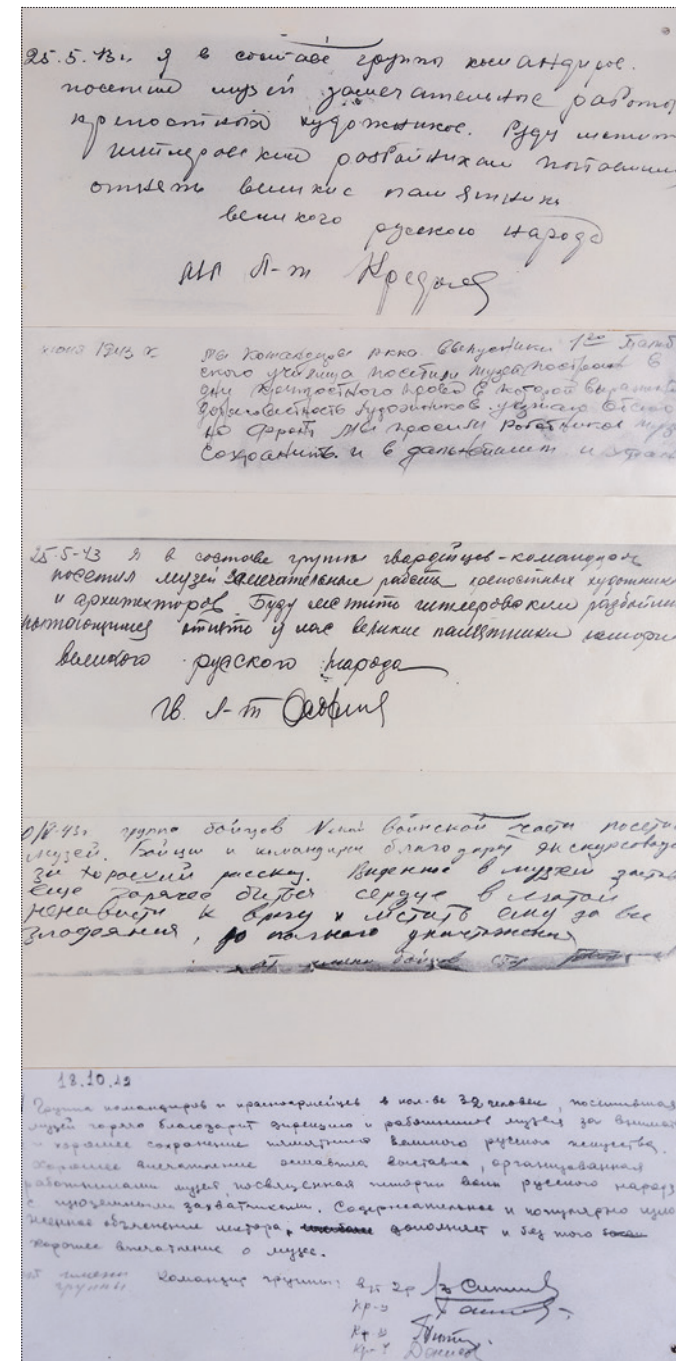

отсутствие ценнейших предметов. Только большие дворцовые люстры пришлось оставить на месте — их невозможно было спрятать в церковных хранилищах. С них был снят весь хрустальный убор, так как он неизбежно должен был разбиться во время бомбардировок. Эта сложная работа выпала на долю реставратора осветительных приборов Николая Николаевича Медведева, который, вследствие тяжелой производственной травмы, имел заболевание центральной нервной системы и не был призван в армию. Именно им был бережно снят и упакован для захоронения весь хрустальный убор со всех люстр дворца, а по окончании войны полностью восстановлен.

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: «**Вся научная и просветительская работа в музее фактически прекратилась, посетителей не было. Немцы были почти на подступах к Москве, и жизнь столицы как бы замерла. Жители — кто уехал в эвакуа-**

цию, кто рыл траншеи и делал надолбы или рыл окопы. Кто был на казарменном положении в охране, а кто работал для фронта на военном заводе. Из нашего музея эвакуировались только две семьи. Все остальные сотрудники оставались на месте и жили во флигеле музея, рядом с нами. [...] Жили только тревожным ожиданием объявления воздушной тревоги, чтоб бежать всем на свои посты. В промежутках между бомбежками мы только и успевали перекусить да немножко отдохнуть — умыться и подремать»⁶.

В первые месяцы войны советские войска отступали, враг приближался к Москве, бомбёжки всё учащались. Однажды ночью вокруг Останкинского дворца, по подсчётам местной милиции, упало 538 зажигательных бомб небольшого калибра! Они падали в дворцовый пруд, на дорожки музейного парка, в питомник растений на берегу пруда, на соседние улицы — везде. Местное

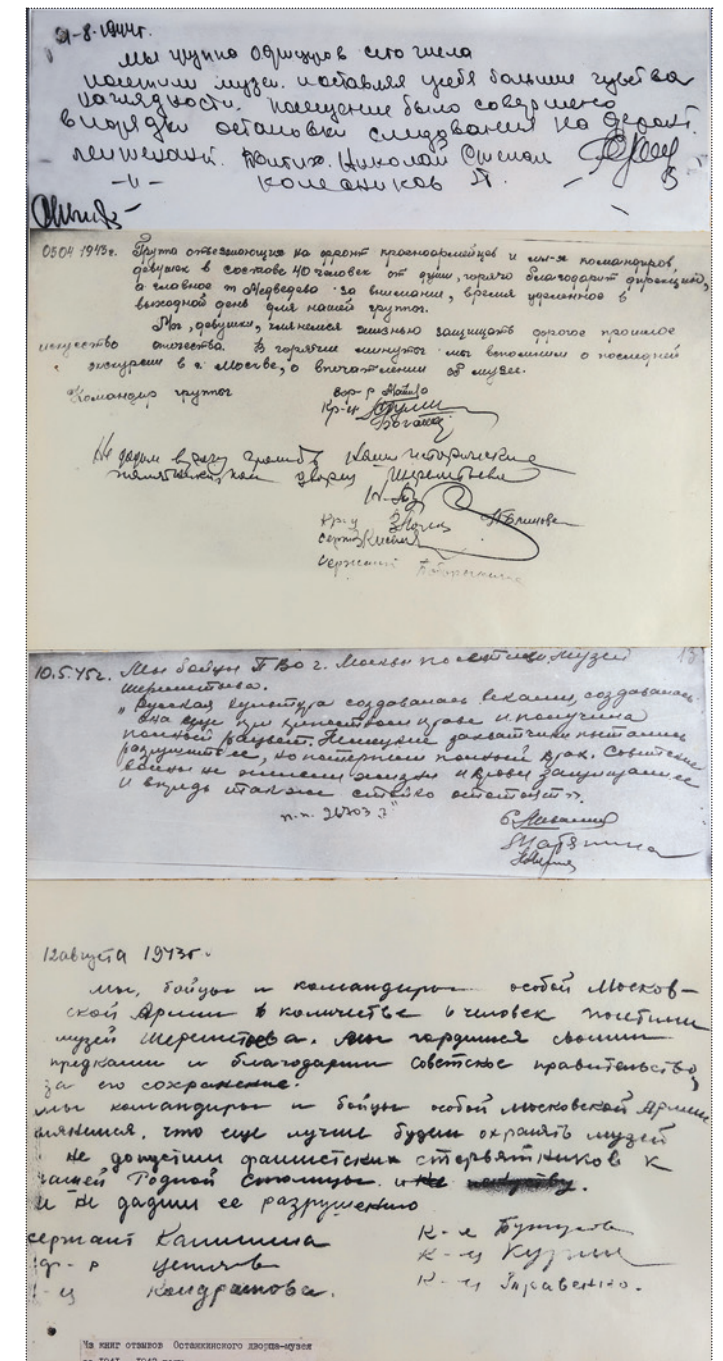

Фрагменты записей из Книги отзывов за 1943–1945 годы

⁷ Там же. С. 262.

население иногда целыми днями проводило в бомбоубежищах, а научные сотрудники-пожарные — на своих постах. Они перестали бояться — привыкли.

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: «**Вначале это было просто ужасно, я не думала, что когда-нибудь освоюсь с этим, но [...]** "привычка свыше нам дана". Скоро я совсем хорошо стала ориентироваться в темноте, осмелела и стала безбоязненно подниматься, и уже не ползать, а ходить по крыше и по всем чердакам»⁷.

Жители Останкина тоже перестали паниковать, быстро и полностью соблюдая порядок, сбегались к церкви. Люди занимали свои места в бомбоубежище без толкотни и шума, помогали друг другу, оберегали детей и стариков. Дома и квартиры не запирались, но слухов о кражах не было.

Церковь Живоначальной Троицы в Останкине была построена в 1692–1698 годы и, к счастью, не была разрушена после революции. Благодаря своим толстым кирпичным сводам и стенам, а также глухому

⁶ Елизарова-Соловьёва Н.А. Указ. соч. С. 253–255.

Начало послевоенных реставрационных работ. Фото 1944 года

⁸ Елизарова-Соловьёва Н.А. Указ. соч. С. 265.

подклету, под сводами которого были изолированные, непроницаемые помещения без окон, она оказалась пригодной как для устройства бомбоубежища, так и для хранения наиболее ценных экспонатов музея. В годы войны Останкинская церковь спасала и людей, и музейные ценности.

Ремонт в усадьбе в связи с бомбардировками производился практически постоянно. В церковь попал большой неразорвавшийся снаряд, в крышу Проходной галереи к Египетскому павильону — снаряд небольшого калибра. Огромное количество осколков обильно осыпали и пробивали крышу. Эти постоянные повреждения требовали немедленных ремонтов, так как потолки с живо-

писными плафонами в залах тут же начинали протекать; осыпалась ценная лепнина, вылетали старинные стёкла. Этот временный мелкий ремонт научные сотрудники музея без промедления выполняли сами. Причём за неимением железа пробоины в крышах заделывались мешковиной, смоченной в смоле.

В декабре 1941 года советские войска остановили наступление немецко-фашистских войск под Москвой, а 6 декабря по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина перешли в контрнаступление. А уже 18 декабря вышел приказ Управления по делам искусств Мосгорисполкома за № 420/1 об открытии Останкинского музея для посещений с 21 декабря. О чём 20 декабря была дана радиопередача и напечатана статья в газете «Вечерняя Москва».

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: **«Итак, у нас в музее появились первые посетители. Это были солдаты со своими командирами. Экскурсии с ними были краткими, предельно насыщенными и целенаправленными на защиту и сохранение замечательных художественных ценностей, созданных прадедами, ценностей, которыми они только что любовались и восхищались их мастерством»⁸.**

1942–1943

Дворец-музей снова ожил, посетители прибывали, и большинство из них были воинские части, проходившие мимо к фронту и получавшие в Останкине душевный отдых и настрой. Научным сотрудникам пришлось задуматься, как лучше показывать дворец воинам, идущим на фронт, как наиболее ярко закончить показ. Было решено давать в конце маленькие выставки, рассказывающие о героизме предков, защищавших Родину в прошлых войнах; о замечательных памятниках, разрушенных фашистами, таких как Ясная Поляна, Петергоф, Гатчина; о героях, которыми гордится вся страна. За 1942–1943 годы музеем было устроено 5 временных выставок, непосредственно относящихся к происходившим событиям:

- ♦ Отечественная война 1812 года
- ♦ Великая Отечественная война 1941 года
- ♦ Героика русского народа

Реставратор осветительных приборов восстанавливает хрустальный убор люстр. Фото 1944 года

♦ Окна ТАСС

♦ Разрушение немецко-фашистскими захватчиками памятников культуры и искусства в СССР.

Выставки имели большой успех и были созвучны чувствам посетителей. Об этом можно было судить по Книге отзывов. Некоторые из них звучали почти как клятвы, идущие от сердца: **«Клянемся сберечь Родину, отомстить врагам за разрушения и бедствия!»** Население также потихоньку возвращалось в музей, часто приходили школьники.

Налёты становились всё более редкими, жизнь постепенно возвращалась в свою колею, оставаясь всё же очень непростой.

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: **«Жизнь была самая суровая. Запасов на чёрный день люди в большинстве своем не имели. Легче было тем, у кого было своё маленькое хозяйство. На каждого человека выдавался чёрный хлеб по жёсткой норме. Летом в парке собирали щавель, крапиву, лебеду, под дубами искали желуди**

⁹ Там же. С. 270.

и толкли их, превращая в муку или крупу. [...] А весной я завела свой очень неплохой огородик, где выращивала на грядках разные овощи. У каждого работника музея был свой участок в партере парка и перед оградой дворца, и каждый из нас на своём участке что хотел, то и выращивал, ухаживая за ним сам»⁹.

Несмотря на то, что от Москвы фашистские войска отступили, для страны 1943 год был очень тяжёлым. Сталинград, Курская дуга, тысячи разрушенных городов и сёл, бесчисленные тысячи погибших... Все жили только сводками с фронта и работой. Очень помогало твёрдое убеждение в абсолютной необходимости своего дела. Но результат был — в 1943 году страна одержала множество побед, решивших войну. Население Москвы начало возвращаться из эвакуации.

1944–1945

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: **«...перехожу к нашей жизни**

Групповое фото сотрудников музея-усадьбы «Останкино», награждённых медалью за оборону Москвы. Фото 1944 года

в 1944 году. В нашем музее в том году было большое и приятное событие. Из нашего музейного коллектива Правительство наградило 12 наиболее отличившихся, наиболее активных сотрудников медалью “За оборону Москвы”. [...] К нам приезжало начальство, каждому прикололи на грудь медаль, и всю нашу группу награждённых фотографировали¹⁰.

В архиве музея сохранилась эта фотография. К сожалению, сейчас идентифицировать на этом фото можно только троих: в верхнем ряду вторая слева М.П. Башилова, четвёртая — Н.А. Елизарова; в нижнем ряду третий слева — К.А. Соловьёв. И.И. Белкин не присутствует на фото — он на фронте, но его фотографии сохранились отдельно. Тем не менее хочется поименно перечислить сотрудников музея-усадьбы «Останкино» — ангелов-хранителей, сберёгших дворец в годы Великой Отечественной войны:

Иван Иванович Белкин
Кирилл Алексеевич Соловьёв

Надежда Алексеевна Елизарова
Дмитрий Георгиевич Голованов
Иван Иванович Шестернин
Марианна Петровна Башилова
Николай Васильевич Кулаков
Василий Ананьевич Шмаков
Игнатий Васильевич Усачёв
Ирина Степановна Чижова
Фёкла Петровна Суслина
Вера Фёдоровна Щелягина

В 1944 году начались восстановительные работы, которые продолжились в послевоенное время. Прежде всего нужно было провести капитальный ремонт всех крыш дворца и церкви, которые были совершенно изрежёченными. Постоянные бомбёжки расшатали конструкции дворца. Особенно трудоёмким было восстановление машинного отделения театра, заделка всех отверстий и снятие большого количества песка в ящиках и мешках на всех этажах дворца, необходимого для борьбы с зажигательными бомбами. Нужно было срочно пересмотреть и отремонтировать расшатавшиеся кре-

Надежда Алексеевна Елизарова-Соловьёва с сыном. Фото 1944 года

пления люстр, сменить ненадёжные цепи люстр. Надо было восстановить всю осыпавшуюся во время бомбёжек декоративную лепнину, освободить скульптуру от укрытия.

Снятие камуфляжа оказалось делом весьма трудным. Соответствующих красителей в 1941 году не было, и для этой цели использовалась типографская чёрная несмываемая краска. Она проникла вовнутрь штукатурки, которую пришлось сбивать, а затем восстанавливать и производить окраску стен.

Наконец было закрыто бомбоубежище и ликвидирована землянка на парадном дворе, вместо огородов устроены газоны и цветник из роз. Музей оживал, возвращались на свои места экспонаты из секретных захоронений. Всё больше стало приходиться посетителей. Первоочередной задачей стало приведение залов дворца в порядок, нарушение приспособлениями военного времени, и реставрация экспонатов, из которых ни одна вещь не была утрачена.

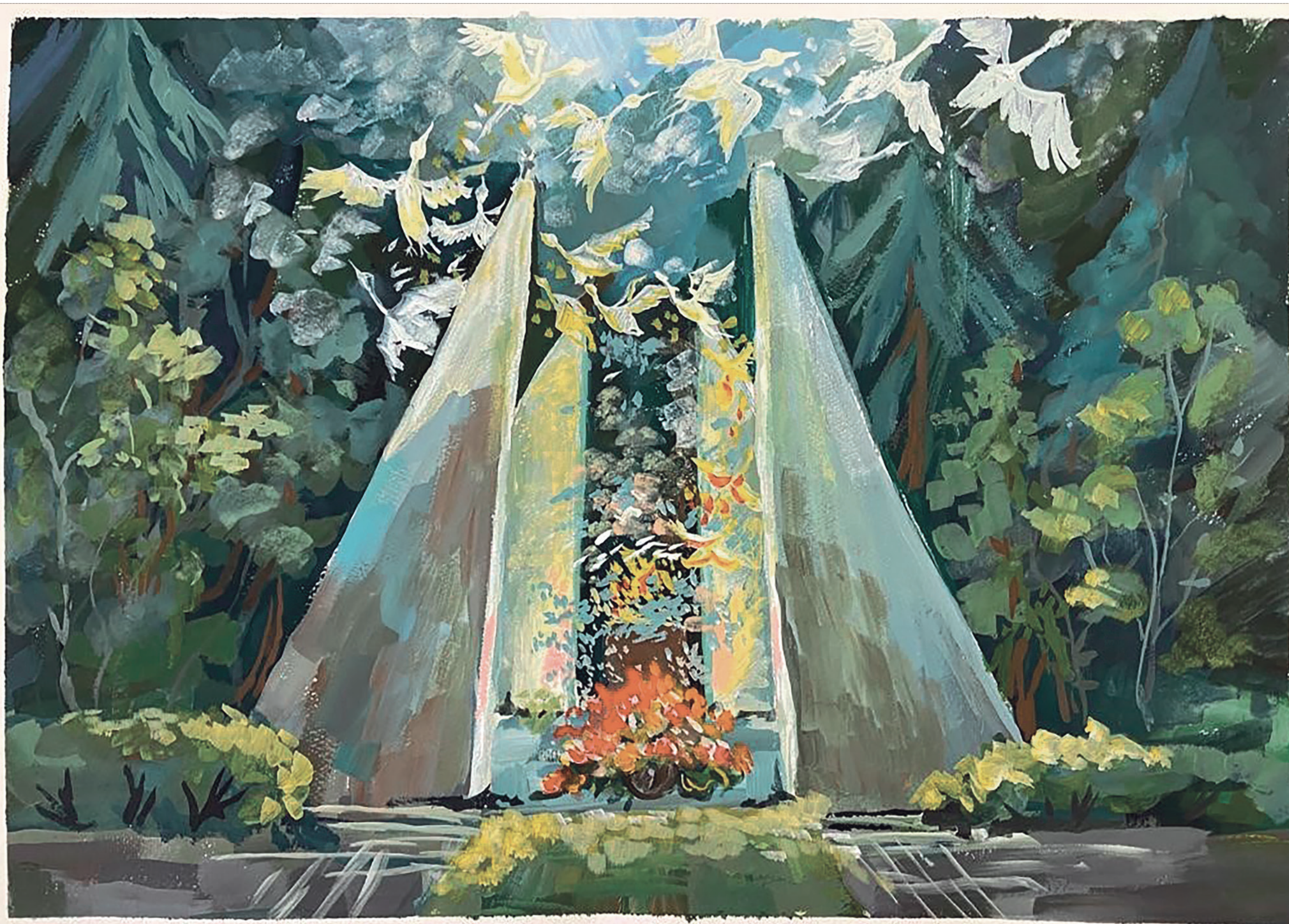
Останкинский дворец-театр. Фото 1946 года

Из воспоминаний Н.А. Елизаровой-Соловьёвой: «Наступила осень 1944 года. Начался тяжёлый труд по залечиванию военных ран. Терпенье! Труд и терпенье! Но настроение было приподнятое, бодрое. Впереди чувствовалась победа, и победа не за горами!»¹¹

МН

¹¹ Там же. С. 292.

¹⁰ Елизарова-Соловьёва Н.А. Указ. соч. С. 292.

«Мемориал павшим защитникам Москвы 1941–1945 гг.»
Мне кажется порою, что солдаты с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу легли когда-то, а превратились в белых журавлей. **Анастасия Мащенко, 15 лет** (СЗАО, Митино). Из работ, присланных за последние годы на конкурс детского рисунка «Наследие моего района» в номинацию «Памятники-герои»

Автор:
Михаил Коробко,
историк

Военные страницы усадьбы Узкое

Узкое — такое немного странное название носит старинная дворянская подмосковная усадьба, ныне находящаяся на территории Юго-Запада Москвы. Ведущая свою историю с дворянского рода Узких (Уских), угасшего в Смутное время, усадьба принадлежала самым знатым фамилиям России — Стрешневым, Голицыным, Толстым и Трубецким. В 1922 году в Узком организовали санаторий, а с началом войны на его базе был развернут госпиталь. Уже в 1943 году дом отдыха «Узкое» вновь распахнул свои двери для советских учёных. За два с половиной года тяжёлой разрушительной войны старинная усадьба почти не пострадала. В этом была заслуга тех, кому была поручена её охрана и кто остался в Узком во время вражеского наступления на Москву.

В советское время в Узком, в 1922 году ставшем санаторием, переданным в 1937 году Академии наук, жили и работали практически все выдающиеся отечественные учёные, чьи имена принесли славу российской науке в советский период: Д.Н. Анучин, Д.Д. Благой, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.В. Виноградов, С.Б. Веселовский, В.И. Вернадский, братья Н.И. и С.И. Вавиловы, Р.Ю. Виппер, С.П. Глазенац, И.Э. Грабарь, Б.Д. Греков, Н.М. Дружнин, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, Н.И. Кареев, Н.М. Кижнер, Е.А. Косминский, П.П. Лазарев, Л.Д. Ландау, Д.С. Лихачёв, Н.Н. Лузин, М.В. Нечкина, В.А. Обручев, В.Т. Пашуто, А.С. Пред-

Между колонн.
И.Э. Грабарь.
1935 год.
Астраханская
картинная
галерея им.
П.М. Догдина.
Вид со второго
этажа главного
дома на партер
парка

водителей, Б.А. Рыбаков, А.Н. Северцов, А.А. Сидоров, М.Н. Тихомиров, Н.И. Толстой, А.Е. Ферсман, А.Н. Филиппов, С.А. Чаплыгин, Я.Н. Щапов, Е.П. Челышев, Л.В. Черепнин, О.Ю. Шмидт и многие другие.

Образ предвоенного Узкого запечатлел в своих воспоминаниях В.А. Кулик-Павский «...неволью возвращаюсь памятью в то мирное зимнее воскресенье, когда мы с бабушкой приезжали в Узкое. Там в то время, кроме деда, отдыхали Владимир Иванович Вернадский и Александр Евгеньевич Ферсман. До войны ни весной, ни летом, ни осенью я не бывал в Узком. В моей памяти этот заповедный уголок остался исключительно зимним. С остановкой-грибком на пустынном шоссе. Со старыми въездными воротами. С оглушительным хрустом снега под валенками. Помню, как мы катались по парку на лыжах, как скатывались на санках к замерзшему пруду, а когда я уже изрядно вымок, стали собираться домой. Перед санаторным кор-

Семья Л.А. Кулика на отдыхе
в санатории «Узкое» в 1940 году.
ЦДН ИВО. Ф. 762. Оп. 1. Д. 131. Л. 28

пусом стояла группа отдыхающих. Голоса всех перекрывал смех и голос Ферсмана. Тогда я уже знал его по Ломоносовскому институту, как и некоторых других сотрудников. Разговор был сугубо «научный», но несколько раз повторялось знакомое мне имя и отчество Вернадского и фраза, что он не здоров. Вдруг кто-то повернулся к крыльцу и воскликнул: «А вот и он!» В дверях стоял небольшого роста старичок с белой бородкой, в пальто с поднятым воротником. Все сразу же окружили его, и больше я в этот день Владимира Ивановича не видел.

Короткий зимний день быстро переходил в вечер. Мы возвращались домой. До автобуса нас провожал дед¹. Аллея шла вверх и упиралась в небо. И, казалось, ей не будет конца. Когда мы подходили к остановке, на небе уже засверкали первые звёзды².

Начало войны свело на нет предполагавшийся ремонт господского дома

¹ Леонид Алексеевич Кулик (1883–1942), минералог, специалист по изучению метеоритов, в том числе Тунгусского метеорита. В начале Великой Отечественной войны вступил добровольцем в народное ополчение, был ранен и погиб в плену.

² Кулик-Павский В.А. Жизнь без легенд: Леонид Алексеевич Кулик: Хроника жизни. Волгоград, 2003. С. 91.

и флигелей усадьбы, а также предложения академика ВАСХНИЛ И.Я. Якушкина по усовершенствованию подсобного хозяйства санатория³. И.Я. Якушкин, отдыхавший в Узком в 1940 году, — одна из самых трагических фигур отечественной науки. Не сумев эмигрировать во время Гражданской войны, он остался на родине, много и с успехом работал, но был завербован НКВД и начал выполнять агентурные задания. Доносы Якушкина сыграли роковую роль в судьбе выдающегося отечественного биолога академика Н.И. Вавилова, брата президента АН СССР С.И. Вавилова, скончавшегося в заключении.

Почти весь первый день войны академик В.И. Вернадский не отходил от радио

Портик главного дома.
Фото:
А. Народицкий,
2021 год

в «соловьёвской комнате»⁴, очень волнуясь. 12 июля он занёс в дневник следующее: **«Произошли события — может быть, исторический перелом в истории человечества...»**⁵.

Приближение линии фронта к столице вынудило командование организовать Московскую зону обороны. В конце октября один из её рубежей слева от Калужского шоссе по линии Узкое-Красное-Царицыно-Хохловка заняла Юго-Западная группа войск, костяк которой составляла 332-я стрелковая дивизия. Узкое было превращено в крупный опорный пункт, а на рубеже Узкое — Тёплый Стан были подготовлены передовые позиции группы⁶.

Основной оборонительный рубеж был устроен на правом берегу речки Чертановки: по ней был выкопан противотанковый ров, сооружены доты и дзоты. Усадебный парк был перерыт блиндажами и траншеями. Для пристрелки артиллерии спилили часть лиственничной аллеи, ведущей к Калужскому шоссе (ныне Санаторная). До сих пор и слева и справа от Санаторной аллеи и к востоку от Палеонтологического музея в разных местах сохранились остатки оборонительных сооружений 1941 года: котлованы блиндажей, заросшие окопы, противотанковый ров в северо-западной части Узкого на правом берегу Чертановки.

На базе санатория «Узкое» 26 ноября 1941 года был развернут хирургический полевой подвижной госпиталь 104-А, находившийся в усадьбе более месяца. Иногда исследователи считают, что он располагался в Красной Пахре. Это объясняется тем, что тогда Узкое входило в Краснопахорский район Московской области.

³ Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 4–6.

⁴ В 1900 году в Узком на руках у владельца усадьбы С.Н. Трубецкого скончался его друг — выдающийся русский философ академик Владимир Сергеевич Соловьёв.

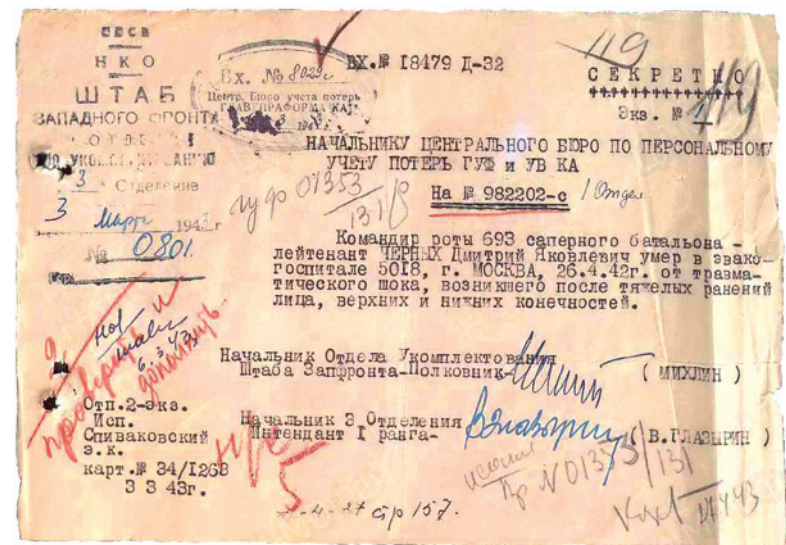
⁵ Шаховская А.Д. Хроника большой жизни // Прометей: историко-библиографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Владимир Иванович Вернадский: Материалы к биографии. Вып. 15. М., 1988. С. 80.

⁶ Москва — фронт, 1941–1945; Сборник документов и материалов. М., 1966. С. 31, 41.

Справка Западного фронта о гибели лейтенанта Д.Я. Черных. 1943 год. ЦАМО

Оборот учётной карточки Черёмушкинского военкомата на могилу Д.Я. Черных. 1991 год. ЦАМО

Памятник на могиле лейтенанта Д.Я. Черных в Узком.
Фото автора

С 20 мая 1942 года усадьбу Узкое занимал эвакогоспиталь 4028 (в составе действующей армии он находился с 21 мая 1942 года по 1 июля 1943 года). Среди сотрудников этих госпиталей был и персонал санатория⁷.

Умерших от ран военнослужащих хоронили на кладбище соседнего села Коньково, находившегося на чётной стороне современной Профсоюзной улицы южнее станции метро «Беляево». При ликвидации кладбища и сноса Конькова их останки были перенесены на Хованское кладбище (ныне ТИНАО). Однако в Узком у церкви чудом сохранилось небольшое кладбище, на котором есть могилы военных лет. Считается, что в них

похоронены погибшие при разминировании санатория «Узкое» в 1942 году.

Удалось проследить судьбу и биографию похороненного здесь лейтенанта Д.Я. Черных, скончавшегося 26 апреля 1942 года. Он был уроженцем села Гремяче Гремяченского (ныне Хохольского) района Воронежской области и командиром 1-й роты 693-го отдельного сапёрного батальона, размещённой в Узком и занимавшейся разминированием его окрестностей.

Начало весенней посевной кампании требовало широкомасштабных работ по разминированию. Они осложнялись тем, что проводили их совсем не те воинские части,

⁷ Кизельштейн Г.Б. Незабываемое «Узкое» // Наука и жизнь. 1975. № 8. С. 92–93.

Памятник на могиле «бойцов трудового фронта», погибших в 1942 году И.Я. Тимохина и С.Е. Катунина в Узком. Фото автора

⁸ Пилипчук В. Могила Д.А. Черных на территории усадьбы Узкое // Московский краевед. 2024. № 5. С. 86–90.

⁹ Кизельштейн Г.Б. Указ. соч. Там же.

¹⁰ Усадебные ансамбли Москвы: Воронцово, Знаменское-Садки, Узкое, Черёмушки-Знаменское, Ясенево / авт.-сост. М.Ю. Коробко. М., 2022. С. 123.

¹¹ Здесь и далее записи отдыхающих цитируются по копии «Книги отзывов и предложений. 1943–1947 гг.», хранящейся в санатории «Узкое».

¹² Кара-Мурза П.М. (1876–195?) — директор санатория «Узкое» в 1936–1953 гг.

которые ставили мины, а также качеством имевшейся документации на установленные минные поля. 25 апреля при разминировании поля у восточной окраины находившейся севернее Узкого деревни Деревлёво, в районе современного пересечения улиц Введенско-го и Бутлерова, Д.Я. Черных, назначив старших групп, отправился для проведения рекогносцировки на соседний участок и подорвался на mine — ему оторвало ногу ниже колена. Д.Я. Черных был отправлен в Москву в эвакуационный госпиталь № 5018, находившийся на Большой Калужской улице (ныне это здание Центральной клинической больницы Московского Патриархата святителя Алексия, митрополита Московского, Ленинский проспект, д. 27). Там на следующий день он и скончался от травматического шока⁸.

Обычно тела всех, кто умирал в эвакуационном госпитале № 5018, поступали в находившийся по соседству Донской крематорий, тогда единственный в Москве, а после кремации их прах хоронили в воинском захоронении на его территории. Однако для Д.Я. Черных было сделано исключение — он был похоронен воинской частью, в которой служил. Его тело было доставлено в расположение 1-й роты 693-го отдельного сапёрного батальона в Узком и погребено с воинскими почестями на 6-м участке маленького местного кладбища.

Над могилой Д.Я. Черных в советское время шефствовали Академия наук и 27-я отдельная гвардейская мотострелковая Севастопольская Краснознамённая бригада имени 60-летия образования СССР. В настоящее время у неё проводят мемориально-патронатные акции библиотеки ЮЗАО.

После стабилизации обстановки на фронтах в Узком был открыт дом отдыха Академии наук (это было понижением статуса учреждения)⁹, который с 1 июля 1943 года стал по-прежнему принимать отдыхающих учёных (они по привычке продолжали называть его санаторием)¹⁰.

«Посещая “Узкое” с 1925 г[ода], с огромным удовлетворением отмечаю, что оно осталось все таким же милым, чарующим “Узким” как и прежде, выйдя невредимым из полосы разрухи и бедствий, надвигающихся на Москву», — писал в августе 1943 года в санаторной «Книге отзывов и предложений» профессор А.П. Шахно¹¹. Ему вторили и другие посетители Узкого: «Я был очень обрадован, найдя парк в полной сохранности и дом чистым и прекрасно отремонтированным», — отмечал академик С.И. Спасокукоцкий. «С радостью и удовольствием мы [...] увидели, что “Узкое” на прежней высоте: та же простота и уют, та же забота [...] предпринятельность в обслуживании, а кругом та же родная природа». Такую запись в книге сделал в сентябре 1943 года академик С.С. Намёткин. «Попавши после 4-х летнего перерыва в Узкое я был приятно поражён, что санаторий “Узкое”, несмотря на бывшую близость фронта и пребывание в этой местности большого количества войск, остался в полной сохранности, что, несомненно, следует приписать заботливому отношению лиц, которым была поручена его охрана и которые остались на месте во время вражеского наступления на Москву», — записал член-корреспондент Академии наук К.А. Круг.

«Я много раз бывал до войны в Узком... Последний раз мы с женой были в грозные июльские дни 1941 года и хорошо помним, как Пётр Макарович [Кара-Мурза]¹² во время воздушных тревог с отеческой заботой о нашей безопасности по тёмным коридорам водил нас в бомбоубежище. Прошли два с половиной года тяжёлой разрушитель-

Главный дом. Восточный фасад. Фото: Ю.П. Еремин, 1947 год. ГНИМА

ной войны. Снова приехав сюда, мы приятно были удивлены и обрадованы, когда увидели, что “Узкое” не изменилось, всё цело. Все на прежнем месте, везде тот же порядок и чистота», — отметили 25 ноября 1943 года заслуженный деятель науки профессор В.И. Молчанов и его жена О.С. Жилина-Молчанова.

Внимание другого отдыхающего, профессора В.В. Бунака, привлекла с **«...большим вкусом выполненная реставрация нижних зал»,** то есть парадных помещений первого этажа (имеется в виду ремонт 1943 года) и **«...пополнение инвентаря»,** то есть изменения в интерьере, обусловленные появлением новых вещей. Надо полагать, что они заменили предметы, утраченные в 1941–1943 годах.

«Я, бывая в Узком до войны, знал его прежнюю прекрасную работу и был крайне поражён, что, несмотря на временное прекращение работы санатория и занятие его под госпиталь, он так быстро восстановлен в своём прежнем виде», — отметил академик В.Н. Образцов 7 декабря 1943 года. «Казалось, что между мирной, “довоенной” жизнью и теперешней лежит целая пропасть. И вот, попавши опять в “Узкое”, я был поражён, что здесь ничего не изменилось, все по-прежнему, тот же культурный уют, то же радушие, та же заботливость, даже картины висят на своих местах и радуют

взгляд», — писал в феврале 1944 года академик И.И. Артоболевский.

Значительную часть контингента отдыхающих первое время составляли ленинградские учёные, пережившие блокаду: академики И.Ю. Крачковский (работал в Узком над книгой «Над арабскими рукописями»), А.А. Богомолец и др. Кроме того, во время войны и в первые послевоенные годы многие московские учёные были вынуждены жить в Узком, так как из-за бытовых условий не могли работать в городе. Среди них вернувшийся из эвакуации В.И. Вернадский (в письме к своему младшему другу и ученику Б.Л. Личкову из Узкого от 18 сентября 1943 года он отмечал: **«Пишу Вам из Узкого, куда я приехал на месяц, так как дома в Москве всё не налажено, дом разрушается, идёт ремонт и холодно»¹³**), художник и искусствовед И.Э. Грабарь, агрохимик Д.Н. Прянишников, немецкий биолог-эмигрант, бывший профессор Йенского университета Юлиус Шаксель. Последний трагически погиб в академическом санатории «Узкое» в 1943 году¹⁴.

И.Э. Грабарь в письме казанскому искусствоведу П.М. Дульскому, написанному в Узком 6 января 1946 года, особо отметил удобство жизни в нём: **«Письмо Ваше от 28/XII [1945 г.] получил здесь, куда я переехал, не имея возможности работать в Москве из-за перерыва в освещении, а тем самым**

Распоряжением Совета министров СССР от 24 марта 1947 года дом отдыха в Узком был переведён на положение санатория. По словам президента Академии наук С.И. Вавилова: «С 1947 г. “Узкое” поставлено в исключительные условия правительством и улучшение в этом году видно всюду...»

мый ни телефонными звонками, ни нудными посетителями, ни заседаниями, ни совещаниями, — словом, всем тем, что мешает жить и работать, и что, в сущности, вовсе не нужно. А жить осталось мало, а сделать надо ещё очень много»¹⁶.

Распоряжением Совета министров СССР от 24 марта 1947 года дом отдыха в Узком был переведён на положение санатория¹⁷. По словам президента Академии наук С.И. Вавилова: «С 1947 г. “Узкое” поставлено в исключительные условия правительством и улучшение в этом году видно всюду...»¹⁸ В том же году ансамбль усадьбы Узкое XVII–XIX веков был взят под государственную охрану постановлением Совета министров РСФСР № 389 от 22 мая 1947 года «Об утверждении дополнительного списка памятников архитектуры, подлежащих государственной охране».

Сразу же после войны пустующие стены большой гостиной и столовой бывшего господского дома украсили полотна И.С. Бека, А. ван Дипенбека, Х. Дитриха, Кейцега, К. Людвига, А. Монго, М. Рокка, А. Тервестена-старшего, А. Томпсона, Л. Фогеля, А. Хертеля, Х. Шмидта и других западноевропейских художников XVII–XIX веков, вывезенные из знаменитых дворцов победённой Германии: королевского замка Шарлоттенбург в Берлине, всемирно известного Сан-Суси и расположенного недалеко от него Нового дворца в Потсдаме (часть работ может происходить из других немецких хранилищ). Относительная немногочисленность «трофейных» полотен, попавших в Узкое, преимущественно большие размеры, происхождение, временной и стилиевой

разнобой позволяют сделать вывод о случайности их подборки. По-видимому, эти картины являются фрагментами больших собраний, которые были переданы Академии наук; а в Узком оказались лишь те работы, которые из-за значительных габаритов было бы затруднительно разместить в небольших помещениях.

В 1948 году по решению тогдашнего президента Академии наук СССР С.И. Вавилова в Узкое были переданы большое собрание живописи, а также скульптура, мебель, вазы, ковры и другие раритеты, завещанные Академии наук К.А. Морозовой, супругой и наследницей бывшего народовольца, почётного академика Н.А. Морозова (распространено мнение, что Морозов лично завещал своё собрание именно санаторию, однако ни в одном из его завещаний Узкое не упомянуто, а единственной наследницей объявлена жена). К.А. Морозовой принадлежали работы: И.А. Айвазовского, Л.С. Бакста, В.Л. Боровиковского, А.Я. Головина, И.Э. Грабаря, Б.М. Кустодиева, М.В. Нестерова, А.П. Остроумовой-Лебедевой, И.Е. и Ю.И. Репиных, Н.К. Рериха, А.А. Рылова, И.И. Шишкина и других русских и западноевропейских художников XVII — 1-й половины XX века. Значительная часть вещей, в первую очередь мебель, предметы прикладного искусства, а также наиболее старая часть коллекции живописи, были собраны ещё отцом Н.А. Морозова, отставным офицером П.А. Щепочкиным, владевшим усадьбой Борок Мологского уезда Ярославской губернии (ввиду того, что родители не были венчаны, Н.А. Морозов получил отчество по своему крёстному и фамилию матери). Отдельные картины перешли к Н.А. Морозову непосредственно от самих художников в качестве подарков по разным поводам.

Впоследствии консультант Президиума Академии наук Н.П. Пахомов, в своё время участвовавший в составлении описи имущества К.А. и Н.А. Морозовых в их квартире на Большой Калужской улице, составил экспозиционный план размещения памятников искусства — картин и мебели в основных помещениях санатория: малой гостиной, бильярдной и вестибюле. Произведения искусства из Борка, попав в привычную для них временную и стилевую среду, создают

Гостиная в главном доме усадьбы Узкое. Фото: А. Народицкий, 2021 год

иллюзию подлинной исторической обстановки господского дома. Как правило, именно в таком качестве их и воспринимают те, кому случается побывать в Узком в роли отдыхающего или посетителя.

Узкое оказалось в черте Москвы в 1960 году. Тогда же часть зданий Узкого (церковь и конный двор), а также парк с прудами были поставлены на государственную охрану в качестве памятников архитектуры и садово-паркового искусства. В 1974 году охранный статус получили господский дом, южный флигель, Большие оранжереи и корпус служб. Решением Мосгорисполкома № 3 от 2 января 1979 года усадьба Узкое, площадью 169,6 га, принята под государственную охрану как объект садово-паркового искусства на территории Москвы.

В середине 1980-х годов снесли село Узкое, находившееся рядом с усадьбой. Теперь вместо него — пустырь с остатками фруктовых деревьев и одноэтажным кирпичным зданием бани, построенным в 1930-х годах. О бывшем центре села напоминает бетонный обелиск — памятник жителям Узкого, погибшим на фронтах в 1941–1945 года. **МН**

в отоплении (у нас доходило до 8 градусов, стыли руки). Да ещё проклятая темнота. Вот и пришлось перебраться сюда, где сидит сейчас немало академиков со всеми чадами и домочадцами, т.к. Узкое принадлежит безраздельно Академии и существует для академиков. Но это не значит, что я тут отдыхаю, как это обычно принято. Я вдвое, даже втрое больше работаю, чем в Москве, т.к. никто не тревожит по телефону и нет назойливых посетителей»¹⁵.

В следующем письме И.Э. Грабарь усилил акцент на удобства Узкого: «Я всё ещё продолжаю жить в “Узком”. Недавно [...] оно всецело отдано Академии наук для пребывания там академиков и членов-корреспондентов. Здесь только я и могу вволю и беспрепятственно работать, не беспоко-

Аллея в усадьбе Узкое. Фото: А. Народицкий, 2021 год

¹⁵ Грабарь И.Э. Письма 1941–1960. М., 1983. С. 71.

¹⁶ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 76. В 1944 году И.Э. Грабарь выполнил этюд «Последний снег в Узком» ныне в фондах Пензенской картинной галереи им. К.А. Савицкого. С того времени он в Узком работал над многотомной «Историей русского искусства», впоследствии изданной под его редакцией.

¹⁷ Шорохова Г.А. Здравница в «Узком» // Вечерняя Москва. 1987. 2 июля; Она же. Усадьба в Узком // Черёмушки. (Москва). 1990. Март (спец. вып).

¹⁸ «Санаторий “Узкое”. Книга отзывов и предложений. 1943–1947 гг.» (копия). Л. 142.

Рейсовый московский автобус (предположительно единственный в то время Фиат), зафрахтованный для перевозки учёных в санаторий «Узкое». Фото 1925 года. Из архива семьи Реформатских

Студия военных художников им. М.Б. Грекова
и её первые шаги на дорогах Второй мировой войны

Ремонтная бригада по восстановлению
танка старшины Широкова И.Г. А. Горпенко

Вспоминая сегодня о Великой Отечественной войне, мы вспоминаем и о тех, кто фотокамерой, карандашом, мелкими и кистью вёл художественную летопись военного подвига нашего народа. Около 900 членов Союза художников СССР было призвано в ряды Красной армии за всё время боевых действий. Художники были рядовыми солдатами и матросами, командирами и политработниками, офицерами различных вспомогательных служб. Многие из них оставили свои визуальные воспоминания о тех годах.

Среди тех, кто профессионально документировал каждый день Второй мировой, находились и представители образованной в Москве 29 ноября 1934 года по приказу за № 74 Народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова изомастерской самодеятельного красноармейского искусства при Особой отдельной кавалерийской бригаде. Идея организации такого творческого содружества искусства и армии принадлежала выпускнику Императорской Академии художеств Митрофану Борисовичу Грекову (1882–1934)¹, прошедшему дорогами Первой мировой и Гражданской войн. Его полотна вошли в фонд шедевров русской и советской батальной живописи. Художник с нетерпением ожидал образования студии, но не дождал всего два дня до выхода приказа о её создании.

К 90-летию Студии военных художников имени М.Б. Грекова был выпущен красочный юбилейный альбом, а отделение искусствознания и художественной критики Российской академии художеств в Белом зале здания на ул. Пречистенка, 21 накануне дня Великой Победы организовало его презентацию. Перед авторами-составителями альбома стояла непростая задача. «Каталог включает несколько разделов, наиболее обширным из которых является представление произведений каждого ныне работающего в Студии художника, созданных за последние пять лет. В отдельных случаях представлены и ретроспективные работы более раннего периода. Наряду с иллюстрациями публикуется творческая биография каждого художника, а также небольшое авторское эссе, раскрывающее значение

Каталог выставки военных художников
Студии имени Грекова. 1945 год

¹ Детство и юность будущего художника Митрофана Борисовича Грекова (Мартыщенко) прошли на Дону. Увлечение рисованием привело его в 1898 г. в Одесское художественное училище. После его окончания в 1903 г. он поступил в Петербургскую Академию художеств в живописную мастерскую И.Е. Репина, а после ухода последнего из Академии перешёл в батальную мастерскую А.Ф. Рубо. Звание художника он получил в 1911 г.

Красноармеец
разведчик
Пирожков А.М.
А. Горпенко

Студии в его жизни, личный опыт передачи эстафеты творческих традиций от старших мастеров молодому поколению грековцев»².

Вероятно, стоит остановиться на истории Студии подробнее. Свою службу первые студийцы начали в части у генерала Л.М. Доватора в Хамовническом манеже, где кавалерийская учёба сочеталась с постижением мастерства живописи. Хотя в ранние годы своего существования Студия была все-

Старший сержант
отдельного
батальона ПТР
Шетинин С.Н.
А. Горпенко

Портрет А.А. Горпенко и Е.И. Комарова.
Фото 1942 года

го лишь кружком, который красноармейцы посещали в свободное от военных занятий время, в обязательную программу обучения входило изучение мирового художественного наследия, посещение музеев и картинных галерей. В летнее время изомастерская вместе с дивизией выезжала в военные лагеря. Здесь художники наблюдали кавалерийские учения и сами активно в них участвовали. А главное — делали много зарисовок и писали на пленэре. В 1935 году к концу лагерного сбора в клубе дивизии была устроена первая выставка ученических работ, а первые оценки деятельности студии появились на страницах газеты «Правда» 7 декабря 1939 года: **«За пять лет Студия превратилась в художественную школу всеармейского значения... Сейчас в Студии обучаются двадцать пять красноармейцев, они любят искусство, упорно овладевают мастерством...»**³

В 1938 году командующий войсками Московского военного округа С.М. Будённый дал указание преобразовать Изомастерские самодеятельного красноармейского искусства в Студию военных художников имени М.Б. Грекова. Тогда же перед студией были

² Электронный ресурс: <https://rah.ru/news/detail.php?ID=61064>.

³ Аксёнова Г.В. Предыстория Студии военных художников имени М.Б. Грекова: рассказ о тех, кто воевал карандашом, красками и кистью // Вестник ЛГПУ. Серия Гуманитарные науки. История. 2015. Вып. 2 (17). С. 19–28.

Александровка.
Зенитно-
пулемётный
расчёт.
Г. Прокопинский.
1942 год

поставлены задачи отображения героического пути армии Страны Советов. Её руководителем назначили участника Первой мировой войны, художника-монументалиста и станковиста Василия Семёновича Сварога (Корочкина) (1883–1946).

Зимой 1940 года в самом конце советско-финской войны художники Студии побывали на укреплениях «линии Маннергейма». В течение месяца во время коротких привалов они зарисовывали места боёв, пробираясь на лыжах по труднопроходимым дорогам среди болот и лесов Карельского перешейка. Эта работа многому научила молодых студийцев и стала для них хорошим опытом.

В контексте празднования 80-летия Победы особое место в изобразительном ряду нового альбома, выпущенного к 90-летию юбилею Студии, уделено произведениям, посвящённым Великой Отечественной войне. Можно вспомнить, что после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года все художники Студии добровольцами записались на фронт. Но и в Москве для них нашлась работа, по специальности, пер-

воначально связанная с оформлением агитпунктов, вокзалов, военных пересыльных пунктов, частей противовоздушной обороны, а затем и с командировками в воинские подразделения для выпуска «Листков красноармейца», газеты «Красная звезда», журнала «Красноармеец» и для подготовки к печати агитационных плакатов.

Все произведения, вошедшие в недавно опубликованный альбом, созданы в мирное время, когда появилась возможность проникнуться величием подвига русского солдата и всего советского народа. А во время военных действий требовалось успеть зафиксировать важные, на взгляд художника, моменты, закрепить их на бумаге, чтобы потом, после победы, использовать для создания таких вот эпических живописных полотен и панорам. 7 января 1942 года состоялась беседа московских художников с председателем Всесоюзного комитета по делам искусств М.Б. Храпченко, в ходе которой было принято решение о создании серии альбомов с репродукциями произведений, непосредственно отражающих военные события. Храпченко заверил, что художникам будут

Западный фронт.
Штаб полка.
Г. Прокопинский

Гвардии политрук Н.С. Грязнов

Батальонный комиссар Орлов. П. Кривоногов

⁴ Первый выпуск художественного альбома «Великая Отечественная война» под ред. В.А. Шкварикова был выпущен в 1942 году под названием «Героическая оборона Москвы» (М.; Л.: Искусство, 1942).

⁵ Борис Неменский: «Это мы, Господи...». Из фронтового дневника воспоминаний // Вестник университета Российской академии образования. 2009, № 2. С. 10.

предоставлены сейчас все возможности для зарисовок в Москве и в городах, освобождённых от гитлеровских захватчиков⁴.

Из молодых художников Студии решено было сформировать группу, которой и пришло распоряжение выехать прямо на передовую для отражения боевых будней. 22 февраля 1942 года в штабе Западного фронта, находившемся в то время под Москвой, недалеко от станции Перхушково, первая фронтовая бригада Студии получила назначение в 16-ю армию под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. На следующий день воинским эшелонном студийцы выехали в город Сухиничи, который с 1930 года относился к Смоленской (ныне Калужской) области и был освобождён только в январе 1942 года.

В состав группы вошли старшина Карл Дементьевич Гогиберидзе (1919–1942), красноармейцы Пётр Александрович Кривоногов (1911–1967), Евгений Иванович Комаров (1913–1995), Анатолий Андреевич Горпенко (1916–1980), Николай Иванович Беляев (1916–2004), Геннадий Иванович Прокопинский (1921–1979), Виктор Рыбин, Георгий Яковлевич Черенщиков (1917–?). Возглавлял их Христофор Александрович Ушенин (1903–1965), которому, по словам Бориса Неменского, «...принадлежит честь и труд её [студии] сохранения в годы войны. В студии он пользовался неограниченной властью и авторитетом, был неволен разве только в “животе и смерти” своих подопечных. За это его прозвали Христофором Великим. [...] И теперь,

по прошествии стольких лет, с благодарностью вспоминаю и студию того времени, и Великого Христофора...»⁵

Настроение у всех членов группы было приподнятое. Художники понимали, что возможность с близкого расстояния пристально наблюдать военные действия явится для них хорошей школой рисования с натуры. Впоследствии Пётр Кривоногов, который считал работу на фронте продолжением своего обучения в аспирантуре Академии художеств, образно говорил о своих первых впечатлениях: «Наш эшелон отъехал от Москвы по направлению к городу Сухиничи. Уже по дороге, сидя в теплушке, я стал замечать из окна, как всё чаще попадают полусасыпанные снегом трупы и разбитая техника врага. Мне казалось, что этот унылый пейзаж знаком мне, я видел его когда-то в картинах Верещагина.

Медленно приближались мы к мосту через реку Угру, наспех восстановленному после боев. Вместо обычного основания моста — опорных столбов, высоко и неуклюже громоздились шпалы, странно было, как на них держится мост, казалось, что он

вот-вот рухнет. Перед самым мостом эшелон остановился, многие вышли из вагонов.

Здесь я попытался сделать первые наброски. Они сохранились у меня до сих пор, но, когда я смотрю на них, мне стыдно становится, насколько была робка эта попытка что-то запечатлеть.

В Сухиничи мы приехали ночью. Первое, что мне запомнилось, это отдаленные звуки орудийных выстрелов. Орудия били медленно и методично, как бы говоря, что это привычное дело войны и удивляться этому не стоит.

Когда наступило утро, передо мной возникла картина, словно когда-то виденная, уже знакомая: по грязному от разрывов и от лошадиного помета снегу, смешанному с соломой, изборождённом проталинами, время от времени группами или в одиночку проезжали всадники. Во всей этой картине было то особое настроение, которое было

Начальник группы художников в Сухиничах Ушенин Х.А. П. Кривоногов

свойственно многим батальным полотнам Грекова»⁶.

В Сухиничи художники приехали во время передышки между боями. В городе находился штаб 16-й армии, возглавляемой К.К. Рокоссовским. Укреплённая свежими силами армия освобождала территорию нынешней Калужской области. Несмотря на тяжёлую обстановку, командование сочло возможным радушно принять художников. Во время беседы с ними Рокоссовский сказал: «Надо, чтобы студийцы — ученики Грекова — с такой же ясностью и глубиной, как это делал в свое время он, показали нашу народную армию, тысячи её героев, творящих историю!» Член Военного совета А.А. Лобачёв добавил: «Будем очень рады,

⁶ Кривоногов П. От Волоколамска до Берлина // Военные художники Студии имени М.Б. Грекова на фронтах Великой Отечественной войны. Воспоминания. Дневники. Документы. Письма. Л.: Художник РСФСР, 1962. С. 202–203.

Братская могила в д. Поляна. П. Кривоногов

Гвардии военфельдшер Г. Марченко. П. Кривоногов

«Прибыв в расположение армии, — вспоминает художник Анатолий Горпенко, — мы были удивлены спокойствием и тишиной, которая нас окружала. Лишь тяжёлые серые тучи, нависшие над землей, создавали тревожное, настороженное настроение. В Политотделе армии нас познакомили с обстановкой на данном участке фронта, рассказали о героических подвигах наших воинов, поставили задачи перед нами как перед военными художниками. На следующий день, разбившись в группы по два человека, выехали в части на передовые.

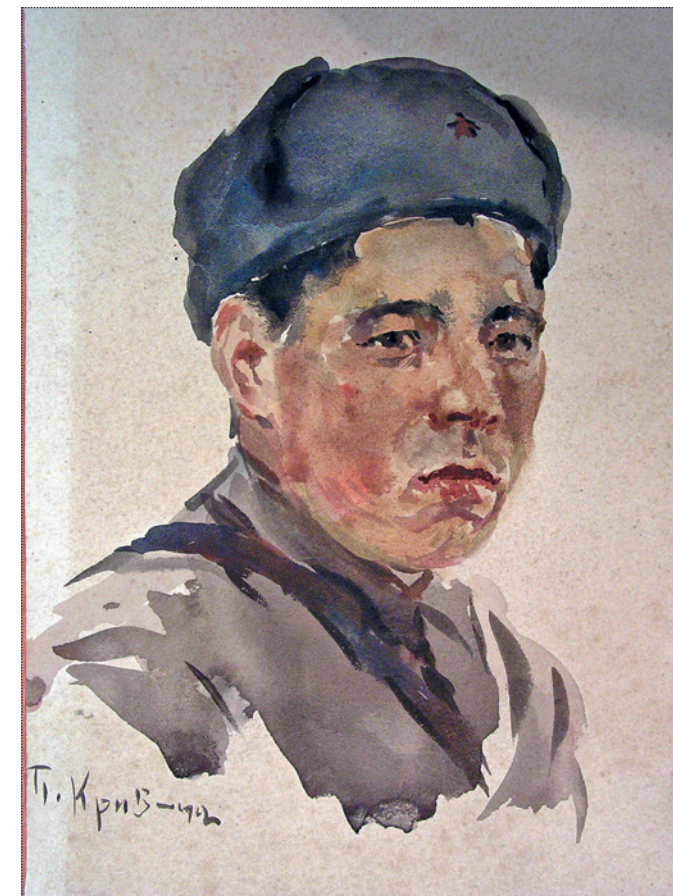
Полк, в который я и Прокопинский получили назначение, расположился в совершенно разрушенной деревушке Сосновке, близ г. Сухиничи. Предъявив часовому пропуск, спустились по лестнице в натопленную землянку, в которой размещался штаб полка. Посредине стояла печурка, и вокруг неё расположились штабные работники. Командир полка майор Царицын в маскхалате склонился у карты и, вероятно, обдумывал план предстоящего наступления на следующий опорный пункт противника. Телефонист басом кричит в трубку: «Берёза, берёза, берёза!» — Я «дуб», в наше хозяйство прибыло 130 карандашей, две трещотки, четыре игрушки» — разговор, который казался мне первое время странным и непонятным.

Представились командиру полка, доложили о цели прибытия. Встретили нас очень радушно. После короткой беседы мы отправились зарисовывать только что отбитый у немцев бронепоезд. Пробравшись возможно ближе, мы расположились на сбитом артиллерией дереве и стали рисовать картину боя. Увлечённые интересным зрелищем и не обращая внимания на продолжавшуюся перестрелку, мы не заметили, как к нам подполз в маскировочном халате человек и предупредил, что в лесу немцы. Это заставило нас быть внимательнее, мы замаскировались и продолжали рисовать, но немцы заметили нас и открыли миномётный

⁷ Ушенин Х.А. Студия военных художников им. М.Б. Грекова в годы Великой Отечественной войны // Военные художники Студии имени М.Б. Грекова на фронтах Великой Отечественной войны. Воспоминания. Дневники. Документы. Письма. Л.: Художник РСФСР, 1962. С. 11.

Гвардии генерал-майор Орлов. П. Кривоногов

Гвардии капитан Ахмед. П. Кривоногов

огонь. Пришлось, не кончив рисунка, уходить в безопасное место»⁸.

Первая группа Студии имени М.Б. Грекова в полной мере разделяла с солдатами горести и радости фронтовой жизни, выполняя графические портреты, с навсегда оставшимися на бумаге образами тех, кто отвоевывал у врага сухиничскую землю зимой и весной 1942 года. Армейская газета «Боевая тревога» подробно информировала части о целях их пребывания на фронте, и через короткое время видеть художника, зарисовывающего в свой походный альбом жизнь солдата на войне, стало привычным явлением. Студийцы помогали в выпуске армейской газеты, рисовали портреты отличившихся воинов, непосредственно боевые эпизоды, часто попадая под артобстрелы и бомбёжки. Поэтому хочется вспомнить и подчеркнуть важность таких кажущихся простыми эскизов и быстрых зарисовок, выполненных во фронтовых условиях, зачастую под огнем противника, иногда забрызганных каплями крови. Анатолий Горпенко

⁸ Ушенин Х. Студия военных художников имени Грекова. М.: Искусство, 1951. С. 15–18.

⁹ Анатолий Горпенко / каталог выставки. Сост. каталога и автор текста И.А. Свиридова. М.: Союз художников РСФСР, 1978. С. 3.

вспоминал: «Случилось однажды так, что снаряд угодил в окоп, где я работал с одним художником. В штаб передали телефонограмму о нашей гибели, а мы, оглушённые взрывом, выкарабкались из-под засыпавшей нас земли. В другой раз за мной и поэтом А. Недогоновым в открытом поле гонялся «месершмитт». Единственной защитой оказался телеграфный столб, вокруг которого пулемётные очереди изрешетили землю. [...] Ночью шли напряжённые бои за деревню Живодовку, и к утру немцев выбили из неё. С частями Красной Армии мы вошли в горящую деревню, которая представляла сплошную груду развалин. На улице и на окраинах множество трупов, брошенные и разбитые машины, снарядные ящики. Начали рисовать колонну продвигавшихся наших войск. Мороз. Руки и ноги стынут. Приходится прерывать работу и согреться»⁹.

Как рассказывал другой участник тех давних событий, Пётр Кривоногов: «Однажды, узнав, что на одном из участков батареи будет вести огонь, я, объяснив, кто

если 16-я армия станет для вас академией батальной живописи»⁷.

Армия с боями, шаг за шагом, закрепляя рубежи, отчаянно билась за каждый метр земли и медленно продвигалась вперёд. Художники сразу приступили к работе.

Портрет П. Кривоногова. Фото 1942 года

Портрет Карла Гогиберидзе. Фото 1942 года

я и зачем здесь, встал рядом с артиллеристами, чтобы сделать зарисовки. Действовали бойцы вдохновенно, дружно, мне казалось даже, что их подбадривала работа художника. Вскоре, когда немцы повели ответный огонь, артиллеристы по команде скрылись в блиндаже. А я продолжал делать зарисовки и вместе с тем наблюдал, как в воздухе вспыхивали разрывы бризантных снарядов. В этом не было бравады, просто я тогда ещё не знал войны, а тем, кто видел меня, конечно, и в голову не приходило, что человеку в военной форме неведомо, как вести себя, когда рвутся снаряды. [...]

В связи с этим мне вспоминается эпизод, который я не могу забыть всю жизнь. В одном из походов с художниками Гогиберидзе и Беляевым мы пришли к разрушенной деревне, недавно освобождённой нашими войсками. Внезапно остановившись

на дороге, мои товарищи подозвали меня, и один из них указал на что-то. Когда я увидел, кажется, сердце моё остановилось. Это была детская ручонка. От утреннего мороза она была как восковая; мы долго стояли в безмолвном оцепенении¹⁰.

Несмотря на трудные условия работы в боевой обстановке, походные альбомы и папки художников наполнялись интересными художественными наблюдениями, которые приобретали историческое значение как документы Великой Отечественной войны и как ценнейший материал для будущих картин и композиций. Каждые двадцать дней студийцы съезжались в свою сухиничскую фронтовую штаб-квартиру в бревенчатый дом по ул. Пушкина¹¹, чтобы показать выполненные зарисовки, отличавшиеся одновременно сочетанием свежести быстрого наброска с реальностью конкрет-

¹⁰ Кривоногов П. От Волоколамска до Берлина... С. 203.

¹¹ Его хозяйкой была Туманова Прасковья Матвеевна.

Старший политрук Гусаров вручает партбилет младшему лейтенанту Дорджиеву, командиру пулемётного взвода. П. Кривоногов

ных образов. Эти встречи были необходимы и для того, чтобы пополнить запас необходимых для дальнейшей работы материалов, поделиться с друзьями впечатлениями и обменяться опытом. Пётр Кривоногов отмечал: «Вопрос о том, как и чем работать художнику на фронте, был вопросом немаловажным. Постепенно сама практика подсказала, что бумага и карандаш, а также мягкие материалы — уголь, пастель, — основные материалы, которыми удобнее работать на фронте.

Ещё в Москве, перед отъездом, я сделал себе ящик, обтянутый холстом, с ремнём, так что его можно было носить на плече, а руки при этом оставались свободными. Мне казалось, что мой ящик будет удобен и для рабо-

ты вместо мольберта, и для хранения в нём материалов. Видя мои приготовления, товарищи немало подшучивали надо мной, а мой ящик называли «скворечником». Однако спустя некоторое время все обзавелись такими же «скворечниками», а я сам прошёл с ним фронт от Москвы и до Берлина. Довольно странно выглядел я в то время: в полушубке, с вещевым мешком за плечами и с ящиком-«скворечником». Как-то вместе с командиром батальона я отправился в только что освобождённую деревню Слободку, а вслед нам перешептывались красноармейцы, говоря между собой: «Ветеринар приехал»¹².

20 апреля 1942 года, возвращаясь с передовой, Пётр Кривоногов и Георгий Черенчиков не узнали приютившего студийцев дома: крыша его осела, бревенчатые стены были изрешечены осколками, на дороге с угла дома зияла большая воронка. Оказалось, при ночном налёте немецких самолётов поблизости упала бомба, от осколков

¹² Кривоногов П. От Волоколамска до Берлина... С. 202–203.

Майор Царицын А.И., командир 1107 СП, похоронен в д. Воронеты. А. Горпенко

Гвардии красноармеец Петров М.П., автоматчик. П. Кривоногов

которой погиб москвич Карл Гогиберидзе¹³. Наступившие дни стали днями испытаний для всей студии. Геннадий Прокопинский оказался легко ранен, но Николаю Беляеву пришлось ампутировать правую руку, что повлекло демобилизацию и отправку в тыл. По словам товарищей, Карл Дементьевич Гогиберидзе, талантливый человек и бесстрашный воин, всегда стремился попасть на самый опасный участок фронта и делать там свои мастерские зарисовки (многие из них не сохранились, погибли во время бомбёжки). У него была хорошо развита зрительная память — качество, дорогое для каждого художника, а для баталиста в особенности. Он легко воспроизводил по памяти то, что не удавалось зарисовать, привлекая свежий взгляд, и эти рисунки почти не отличались от натурных. Командование посмертно отметило Гогиберидзе медалью «За боевые заслуги», первой наградой, которой удостоились представители Студии в Великую Отечественную войну¹⁴. На долю их руково-

¹³ Место захоронения на городском кладбище г. Сухиничи установить не удалось.

¹⁴ Такую же медаль получил Геннадий Прокопинский. Николай Беляев после ранения, потеряв правую руку, научился писать левой и стал одним из признанных подмосковных художников.

дителя Христофора Ушенина выпала тяжёлая миссия отослать первую «похоронку» родителям погибшего художника.

Студийцы понимали важность своего труда. Даже беглая зарисовка, созданная с натуры, в самой гуще фронтовой жизни, являлась правдивым свидетельством военных событий. Опубликованная в армейской газете, она становилась не только художественным явлением, а дорогим подарком, который бойцы отсылали родным домой, а там берегли как семейную реликвию. Но сколько поводов для вдохновляющего оптимизма и гордости появилось тогда, когда 26 апреля 1942 года в городе Сухиничи, в нескольких километрах от передовой линии, прошла первая в истории советского искусства фронтовая выставка Студии имени М.Б. Грекова! Её много раз откладывали из-за обстрела противником этого района. «Для её проведения командование предоставило существующее полуразрушенное здание без стекол, бывший склад. На стенах

без привычного оформления было развешено около двухсот рисунков и эскизов, созданных военными художниками на Западном фронте. В них остались запечатлены отдельные эпизоды разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, разрушенные города и села, фронтовые дороги, покрытые трупами врага и разбитой техникой, армейские бытовые и боевые зарисовки, но самое главное — галерея портретов воинов»¹⁵. Многие из них уже погибли, и цветной или чёрно-белый набросок остался единственной нитью, связывавшей его, ещё живого, с фронтовыми буднями товарищей. Более месяца бойцы и командиры 16-й армии имели возможность знакомиться с работами художников. Для посетивших выставку местных жителей интерес представляли виды города Сухиничи и окрестных деревень, образы выживших в оккупацию женщин и стариков, партизан, а также портреты пленённых во время боёв немцев. Большинство работ выполнены карандашом на бумаге, некоторые — сангиной, часть — акварелью. Надо отметить, что сохранилось несколько фотографий самих художников-баталистов, сделанных корреспондентом 20 апреля 1942 года на фоне того самого здания в Сухиничах, где открылась их первая выставка, а также во время создания зарисовок на линии фронта.

Студийцы сами не осознавали тогда ценности своих набросков, выполненных прямо во время боя или непосредственно после него. По воспоминаниям академика, народного художника России, лауреата нескольких Государственных премий, автора успешной методики преподавания изобразительного искусства Б.М. Неменского (а в то время молодого и неопытного 19-летнего юноши, начавшего свой профессиональный путь в составе Студии гораздо позже, в 1943 году): «Сейчас я очень во многом сомневаюсь, всё стало многосложным. А тогда, напротив, был убеждён, что понимаю всё. Думал, что робкий, ученический рисунок “Сирота из Великих Лук”, сделанный в 1943 году, хуже тех, где мне позднее удалось эффектно решить тень и свет, найти мазок, штрих. И очень удивился, когда в Москве обратили внимание не на эти эффектные рисунки, а на вялый, как мне казалось, невыразительный портрет-набросок девочки»¹⁶.

Гвардии старший лейтенант Пономарёв И.И. П. Кривоногов

¹⁵ Ушенин Х. Студия военных художников... С. 18.

¹⁶ Борис Неменский: «Это мы, Господи...». Из фронтового дневника воспоминаний // Вестник университета Российской академии образования. 2009, № 2. С. 14.

Так и сохранившиеся в сухиничском районном музее боевой и трудовой славы безыскусные этюды могут сказать о войне гораздо больше многих грандиозных полотен. Особенно впечатляют акварельные образы бойцов и офицеров авторства Петра Кривоногова, где ясно просматриваются личностные характеристики каждого человека. Ему же принадлежат и многочисленные городские пейзажи Сухиничей. Геннадий Прокопинский в основном обращается к изображению боевых эпизодов и быта советских воинов. Во фронтовом художественном наследии Анатолия Горпенко наряду с портретными зарисовками присутствуют и виды разрушенных врагом населённых пунктов с неповторимым колоритом тех мест, где шли бои. Во всей этой графике проявляется способность художников найти выигрышную композицию, передать особую световоздушную среду и своеобразие характеров каждого из бойцов. В рисунках нет ничего нарочито эффектного,

Западный фронт. Писатель Ставский беседует с комиссаром. Г. Прокопинский

и вместе с тем они производят яркое впечатление и останавливают внимание зрителя.

Солдаты и офицеры, приходившие (надо отметить, что не приезжавшие, настолько близко находилась линия фронта) на выставку в Сухиничи прямо с передовой, оценивали работу художников как необходимую и полезную. Они с интересом относились к выставленным произведениям, указывали недостатки, некоторые досадовали, что художники не побывали у них в роте и не нарисовали известного разведчика, снайпера или отважную санитарку. Отзывы о работе военных художников студии были самые положительные:

«Выставка работ военных художников Студии имени М.Б. Грекова, — писал красноармеец Кимов, — очень интересна, особенно для тех, кто сам участвовал в операциях и бывал в местах, изображённых в рисунках и эскизах. С волнением смотришь знакомые места боев, знакомые лица бойцов и командиров».

«Рисунки художников Студии имени Грекова правдивы и убедительны. Это ценные документы. Пройдут годы, и по этим рисункам мы будем вспоминать наши славные походы против хищного зверя человечества. Художники — желанные гости в траншее, они наши боевые товарищи», — гласит другой отзыв¹⁷.

«Комиссар 328-й дивизии Мальков, только что прибывший из госпиталя, заметил: “Самое главное в людях схвачено. Русскому характеру не свойственна показная сторона чувств. Наоборот, чем сильнее чув-

ство, тем глубже скрыто оно под будничностью фронтового труда и работает в глубине, как пружинка в часах [...] — Потом, показывая на один из портретов наших солдат, он добавил: — Представьте себе, такой портрет бойцу домой послать. Ведь это же праздник! Там, в деревне, его в рамку заключат, на самое видное место повесят, днем и ночью будут глядеть. И он будет вдохновлять на труд. А здесь, в отделении и в роте? Да вы себе представить не можете, сколько люди положат ратного труда, чтобы удостоиться такой чести!”»¹⁸

«Перед каждым, кто приходил сюда, — вспоминал член Военного совета армии генерал-майор Алексей Андреевич Лобачёв, — вставали картины пережитого: разрушенные врагом города и села, фронтовые дороги с разбитой техникой противника. А сколько портретов бойцов и командиров — творцов победы!.. Надо было видеть, с какой гордостью осматривали рисунки наши бойцы, пришедшие сюда прямо с передовой, как это поднимало их!»¹⁹

За большую работу Студии по созданию художественных произведений, отражающих борьбу с немецким фашизмом, и за проявленное мужество при исполнении своих обязанностей командование 16-й армии приказом от 16 июля 1942 года объявило всем представителям Студии имени М.Б. Грекова благодарность и наградило ряд художников именными часами. Руководитель студии Х.А. Ушенин был отозван в Москву, а затем был издан приказ о передаче Студии военных художников имени М.Б. Грекова в подчинение Главного политического управления Красной армии. Надо отметить, что впоследствии художники-баталисты, где бы ни проходила их служба, всегда получали поощрения и награды, а окончание войны все встретили в офицерском звании.

Вслед за этой положившей начало первой выставкой в городе Сухиничи последовали и другие показы работ художников (в годы войны их состоялось всего шесть), но уже на ведущих выставочных площадках нашей столицы: в мае 1942 года — выставка под названием «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» в Государственном историческом музее; выставка фронтовых работ студии им. М.Б. Грекова, открывшаяся

7 ноября 1942 года в Центральном доме Красной армии; и другие вернисажи, где наряду с графикой появлялись уже и живописные работы. В 1945 году в газете «Красная звезда» был опубликован большой репортаж о выставке батальной живописи Студии военных художников имени М.Б. Грекова в Центральном доме Красной армии. В этом репортаже подводился итог её десятилетней деятельности: **«Отчётные выставки их работ всегда вызывали чувство живейшего интереса, всегда волновали своей правдивостью. Натура и правда — вот великий источник того волнующего интереса, который сознательно или нет всегда ощущают перед их произведениями зрители. [...] Собственно говоря, Студия им. Грекова давно уже переросла свое название. “Студия” — это говорит о чем-то ученическом. У грековцев элементов ученичества давно уже нет или уже очень мало. Это “общество художников-баталистов”, и среди них есть уже великолепные и зрелые мастера. [...] Жизнь, которую грековцы наблюдают так близко, суровые, полные значимости и смысла будни войны, постоянная работа с натуры в условиях, зачастую требующих подлинного героизма, — все эти факторы обуславливают серьёзное отношение к искусству, которым отмечены все работы студийцев. Чем богаты студийцы, богаты всерьез и надолго — это интересными и многообразными темами, которые обильно дарит им общение с жизнью»²⁰.**

Рисунки с натуры и этюды военных лет послужили богатым материалом для создания в будущем живописных полотен, в том числе и вошедших в юбилейный альбом Студии. В районном музее боевой и трудовой славы г. Сухиничи хранятся 65 графических работ, в основном принадлежащих авторству будущего лауреата Сталинской премии 1949 года и заслуженного деятеля искусств РСФСР Петра Кривоногова, награждённого впоследствии орденом Красной Звезды. Уже в конце 1942 года художник использовал свои наброски для создания больших живописных полотен, в которых отразил впечатления от наполненных болью событий Второй мировой войны. Он писал: **«От пребывания в армии Рокоссовского я вынес первые впечатления от войны. Позднее, будучи**

Гвардии полковник Лубянов. П. Кривоногов

в Москве, я написал картину “Рейд Доватора”. Я не был с Доватором на фронте, но впечатления от пребывания в армии Рокоссовского помогли мне в работе над этой картиной.

Под впечатлением рассказов члена Военного совета генерала Лобачёва и тех трагических сцен, свидетелем которых я был сам, мне представилась картина “Зверства немцев в Речице”. Действие в картине происходит на Смоленщине²¹. Фашистские войска, будучи не в силах сломить оборону советских войск, пошли в наступление, укрывшись за живой стеной женщин и детей. Изображённый в ней пейзаж мне хорошо был знаком, эти места были исхожены мной, а с людьми — участниками события я виделся и слушал их рассказы.

Зимой 1942 года я ездил в Волоколамск, где ещё застал виселицу с раскачивающимися на ветру остатками веревок. Взволнованный рассказами очевидцев, тут же, на месте,

¹⁷ Ушенин Х. Студия военных художников... С. 18.

¹⁸ Востоков Е. Грековцы. М.: Военное издательство, 1983. С. 36.

¹⁹ Ушенин Х.А. Студия военных художников... С. 13.

²⁰ Яковлев В. Картины войны // Красная звезда. 1945. 25 февраля.

²¹ Речь идёт о нынешнем населённом пункте Сухиничского района Калужской области.

Западный фронт.
С. Зимницы.
Путеликин Т.Н.,
старший сержант,
автоматчик,
разведчик.
П. Кривоногов

сделал эскиз написанной мною впоследствии картины «В Волоколамске»²².

О том, как преломлялись в творчестве военные впечатления, какой след они оставляли в последующей жизни художников, можно узнать, прочитав и запись в дневнике Б. Неменского начала 1943 года о Великих Луках: «Город весь был спалён, он стал зоной пустыни — ни одного живого человека, ни одного целого дома. Шли яростные бои. Наступал вечер. Я долго шёл пешком, устал. Сел на торчащий из-под снега то ли камень, то ли пенёк пожевать сухарь и отдохнуть. Неожиданно заметил, что поземка прямо подо мной колышет траву. Но трава зимой не мягкая, колышаться от легкого ветра не может. Встал, всмотрелся: оказалось, что сидел на мертвом немецком солдате, почти полностью занесенном снегом. Мне удалось легко его перевернуть, и я был поражен — мальчишка, юноша моего возраста, даже чем-то похожий на меня [...] Несколько часов тому назад он был человеком — живым, фашистом? Это был мой первый фронт и первый враг, увиденный лицом к лицу»²³. Впоследствии размышления художника на эту тему воплотились в полотне «Безымянная

²² Кривоногов П. От Волоколамска до Берлина... С. 206.

²³ Борис Неменский: «Это мы, Господи...» С. 19.

высота» (1962); в последнем, пятом, варианте название картины изменилось на «Это мы, Господи...» (1992).

В послевоенное время, осознавая ответственность перед будущими поколениями, руководитель группы фронтовых художников Х.А. Ушенин вёл активную переписку со своими отмеченными многочисленными наградами бывшими подопечными, уже состоявшимися мастерами, чтобы они делились воспоминаниями; искал материалы и фотографии; выпустил ряд книг. Именно благодаря его трудам удалось сохранить одушевлённую личными впечатлениями и прочувствованной лексикой память об этих первых, самых важных для становления мастерства, месяцах пребывания «грековцев» на фронте.

Рассказ о начале творческого пути москвичей-представителей Студии имени М.Б. Грекова является только одной страницей из истории подвига военных художников в Великой Отечественной войне. С оружием в руках они прошли передовые линии всех фронтов, от Норвегии до Чёрного моря, от Порт-Артура до Берлина, карандашом и кистью запечатлевая в своих наскоро сделанных под огнём противника «художественных репортажах» боевые будни и суровый быт, с достоверностью передавая образы советских воинов и родной природы. Вместе с фотографиями военных корреспондентов эти материалы являются теми визуальными документами, которые никого никогда не оставят равнодушными, ведь за ними явственно просматриваются героические судьбы не только советских солдат и офицеров, но и их авторов, честно выполнивших свой воинский и профессиональный долг в боевых условиях. Без этих произведений, отмеченных данью большого уважения к главному герою битвы за Родину — советскому солдату, сейчас уже немыслимо представить себе рассказ о Великой Отечественной войне.

Автор выражает благодарность за предоставленные материалы музею боевой и трудовой славы г. Сухиничи Калужской области.

МН

9 мая 1945 года. Главархив Москвы

По следам войны

14 июля 1941 года был отдан приказ бомбардировать Москву. Первый налёт состоялся 22 июля 1941 года. Все налёты фиксировались, все бомбы были на учёте. Так, статистика гласит, что по состоянию на 24 ноября 1941 года на столицу было сброшено 56 620 зажигательных бомб и 1521 тяжёлых фугасных. Всего во время налётов на Москву погибло более двух тысяч человек, число раненых было примерно в три раза большим; было повреждено или разрушено 5584 жилых здания, 90 госпиталей, 253 школы, 19 театров и дворцов культуры. Спустя 80 лет можно ли увидеть следы войны и свидетелей тех событий в городе? Конечно, да. Вот на их поиски мы и отправимся. Прогулка не увеселительная, но познавательная. И, конечно, далеко не все адреса мы с вами посетим.

Адреса отстоят далеко друг от друга, поэтому мы воспользуемся главным бомбоубежищем Москвы — московским метрополитеном, который в этом году отмечает своё 90-летие.

В июне 1941 года Московский метрополитен представлял собой систему из 21 станции на трёх линиях:

- 1) 10 станций на отрезке «Сокольники» — «Парк Культуры» (Кировский радиус, сейчас — Сокольническая линия);
- 2) 6 станций на отрезке «Киевская» — «Курская» (Покровский радиус, сейчас — Арбатско-Покровская линия);

Ремонт
памятника
Тимирязеву
после бомбёжки.
Фото:
С.Н. Струнников,
1941 год

3) 5 станций на отрезке «Сокол» — «Площадь Свердлова» (Горьковский радиус, сейчас — Замоскворецкая линия).

И начнём мы наше путешествие у памятника К. Тимирязеву.

Памятник Клименту Аркадьевичу Тимирязеву работы скульптора С. Меркурова был открыт в рамках ленинского плана «монументальной пропаганды» 4 ноября 1923 года. Его разместили на месте пустыря, образовавшегося после разбора разрушенного в революцию дома князя Гагарина. Сам Тимирязев с 1887 года и до своей смерти в 1920-м жил неподалёку, в Романовом переулке, где сегодня находится его мемориальный музей-квартира. Фигура учёного облачена в мантию Кембриджского университета. Площадь, на которой расположен памятник, украшена скульптурами микроскопов, напоминающими авангардную архитектуру. Постамент статуи представляет собой композицию из кубических форм: большой параллелепипед установлен на четырёх кубиках поменьше, которые образуют две смещённые пластины. На постаменте изображена кривая зависимости ассимиляции от солнечного света, определённая Тимирязевым в его работе по физиологии растений, и надпись: «К.А. Тимирязев — воин и мыслитель».

5 августа 1941 года в непосредственной близости от памятника взорвалась огромная фугасная бомба. Образовалась воронка глубиной свыше десяти метров и диаметром около тридцати, были уничтожены трамвайные рельсы, подземные коммуникации, частично разрушены близлежащие здания. Кроме того, взрывная волна сбросила памятник Тимирязеву с пьедестала. Следы от осколков бомбы сохранились внизу мантии и у левой ноги скульптуры. Было отдано распоряжение восстановить ансамбль площади в кратчайшее время, что и было сделано: памятник водрузили на место через несколько часов, а уже 7-го августа ничто не напоминало о бомбе.

Теперь наш путь лежит к Арбатской площади — к метро.

Станция «Арбатская» Филёвской линии открыта 15 мая 1935 года в составе первой очереди Московского метрополитена. Существующий вестибюль возведён в 1935 году по проекту архитектора Метростроя Л.С. Теплицкого в непосредственной близости с кинотеатром «Художественный» и перед входом в Арбатский рынок, тянувшийся от Арбатской площади до Крестовоздвиженского переулочка. Рынок, построенный всего за три года до этого, в связи с сооружением вестибюля укоротили на одну секцию.

Арбатский рынок в 1933 году, до появления станции метро

Павильон — одна из двух «звёзд» в Москве. С воздуха она служит замечательным ориентиром для бомбардировки, о чём прекрасно были осведомлены лётчики люфтваффе. Второе здание — театр Красной Армии (сегодня — театр Российской Армии на Суворовской площади).

Из-за близости Кремля здание Арбатского рынка сильно пострадало.

Построили Арбатский рынок в начале 1930-х годов. Деревянное здание со стеклянным куполом, уникальной системой пожаротушения (6 гидрантов и две водные завесы), тремя рядами торговли, скамейками по периметру, очень нравилось москвичам. Через два года после постройки его площадь сократили, чтобы построить «звезду» павильона, а после 1944 года его разобрали. Долгое время тут был сквер, потом павильон станции «Арбатская» Покровской линии, ну а затем уже — административное здание министерства обороны. Сегодня о рынке, который стоял между Крестовоздвиженским переулком и площадью Арбатских ворот, не напоминает ничего. Но спускаемся в метро. Нам — до «Смоленской». Если бы мы могли побывать в тоннеле, то разглядели бы в самом конце перегона «латку», поставленную в 1941 году на месте попадания снаряда. Линия серьёзно пострадала — бомба тогда пробила и асфальт, и толщу земли и бетон перекрытия. С того же самолёта ещё один фугас попал в Метромост.

Смоленский метромост был открыт 20 марта 1937 года. Это — старейший метромост в нашей стране. С 1953 года и до 1958-го мост был закрыт. Кстати, мост этот, кроме всего прочего, — кинозвезда. Начиная с Дзиги Вертова и заканчивая клипом Валерия Сюткина — мост снялся более чем в 30 картинах. Так, например, в фильме

Строительство Смоленского метромоста. Фото: В.В. Микоша, 1935–1936 годы

«Берегись автомобиля» Деточкин «уводит» «Волгу» героя Андрея Миронова из гаража близ устоев Метромоста. Сегодня следов попадания бомбы не видно — их скрывает бетонный короб, но сам мост войну помнит.

Вернёмся в метро. Нам с вами — на станцию «Курская».

Бомбардировки начались 22 июля, и в течение долго времени не было правил использования метрополитена как бомбоубежища. Несмотря на это даже во время первых авианалётов метро принимало до 500 тысяч горожан. На многих станциях были оборудованы буфеты, питьевые фонтанчики и туалеты. Людям оказывали санитарную и медицинскую помощь — даже принимали роды. В метро за время бомбёжек родилось более 100 москвичей. Для детей проводили уроки и трудовые занятия — учили шить, рисовать, лепить, собирать модели. Были в метро и выставки, и концерты, и кинопоказы. На станциях работали магазины и парикмахерские, были предусмотрены средства размещения — кровати

Фасад вестибюля станции метро «Курская». Фото 1940–1941 годов

и настилы, а на «Курской», куда мы едем, библиотека.

Станция «Курская» Арбатско-Покровской линии метрополитена. Открыта 13 марта 1938 года в составе участка «Улица Коминтерна» — «Курская». Пилонная трёхсводчатая станция глубокого заложения (глубина 30 метров) с одной островной платформой. На станции был размещён филиал Государственной публичной исторической библиотеки. Во время войны была конечной. Сегодня станция «Курская» является памятником истории и культуры. Она очень торжественная. Путевые стены облицованы снизу чёрным мрамором, а сверху — белой керамической плиткой. Пол станции выложен серым гранитом с геометрическим рисунком из чёрного дибаза и красного гранита. Основным же отделочным материалом является уральский голубовато-серый мрамор Уфалейского месторождения. И всё это дополняет бронза люстр и вентиляционных решёток.

Мы выходим на Садовое кольцо. Нам — через пешеходный переход под улицей Земляной вал к улице Воронцово поле. К зданию 14. Правда подойти к нему нам нужно вдоль забора дома 16 — это ограда храма Илии Пророка на Воронцовом поле. Не боясь, следуем к небольшой парковке между домами и обращаем внимание на второй этаж небольшого дома дореволюционной постройки. Сверху он — советский, из оштукатуренного силикатного кирпича, а вот до второго этажа (и это хорошо видно у выносной шахты лифта) — сохраняет эклектичный лепной декор. В глубине двора, за забором мы видим здание Евангелической клиники для боль-

Зенитная батарея в районе Курского вокзала. Фото: О. Кноринг, 1941–1942 годы

ных всех сословий. Выщербленный кирпич на его стене — не дефект тычковой кладки, а самый настоящий, явный след войны. Это авиационная шрапнель. Справа от нас дом 1950-х годов постройки, на месте которого когда-то стоял довольно крепкий каменный особняк, в который и попала бомба. Поблизости, как мы уже знаем, Курский вокзал — стратегическое предприятие, которое подвергалось бомбардировкам. Однако силы ПВО в Москве были довольно сильны и чаще всего не давали фашистам достичь цели. И те были вынуждены сбрасывать бомбы на окружающую застройку. В Подсосенском переулке, метрах в 200 от того места, где мы стоим, тоже есть следы войны — изменённый рисунок мозаики на угловом доме на 7 этаже и невозстановленный декор дома напротив. Но они не такие явные, как этот, на который мы смотрим.

Давайте пойдём дальше — нам в переулок Обуха, направо по Садовому кольцу, вдоль самой длинной улицы в его составе. Мы обошли с вами Евангелическую клинику, кстати, корпус вдоль переулочка построен в 1920-е годы в духе дореволюционной архитектуры этого образцового медицинского учреждения. Вынырнули из стремнины переулочка напротив знаменитой усадьбы Усачёвых-Найдёновых, в парке которой снимались несколько сцен из кинофильма «Покровские ворота», где воспроизводится атмосфера коммунальной квартиры 1950-х годов, а ряд персонажей прошли войну.

Усадьба
Найдёнова.
Главный фасад
дома
со стороны
улицы. Фото:
П.В. Клепиков,
1940–1949 годы

Вспомните, например, что говорит Хоботову гравер Савва Игнатьевич... Ага... «Потерпи, Лев, на фронте и не такое терпели».

Переходим через Высокояузский мост, и нам — в сторону Сивякова переулка. Мы стоим с вами у скульптуры А. Рукавишникова «Мастер» — так потому, что в 2012 году именно здесь открылось арт-пространство и мастерская этого скульптора. Но мы — в одной из важных точек Московской обороны. В местности Землянка.

Землянка — название местности, при-
мыкающей с двух сторон к Земляному валу
перед Высокояузским мостом. Верхняя гра-
ница — Известковый переулок. А о том, что
когда-то на картах это пространство име-
новалась «Землянка», напоминает нам
Землянский переулок за зданием ГИТИСа,
в котором стоит только один жилой дом,
ресторан и корпуса 23 городской больницы.

Сегодня тут сквер и несколько высот-
ных строений 1970-х годов постройки. А ког-
да-то была территория заводского стади-
она — сохранилось несколько построек в ябл-
невом саду между зданиями. В годы войны
на территории стадиона «Серп и Молот»
располагались расчёты московского корпуса
ПВО. Здесь конкретно стояла одна из бата-
рей 864 зенитного артиллерийского полка.
В Московский корпусной район ПВО вхо-
дила территория, ограниченная городами:
Кашин — Клин — Звенигород — Серпухов —
Кашира — Рязань — Касимов — Юрьев-Поль-
ский. В основу ПВО был положен принцип
круговой эшелонированной обороны, с уси-
лением ряда секторов. Работали аэростаты
заграждения, зенитные прожектора, радио-
локационные станции, знаменитые слуша-

Николаямский переулок, 5, стр. 1.
Дети войны с Землянки. Фото 1948 года

чи (как правило, это были или музыкан-
ты или инвалиды по зрению), самолёты
истребительной авиации, зенитные орудия
и пулемёты. В пространстве стадиона близ
Яузы были расквартированы батареи 75-мм
пушек, которые прикрывали стратегические
предприятия — Курский вокзал, Москов-
ский газовый завод, завод «Кристалл», завод
«Манометр», завод «Серп и Молот».

И если в случае с вокзалом, металлурги-
ческим предприятием непрерывного цикла
и газовым заводом всё понятно, то спиртовой
завод и завод точных приборов — выпадают
из списка. На «Манометре» (там, где сегодня
дизайнерский кластер Artplay) выпускалось
авиационное оборудование, мины, капсулы
взрывателей и другое вооружение, а завод
«Кристалл», помимо стратегического запаса
спирта в резервуарах (он нужен и в хирургии,
и на разных производствах), наладил в годы
войны выпуск так называемых «коктейлей
Молотова», разрабатывал перспективные
виды топливных присадок и вёл разработки
в области фармакологии — именно здесь
производили «капсулы ярости» или «укол
рывка» — препарат с гормонами и опиоида-
ми, вводимый в кровь раненому, чтобы он
мог продолжить движение, не чувствуя боли
и ощущая себя полным сил.

→ на стр. 72

Зенитный
расчёт
при обороне
Москвы.
Фото:
О. Кноринг,
1941 год

Центральный стадион Московских Металлистов. Заливка катка. Фото 1929 года

Станция метро «Таганская». Фото: О. Володина, 2014 год

На улице Станиславского, 21, там где сегодня бизнес-пространство на территории бывшего завода «Москабель» (в 2012 году авторы проекта приспособления старинной золотоканительной фабрики были отмечены на конкурсе «Московская реставрация»), выпускались «машинки для подрыва» и провода для спецсвязи. И до Кремля отсюда — по прямой около 1,5 километров (чтобы это понять, надо подойти к северо-западной стене Спасо-Андроникова монастыря и увидеть Московский Кремль).

Так что мы с вами сейчас находимся в стратегической точке московской обороны. В интернете можно найти карту, где энтузиастами по крупицам из открытых источников собраны сведения о местоположении подразделений ПВО в годы войны.

Как известно, последний налёт был в 1943 году, но уже в первые бомбардировки было понятно, что Москва прикрыта надёжным щитом.

После войны в пространстве стадиона были размещены три радиомачты — их можно увидеть на фотографиях того периода, стадион и спортивные секции перебрались на улицу Новая дорога. И сейчас тот исторический стадион находится в реставрации.

А мы с вами идём дальше. Нам — на станцию метро «Таганская». Это тоже объект культурного наследия. На момент откры-

тия станция была самой глубокой в Московском метрополитене — глубина залегания 53 метра. Движение поездов на участке началось в январе 1950 года. На станции — 32 панно с воинами-героями. Среди родов войск: моряки, танкисты, артиллеристы, лётчики, кавалеристы, пехотинцы, железнодорожники, партизаны. Словом, все те, кто ковал победу на фронтах. Едем до «Парка Культуры», пересаживаемся на Сокольническую ветку метро и двигаемся в сторону «Кропоткинской». Нам — к Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Незадолго до начала бомбёжек в июле 1941 года музейные сотрудники стали готовить музей к эвакуации в Новосибирск. В день (в среднем) упаковывали до 11 тысяч предметов. Около 270 тысяч музейных единиц хранения остались в Москве. Для их сохранения возводились деревянные ящики (как шутили сотрудники — «однокомнатные квартиры»), какие-то предметы прикапывали в ящиках с песком. В ночь с 6 на 7 августа на здание музея (оно очень заметно с воздуха) было сброшено более 150 зажигательных бомб. Сотрудники музея тушили пожар своими силами — таскали вёдра с песком и водой: пожарные расчёты не могли попасть к месту возгорания сразу — горела вся Москва, а протоколов на такой крайний случай не существова-

В годы Великой Отечественной войны пострадали Третьяковская галерея, Погодинская изба в Хамовниках, Большой театр. Был практически разрушен театр имени Вахтангова

ло, да и музейные залы — это не обычное пространство, длины пожарных рукавов не хватало. Несколько ценных экспонатов было утрачено в огне, но основной объём удалось отстоять.

В октябре 1941 года ударной волной от разорвавшейся в соседнем дворе фугасной бомбы была разбита стеклянная крыша Пушкинского музея, сорвана железная кровля, вдавлены внутрь металлические переплёты окон.

В акте, составленном 15 октября 1941 года, зафиксировано, что стеклянная крыша, подфонарики и плафоны световых фонарей были уничтожены на 85 процентов (свыше 7,5 тыс. кв. м стекла). Весь этот поток битого стекла обрушился в Греческий дворик, и при малейшем сотрясении продолжали сыпаться осколки. Утром сотрудники музея пришли на работу и обнаружили, что здание стоит без крыши. Из залов нужно было убрать битое стекло, кирпичи, куски потолочной штукатурки и прочий мусор. Зима наступила очень рано. Лопнули трубы отопительной системы и погасло электричество. Аварийные работы в ГМИИ были официально объявлены трудовым фронтом и продолжались с 15 октября 1941 года до 25 января 1942 года.

На одном из фасадов, со стороны Знаменского переулка до сих пор виден след от той бомбы. Давайте, пройдем ещё чуть-чуть на восток — к Сапожковской площади или на угол Воздвиженки, к памятнику Достоевскому.

В годы Великой Отечественной войны пострадали Третьяковская галерея, Погодинская изба в Хамовниках, Большой театр. Был практически разрушен театр имени Вахтангова.

Этих адресов — десятки. Самый, наверное, известный — дом 10 на Моховой улице, в который попала бомба и который не стали восстанавливать в центральной части. Сегодня здесь — отделы РГБ. Москва устояла, не поддавалась панике, быстро зале-

Пушкинский музей. Фото 1944 года

чивала раны. И помогала москвичам. Вот, например, здание Московского Экзерцизгауза, построенного в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года, в годы войны замаскировали. Уникальные пролётные фермы, сделанные по проекту инженера Августина де Бетанкура, — деревянные. Как известно, табак — отличный инсектицид. Для сохранности фермы были пересыпаны махоркой — это высушенное растение из семейства деревенского табака, содержание никотина в котором в 9 раз превышает концентрацию никотина в обычном табаке. Сотрудники Манежа скурили всю махорку за годы войны, делясь и с другими. Помимо всего (будучи очень вредной привычкой) табакокурение придаёт сил и притупляет чувство голода.

Сегодня, конечно, отреставрированное здание Манежа защищается от древоточца иначе.

МН

Голоса войны

Воспоминания о Москве, которые легли в основу этой публикации, радиослушатели прислали на «Радио России» около 20 лет назад. Москвичи откликнулись на призыв Веры Соколовской, автора программы «Участники Победы», поделиться личными историями. Сохранившиеся в Главархиве Москвы письма и сегодня доносят до нас их голоса — искренние и взволнованные. Глазами детей, подростков и молодёжи военных лет, очевидцев событий военной поры, мы видим будни прифронтовой столицы.

Маскировка была хорошей

Надежда Васильевна Бабенко¹
(не позднее апреля 2005 г.)

Вечером, во время воздушной тревоги, всю молодёжь нашего 9-этажного дома попросили подняться на крышу, чтобы сбрасывать «зажигалки» (зажигательные бомбы), если они упадут на крышу. Кругом по Малой Пироговской улице находились деревянные домики. На крыше мы держались друг за друга и за выступы, т[ак] к[ак] легко было скатиться и упасть вниз.

Обзор с крыши был на многие километры. Так, виден был Киевский вокзал, деревни Фили и Потылиха², а также маленькие Воробьёвы горы, а с другой стороны — затемнённый, но величественный Кремль.

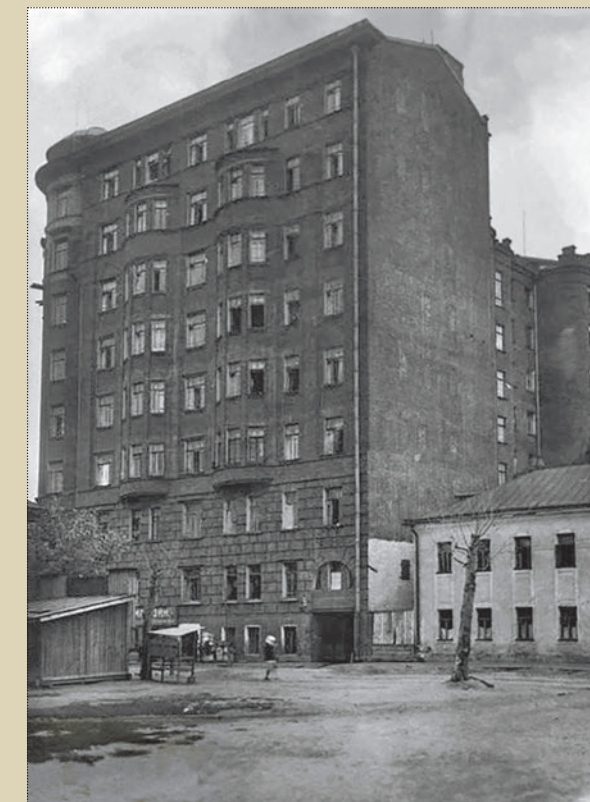
¹ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 47. Л. 29–31. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

² Деревня Фили вошла в состав Москвы в 1931 году, Потылиха — в 1917 году.

Раздача
противогазов
на площади
Маяковского.
Фото:
Аркадий
Шайхет,
1941 год

Весь город окутан тьмой. Вокруг тишина, а мы с огромным напряжением ждём предстоящих событий. Никто не может себе представить, что и как произойдёт, ведь всё это впервые. Вдруг с Воробьёвых гор послышался звук летящего самолёта, позже легко узнаваемый звук фашистского самолёта. Он сбросил осветительные ракеты, и стало светло как днём. В этот момент застрочили трассирующие пули. Самолёт был схвачен прожекторами, и его повели в сторону от Москвы. Послышались выстрелы зениток, и ярким пламенем озарилась земля. Наша радость была беспредельна. Однако через некоторое время появился второй фашистский самолёт и из него посыпались «зажигалки». Мы с лопатами бросились к ним и с криком сбрасывали их с крыши дома во двор. Кричали мы для того, чтобы внизу поняли, что летят «зажигалки», и приготовились отбрасывать их в заранее приготовленный песок. В этом случае бомбочки или не взрывались, или были их взрывы менее опасными. Через несколько часов, на рассвете, мы увидели зарево горящего пригорода Москвы. В то время Москва была несравненно меньше теперешней. Горели

Дом бывшего Общества квартировладельцев на Усачёвке. Фото 1931 года. Музей Москвы

в основном деревянные строения, сама Москва почти не пострадала. Маскировка была очень хорошей, крыши больших домов и промышленных предприятий были окрашены в разные цвета, что создавало впечатление небольших построек, а кое-где было затянато брезентом. [...]

В сентябре месяце 1941 г. на улицах Москвы стали строить противотанковые заграждения. Детские школы прекратили свою работу, а всех ребят отправили на возведение этих «баррикад». Работали дети от 14 лет. Ставили «ежи» из рельсов, а вокруг них мешки с песком. Труд был непосильным, но дети и взрослые работали самоотверженно, поднимая каждый мешок по 8–10 человек. Так мы «забаррикадировали» Большую и Малую Пироговские улицы, Усачёвку, улицу Х лет Октября, Лужники. Причём на каждой из них возвели по две-три «баррикады». [...]

В конце сентября выдали на человека по полпуда муки, за которой пришлось простоять в очереди полутора суток. Так, сменяя друг друга, мы с подругой получили эту

Маскировка
Кремля. Фото
1941–1942 годов

муку и несли её от ул[ицы] Большие Кочки³ до своего дома на Малой Пироговской, 16. Как мы, тощие и уже обессиленные, могли проделать этот путь, теперь кажущийся просто немислимым? Эта мука в какой-то мере спасла нам жизнь. [...]

Налёты вражеских самолётов продолжались и ночью, и днём, тревоги участились. В одну из ночных тревог была сброшена большая бомба на завод «Каучук», но, слава Богу, немец промахнулся, и вместо завода были снесены на ул[ице] Усачёвке семь деревянных домишек. Люди не пострадали, т[ак] к[ак] они находились в подвале нашего дома, но все остались без крова и без вещей. Их поселили в клубе нашего дома, где они за занавесками, отделявшими их семьи, прожили долгие годы.

Хотелось учиться

Галина Фёдоровна Благова (Данько)⁴
(21 апреля 2005 г.)

Мы жили тогда на самой окраине Москвы — в Богородском (Сокольнич[еский] р[айо]н; до войны в почтовом адресе даже указывалось: «Москва. Село Богородское»). [...]

Очень хотелось учиться. Оставшиеся в Москве одноклассницы, мы обегали все окрестные школы. В одних — госпитали; другие стоят холодные, закрытые.

И вдруг после Нового, [19]42, года — весть: в Калошине⁵ открывается школа. Не помню, чтобы была предварительная запись.

Мы пришли учиться, нас разбили на группы по 8–10 чел[овек].

Школа не отапливалась. Зима тогда была лютая, многоснежная. Из Богородского мы ходили через Детскую ул[ицу], мимо т[ак] н[азываемой] «коммуны» (огороженный колючей проволокой участок с полутора десятком деревянных домишек, видимо сохранившихся от попытки объединить их в коммуну), пересекали совхозное поле, казавшееся тогда огромным безлюдным пространством, занесённым сугробами. Через Черкизово и Архиерейский пруд⁶ поднимались дальше на Калошинский холм, а там за хлебозаводом и была наша школа. [...]

Весной, наверное[,] в мае, нас решили подкормить. Ученики школ всего Сокольнического района собирались в длинную очередь около т[ак] наз[ываемого] молочного павильона на Майской аллее Сокольниче-

³ Улица Большие Кочки проходила параллельно улице Малые Кочки (с 1960 г. — улица Доватора); впоследствии стала частью Комсомольского проспекта.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 51. Л. 29–31. Автограф.

⁵ Калошино (Колошино) — рабочий посёлок (с 1930-х годов) в Московской области, с 1939 года — в основном в составе г. Москвы; ныне не существует.

⁶ Черкизовский (Архиерейский) пруд — один из старейших водоёмов Москвы, созданный в XIV веке при строительстве плотин на р. Сосенке. С конца XIV века до 1764 года территория близ лежавшего с. Черкизово-Подмосковное принадлежала Чудову монастырю; отсюда произошло наименование пруда «Архиерейский».

Молочный павильон на Майском просеке в Сокольниках.
Фото 1950-х годов из семейного архива Г. Сорокина

ского парка. Каждому выдавали по стакану ячменного кофе (с молоком!), кусочек чёрного хлеба, одну столовую ложку сырковой массы. Почти все девочки приходили с баночками и бутылочками, в которые уместили свой «завтра[к]», и уносили домой. Так или иначе мы учились, и год у нас не пропал зря.

214 ступенек метро

Евгения Осиповна Патент⁷
(21 февраля 2005 г.)

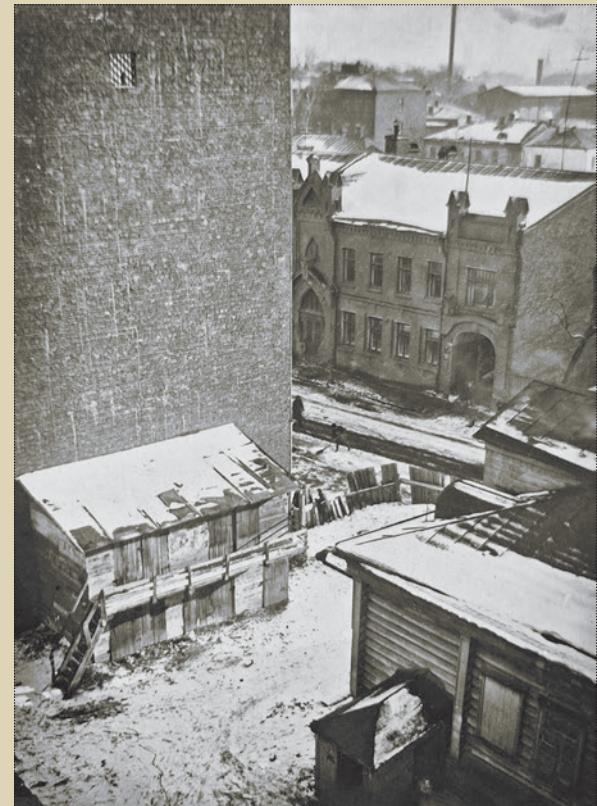
В Москве началась новая военная жизнь. [...]

Все заборы между домами были сняты. И как же я была удивлена, что рядом с нами двор в Овчинниковском переулке, почти в центре Москвы, состоял из нескольких деревянных домиков, которые буквально утопали в цветах. От дома к дому тянулись цветущие гирлянды из вьющихся цветов. Раньше из-за высоких заборов я не видела этой красоты. [...]

Немцы сразу начали бомбить Москву. Особенно досталось нам. Наша семья проживала в Кировском р[айо]не, в Руновском переулке. Около нашего дома был завод им[ени] Калинина, а чуть дальше него, со

⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 47. Л. 36 об. — 37, 38 об. — 39. Автограф.

⁸ Улица Землячки — название Б. Татарской улицы в 1947–1992 годах.

Вид на Большой Овчинниковский переулок
из дома 12 (до войны). Фото из личного
архива И.П. Волосок

стороны ул[ицы] Землячки⁸, примыкал з[аво]д им[ени] Орджоникидзе, а со стороны Овчинниковской набережной был з[аво]д «Металламп».

В войну эти з[аво]ды стали военными. Через реку Москву находился МОГЭС, а недалеко — Кремль.

На крыше нашего дома построили будку для наблюдений, где дежурил сотрудник МПВО, а вместе с ним частенько и добровольцы из нашего дома. В этой будке стояла и я, наблюдая, как немцы при воздушных налётах сначала сбрасывали зажигательные бомбы, которые зависали и освещали всё вокруг, а после сбрасывались фугасные.

Окраины Москвы в основном состояли из деревянных домиков, и они горели первыми. [...]

В 10 минутах от нас шло строительство метро, станции «Новокузнецкая». Строительство не прекращалось и в войну.

Станция метро «Новокузнецкая». Фото 1943 года.
МАММ / МДФ

Платформа была уже готова, и работники метро приспособили её для укрытия во время воздушных налётов. На платформе были поставлены скамейки со спинками, сделаны настилы, горели «буржуйки». Было сравнительно тепло, но это было только для матерей с детьми. Для остальных вдоль туннеля были построены настилы и деревянные нары, где люди могли спать, но там было холодно и сыро. Спускались в метро медленно, т[ак]к[ак] эскалаторов не было, были построены деревянные лестницы, и шли по ним «шаг в шаг», так же и поднимались. [...]

Иногда мы ходили с мамой укрываться в метро. Я несла свою младшую сестрёнку Таню, а мама небольшой чемоданчик, в котором лежали вещи Тани, 1 кг сахара и 1 кг манки. Этот чемоданчик мы всегда брали с собой, когда уходили из дома. Подниматься, как и спускаться в метро, с ребёнком на руках было очень тяжело. Помню, когда особенно во время подъёма, я всегда считала ступеньки, а их было много, ох как много! Всего 214!

Даже спускаться с маленьким ребёнком в подвал нашего дома было нелегко, и мы часто во время воздушных тревог оставались дома. К ночным обстрелам трудно, да и невозможно привыкнуть, но мы всё-таки часто оставались дома. [...]

⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 47. Л. 100–100 об., 101 об. Автограф.

Тёмные окна с крестами

Евгения Феликсовна (Алексеевна)
Абрамянц (Холина)⁹
(не позднее 21 марта 2005 г.)

Наша семья (отец, мама и трое детей) жили в Москве около Арбата, в Кречетниковском пер[еулке], который начинался от Собачьей площадки и шёл до Новинского бульвара. Сейчас на месте нашего переулкa проходит Новый Арбат. [...]

В начале июня 1941 г. меня отправили в пионерский лагерь на лето, от папиной работы. [...] Там я узнала о начале войны. [...]

Когда я вышла из метро на станции «Смоленская» (которую построили ещё до войны), то меня поразили тёмные окна с крестами на стёклах. А в это время по проезжей части несли аэростаты, которые ночью помогали защищать небо Москвы от вражеских самолётов. Бомбить Москву начали ещё летом. Во дворе нашего дома вырыли траншею, сделали над ней перекрытие, и жители дома летом спускались туда во время бомбёжек. [...] Осенью сломали заборы между дворами, чтобы сократить дорогу в бомбоубежище, которое было оборудовано в большом каменном доме по Трубниковскому переулку. В районе арбатских переулков и у Никитских ворот чаще падали бомбы, т[ак] к[ак] они находились в зоне кратчайшего пути к Кремлю, куда так стремились немецкие бомбардировщики. Проекторы ловили перекрёстными лучами самолёты, и зенитки стреляли в них. Мы потом во дворах собирали осколки от снарядов. Один раз мы видели, как во время налёта диверсант из башенки углового дома у Новинского бульвара направлял световой луч в сторону Кремля. Когда упала бомба в Театр им. Вахтангова, у нас разбились стёкла, а когда упала бомба в дом напротив нашего, у нас вылетели рамы. Очень трудно было по сигналу тревоги вставать, одеваться и идти в бомбоубежище, т[ак] к[ак] обычно это было через час или два после того, как ложились спать. Школы в 1941–[19]42 гг. не работали, а в школе, где я училась, устроили госпиталь.

Наш управдом организовала детей на выполнение разных посильных работ во

Станция метро «Сокол». Фото 1944–1946 годов

дворе. Недалеко от нас упала бомба в библиотеку, и мы помогали собирать книги из развалин. Был период, когда думали, что немцы войдут в Москву, и страшно было смотреть на пустынные улицы.

Сны

Васюсина Тамара Васильевна¹⁰
(11 января 2005 г.)

Самые тяжёлые воспоминания — сны. Во время войны и очень долго после неё меня мучил один и тот же сон. Я убегаю из всех своих сил по коридорам нашего дома, его лестницам (дом четырёхэтажный), а за мной гнался немецкий танк, чтобы раздавить меня. Танк меня нагоняет, в ужасе я просыпаюсь.

Ещё снился сон, что я оказалась на рельсах метро, убегаю от электропоезда, а он меня догоняет. Я не знаю, куда мне деваться, в ужасе просыпаюсь.

Этот сон был навеян единственным пребыванием в метрополитене на станции «Сокол» во время воздушной тревоги. Однажды моя тётя, Любовь Ивановна Белогова, во время воздушной тревоги взяла меня и брата и повезла нас на трамвае № 6 до метро «Сокол».

Там мы спустились на станцию. Нарodu было очень много, сесть некуда, у входа на станцию стоит электропоезд. Тётя Люба

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 51. Л. 40. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

¹¹ Тушинский военный аэродром существовал с 1931 по 2014 год. Алёшкинский (Захарковский) аэродром Гражданского воздушного флота и Главсевморпути существовал с 1931 по 1962 год.

села на каменный пол, а нас посадила к себе на ноги. Это было единственный раз, когда мы были в метро. Больше нас в метро не возили. Мама считала это бесполезным. Очень далеко ездить, можно погибнуть по пути в метро. Когда бывал сильный обстрел Москвы, иногда мы уходили в землянку, вырытую около дома... Потом мама перестала прятаться и там. Она считала, чему быть, тому не миновать.

Дом, где мы жили, расположен около канала им. Москвы. Рядом два военных аэродрома — Тушинский и Алёшкинский¹¹, военные заводы — почтовые ящики № 343, № 824 и № 5005 — заводы по изготовлению авиамоторов и военного обеспечения. Немцы бомбили их, старались попасть в шлюзы канала, чтобы затопить г. Москву. На берегах канала были установлены зенитки. Однажды вечером мама вместе со мной вышла на улицу проверить, все ли окна в доме тщательно зашторены. Началась воздушная тревога, воют сирены. Мама кричит жильцам, у которых просачивается свет из окна, чтобы поправили затемнение. Шторы — это сейчас висят на окнах, а тогда это были одеяла.

В тёмном небе летает немецкий самолёт. Его ловят наши прожектора, грохают зенитки. Во всём пространстве абсолютная тревога. Я крепко цепляюсь за мамину руку — это единственное, что обещает мне защиту и жизнь.

Было организовано детское население во вражде козлов на козлах и чердаках доят на случай нападения злых и злых доят. С кровли их и с кровли на злых а на чердаках доят в доят с водой или злых и злых.

[illegible]

Настоящие настилы даю спать не ло-
тались. Воконили в дуге насти и
в них пидеи настиа. При настиае
лети на крышу, тить, сбавивать
дерева, ели, попадаи. Насти ели
дерева.

[illegible]

3. В Кудкове почти не было заборов, а там было их много. Там почти в коммунальном доме, краше нас было еще 9 семей. Абор

Из воспоминаний
А.С. Морозовой.

29 апреля 2004 года.
ЦГА Москвы.

Ф. П-8731. Он. 2. Д. 47.
Л. 21 об. - 22

Район крайний к немцам

Докина Нина Петровна¹²
(не позднее 29 апреля 2004 г.)

В нашей жел[езно]дор[ожной] школе № 1 Киевского р[айо]на г. Москвы по 2-й Бородинской ул[ице] создали пункт мобилизации. Все ребята с нашей улицы и прилегаемых 1, 2, 3, 4-го переулков, учившиеся в этой школе, ушли на фронт в первые дни.

Наши дома назывались Малков (38), Волков (40) и Буржуев (42) по фамилиям их владельцев — они жили в своих комнатах. В 1958 г. все дома, в том числе и нашу школу (дом 34)[.] снесли и выстроили гостиницу «Украина». [...]

В первые дни бомбёжек горел пивзавод Бадаева, ещё сильнее горел на Филях завод «Москвотоль», весь район был затянут чёрной гарью. Наш район был крайний к немцам — Можайское шоссе. [...] На Крылатских холмах стояли зенитные части, нас туда посылали на рытьё окопов и создание заградительных сооружений. [...]

Бомбили нас, конечно. Одна бомба упала у метромоста по Киевской линии, но мост не задела, а волна ушла на жилые домишки, которые все были снесены. Угол тоннеля быстро заделали, и метро работало без перерыва. [...]

Сейчас я смотрю на стадион «Лужники» и вспоминаю Лужники 1942 г. Там был причал речных судов. В летнее время на них завозили топливо — дрова, уголь, торф для зимы столицы. Это огромная территория, заваленная топливом. Там недалеко было

трамвайное депо им. Артамонова, которое провело линии и сделало круг на самих Лужниках. Оттуда развозили на грузовых трамваях-платформах по всей Москве топливо. [...] В одну такую ночь мне пришлось грузить брёвна на платформы. Практически на погрузке работали одни женщины. По несколько человек мы поднимали с земли тяжелейшие брёвна, тащили их к трамваю и забрасывали на платформу. Морозы были сильные. А мы, потные, одетые кто во что горазд, у кого валенки с калошами, у кого кирзовые сапоги, полуголодные, работали изо всех сил.

Зарево от горевших деревень

Морозова Анна Степановна¹³
(28 апреля 2004 г.)

В 1941 г. я жила в пригороде Москвы — Кускове¹⁴ и училась в 10-м классе кусковской средней школы. 18 июня у нас был последний экзамен, а 20 июня — выпускной вечер, по сути торжественное собрание с вручением аттестатов. [...] 21 июня вечером мы собрались отметить окончание школы. Часов в 11 вечера пошли на пруд около Шереметевского дворца кататься на лодках. Сторож дал нам лодки. Катались до рассвета. Потом долго гуляли в дворцовом парке. Домой я пришла часов в 11 утра. По радио идёт какая-то передача. Вдруг диктор прервал передачу словами: «Слушайте важное правительственное сообщение». Выступил Молотов, рассказал о переходе наших границ на рассвете немецкими войсками и о бомбёжках наших городов. [...]

В 2 км от Кусково, около станции Чух-
линка пересекаются две железные дороги –
Нижегородская и Казанская, по которым шла
эвакуация предприятий и населения. Немцы
стремились в этом месте вывести из строя
обе дороги, одновременно и часто бомбили
эту станцию. После бомбёжки железнодо-
рожники к утру восстанавливали пути. Бом-
били и Кусковский химзавод. [...]

В августе в Москве ввели карточки на продукты питания. Полагалось на месяц на одного человека 2 кг крупы, 2 кг мясных продуктов, 650 г хлеба для рабочих I категории; 550 г — для остальных; 450 г — на служащих,

22 июня 1941 года. Москвичи слушают радиообращение заместителя председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова. Фото: Евгений Халдей

детей и иждивенцев. Были карточки на хлеб и в пригородах. Жителей пригородов считали сельскими жителями, и им карточки на другие продукты не выдавали.

В Кускове почти не было частных домов, а тем более не было огородов. Мы жили в коммунальном доме, кроме нас было ещё девять семей. Двор был небольшой, засажённый деревьями. Копать грядки и сажать овощи было негде.

В августе меня и ещё 11 чел[овек] из трёх батальонов мобилизовали в строительный батальон Киевского района и направили на строительство противотанкового рва от Крылатского до Рублёва. [...] Копали мы ров до 1 декабря. В конце ноября на западе от Москвы постоянно стояло зарево от горевших подмосковных деревень.

¹⁵ ЦГА Москвы.
Ф. П-8731. Оп. 2.
Д. 47. Л. 106–109.
Подлинник. Ма-
шинопись.

«...Появились знамёна. Народу становилось всё больше и больше, и все двинулись на Красную площадь». Фото: РИА Новости / М. Озёрский, 9 мая 1941 года

были приспособлены под полочки, где на газетах стояли чайники, бидоны, кружки, лежали всевозможные сумки и свёртки. Люди в походных условиях при необходимости быстро обживают любые уголки. [...]

Весной 1942 г. мы, дети, вместе с воспитателями Дома пионеров¹⁶ на ул[ице] Бахрушина вскопали землю в сквере под огород. Посадили картошку, капусту и свёклу. Ухаживали все вместе, а осенью собрали урожай и поделили на всех поровну. Когда мы с сестрой принесли домой свою долю, мама почему-то заплакала, а потом назвала нас тружениками, добытчиками.

Победа

Пашолок Аделаида Васильевна¹⁷
(2004–2005 годы)

Вся масса народа продолжала свой путь на Красную площадь. А здесь стихийно, без сутолоки люди строились в ряды по 8–10 человек и, продолжая идти, собрали огромную колонну, которая с песнями, возгласами восторга двигалась по Красной площади, по эллипсу, много раз, организованно, без участия стражей порядка. Народ ликовал!

Вечером на салют Победы я пришла на Красную площадь и встала у самого Мав-

золея В.И. Ленина. Никого на Мавзолее не было. Выступающих тоже. Только радио. Все ждали салюта в честь ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА над фашистскими захватчиками.

И вот салют! Было что-то сказочное! Над площадью сверкал всеми цветами радуги огромный купол. Такой красоты я не видела ни до, ни после этого дня. Площадь была заполнена до отказа. Казалось, что находишься в сказочном огненном шатре, внутри которого благодарные люди восславляют своих победителей, свой народ, победивший в этой жестокой, но Великой Отечественной войне! И, кроме радости и созерцания этого исторического момента, для меня ничего не существовало.

Позже я ещё раз пришла к Мавзолею В.И. Ленина, чтобы увидеть гору поверженных фашистских знамён. Наша страна победила.

С полной версией книги «Москва в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания очевидцев», подготовленной Главным архивным управлением города Москвы, можно ознакомиться на сайте виртуального музея «Москва – с заботой об истории» (vov.mos.ru).

МН

«У стен Рейхстага». Мозаичное панно на потолке станции метро «Комсомольская» (кольцевая). П.Д. Корин. 1952 год. Фото: О. Володина, 2018 год

¹⁶ Дом пионеров и школьников Кировского района г. Москвы, действовавший с 1942 года в здании бывшей городской усадьбы М.Ф. Михайлова (1900–1910; проект инж. Н.Г. Фалеева), с 1910-х гг. — особняк купца А.И. Горячева. В настоящее время — Центр детского творчества «Замоскворечье».

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-8731. Оп. 2. Д. 51. Л. 26–27. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

Память о войне

Монумент «Героям — молодоговардейцам». Все фото: Мосгорнаследие

Память о защитниках Родины в Москве хранят улицы, площади и переулки, монументы и мемориальные доски. К 80-летию Великой Победы на карте столицы появились новые топонимы, а военную летопись Москвы пополнили произведения монументального искусства, увековечивающие имена героев.

На карте города

В преддверии знаковой юбилейной даты несколько безымянных городских улиц и территорий получили наименования в честь защитников Отечества. Так в Хорошёвском районе Северного административного округа города Москвы проектируемым проездом № 6157 и 5490а было присвоено имя Надежды Троян, разведчицы и медсестры партизанского отряда «Буря».

Надежда Викторовна Троян (1921–2011) родилась в Белоруссии, в городе Дрисса (ныне — Верхнедвинск). Студенткой Минского медицинского института застала она начало войны. Находясь на территории, оккупированной немецкими войсками, Надежда Троян участвовала в работе подпольной организации в городе Смоленичи Минской области. С июля 1942 года была связной, разведчицей, медсестрой партизанских отрядов «Сталинская пятёрка» и «Буря». За успешное выполнение боевого задания по уничтожению гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе в 1943 году Надежде Троян вместе с другими участницами операции Е.Г. Мазаник и М.Б. Осиповой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вернувшись с фронта, Надежда Викторовна продолжила учёбу в 1-м ММИ им. И.М. Сеченова, по окончании которого стала хирургом на кафедре госпитальной хирургии института. В 1970-е годы Н.В. Троян была руководителем Советского Красного Креста, организовывала медицинскую помощь и помогала людям, пострадавшим в результате военных конфликтов, стихийных бедствий и эпидемий. Н.В. Троян много сделала для сохранения памяти о героях-партизанах. Она была одним из инициаторов переименования станции метро «Измайловский парк» в станцию «Партизанская».

В 2013 году в честь Надежды Троян на здании Первого Московского медицинского университета им. И.М. Сеченова установили мемориальную доску. Её имя присвоили также школе № 1288 на Хорошёвском шоссе, здесь к 100-летию легендарной разведчицы был установлен бюст. Теперь на севере столицы есть и улица имени Надежды Троян.

А в Басманном районе Москвы, вблизи дома 13/17 по Большому Козловскому пере-

Партизанка
Надежда
Викторовна
Троян

улку, увековечили имя генерала армии А.В. Хрулёва. Ныне его имя носит сквер.

В начале Великой Отечественной войны генерал-лейтенант интендантской службы **Андрей Васильевич Хрулёв** (1892–1962) был назначен заместителем наркома обороны СССР, а с 1 августа 1941 года одновременно являлся начальником Тыла Красной армии. В 1942–1943 годах А.В. Хрулёв возглавлял Народный комиссариат путей сообщения СССР, который располагался поблизости, по адресу: ул. Новая Басманная, д. 2/1, стр. 1.

По воспоминаниям сослуживцев и родных, благодаря дару стратегического мышления Хрулёву удавалось предвидеть кризисные ситуации и оперативно решать сложнейшие задачи. Созданная им централизованная система тылового обеспечения действующей армии доказала свою эффективность в военных условиях. А.В. Хрулёв руководил обеспечением войск в ходе Московской битвы в 1941–1942 годах. В 1942 году по его инициативе по дну Ладожского озера был проложен 35-километровый трубопровод для подачи горючего осажённому Ленинграду, а также построены

Генерал-лейтенант
Андрей
Васильевич
Хрулёв

важные железнодорожные магистрали — большое московское кольцо и линия Кизляр — Астрахань, сыгравшая важную роль во время переброски войск под Сталинград.

Ещё один топоним в честь участника Великой Отечественной войны появился на юго-западе столицы. Проектируемому проезду № 6639, расположенному в районе Проспекта Вернадского, присвоено наименование улицы Академика Евтихиева.

Имя **Николая Николаевича Евтихиева** (1922–2010), учёного в области научного приборостроения, Героя Социалистического Труда, тесно связано с историей Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА). Свой боевой путь Н.Н. Евтихий начал в 1940 году, сразу после окончания московской средней школы, когда был призван в ряды Красной армии. Он служил в частях связи Дальневосточного фронта, затем находился в составе Центрального, 1-го и 2-го Белорусских фронтов, награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями. В 1964 году Н.Н. Евтихий был назначен ректором Всесоюзного заочного энергетического института, преобразованного в 1967 в МИРЭА, которым бессменно руководил более 30 лет.

Семеро смелых

О подвиге молодогвардейцев, увековеченном в романе Александра Фадеева «Молодая гвардия» и одноимённом фильме Сергея Герасимова, старшее поколение помнит

Памятник защитникам Отечества
в Куркине

со школьной скамьи. Молодёжная антифашистская организация была создана после начала оккупации Краснодона войсками нацистской Германии в 1942 году. 47 юношей и 24 девушки распространяли листовки, собирали оружие, совершили поджог здания с документами немецкой биржи труда. В январе 1943 года начались массовые аресты членов организации. После жестоких пыток все арестованные были казнены. Местом их гибели стал шурф шахты № 5.

В марте прошлого года по инициативе Российского военно-исторического общества на Молодогвардейской улице открылся памятник героям красдонского антифашистского подполья. Бронзовый монумент «Героям — молодогвардейцам» выполнен скульптором Михаилом Баскаковым и архитектором Иваном Соловьёвым. Скульптурная композиция изображает семерых членов «Молодой Гвардии» — Ульяну Громову, Любовь Шевцову, Ивана Земнухова, Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Ивана Туркенича и Виктора Третьякевича.

Ещё один памятник защитникам Отечества был открыт в декабре 2024 года вблизи храма Владимирской иконы Божией Матери в Куркине. Инициатором установки памятного знака воинам, умершим в эвакогоспитале № 2965 в годы Великой Отечественной войны, выступило Правительство Москвы.

В годы Великой Отечественной войны на базе туберкулезного санатория «Захарьино» в Куркине был развернут хирургический военный госпиталь № 2965 для раненых. С первых месяцев войны сюда поступали раненные с Западного, Калининского и других фронтов. Вот как описывает это время старшая медицинская сестра госпиталя: **«В начале августа 1941 г. санаторий был преобразован в хирургический госпиталь. Всем фтизиатрам пришлось выполнять работу хирургов. Это были люди, которые самоотверженно выполняли свой гуманный долг, спасая жизнь раненым воинам. Госпиталь так был переполнен ранеными, что их размещали на полу на носилках и даже в столовой».**

Скульптурная часть памятного знака выполнена из бронзы авторским коллективом под руководством скульптора Андрея Ковальчука. Центральное место в композиции занимает фигура советского солдата, которая словно отрывается от искореженной взрывом и пропитанной кровью земли. Его образ по силуэту напоминает ангела, возносящегося к небу. Постамент памятного знака выполнен из гранитной плиты, на которой высечены имена умерших в Куркине воинов.

«Пролети надо мной после боя»

За последние годы в столице появилось 29 мемориальных досок, посвящённых героям Великой Отечественной войны.

Мемориальная доска генерал-полковнику авиации Сергею Фёдоровичу Ушакову была установлена в апреле прошлого года на фасаде дома 54 по улице Народного Ополчения, где Ушаков прожил с 1969 по 1986 год.

Сергей Фёдорович Ушаков (1908–1986) — военный деятель, штурман, генерал-полковник авиации, участник Советско-финской и Великой Отечественной войн. Водил эскадрилью четырёхмоторных бомбардировщиков в глубокий тыл врага на поражение военных объектов Данцига, Кёнигсберга,

Мемориальная
доска в честь
генерал-полковника
авиации
С.Ф. Ушакова

Тильзита, Бухареста, Варшавы и советских городов, занятых врагом. В марте 1943 года Ушаков выполнил особое правительственное задание. Его включили штурманом в экипаж подполковника Э.К. Пусэпа, самолёт которого доставил делегацию Советского правительства в Великобританию и совершил обратный перелёт в Москву. К маю 1943 года штурман эскадрильи 746-го авиационного полка подполковник С.Ф. Ушаков совершил 94 ночных боевых вылета на бомбардировку важных объектов в глубоком тылу противника, а также его войск. За выполнение боевых заданий и проявленные мужество и героизм 27 июля 1943 года Сергею Фёдоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Доска с портретным барельефом С.Ф. Ушакова выполнена из бронзы и гранита авторским коллективом в составе скульптора Игоря Бурганова и архитектора Натальи Болдиной.

Память о ещё одном выдающемся авиаторе увековечили мемориальной доской на доме 31 на Малой Грузинской

Мемориальная доска в честь полковника авиации Г.Б. Гофмана

Гвардии лейтенант Татьяна Николаевна Сумарокова

Мемориальная доска в честь Т.Н. Сумароковой

го авиационного женского полка, известного как «ночные ведьмы», совершила более 700 боевых вылетов. После войны она работала в издательстве «Прогресс», а также

Мемориальная доска в честь генерал-полковника авиации А.Н. Медведева на Мосфильмовской улице

написала книгу воспоминаний «Пролети надо мной после боя».

На доме 22 на улице Миклухо-Маклая, где Т.Н. Сумарокова жила последние 15 лет (с 1982 по 1997 год), в декабре 2024 года установили бронзовую мемориальную доску работы скульптора Игоря Бурганова, дизайнера Юрия Менчица и архитектора Анны Болдыревой. На ней размещено объёмное изображение образов ночного военного неба и самолёта У-2 (По-2) в перекрестье лучей прожекторов. В общую композицию включено объёмное портретное изображение молодой Татьяны Сумароковой и посвятельная надпись.

Сегодня на территории Москвы насчитывается 431 монумент, посвящённый героям и событиям Великой Отечественной войны. За предшествующие 4 года проведены работы по реставрации и ремонту 67 памятников. С начала текущего года полностью приведены в порядок 24 монумента, завершение работ по реставрации и ремонту ещё 84 объектов приурочено к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ведутся работы и по реставрации объектов воинского некрополя Москвы. С 2021 по 2024 год на кладбищах Москвы проведены работы по реставрации 120 захоронений, являющихся объектами культурного наследия, посвящённых героям Великой Отечественной войны.

В память о защитниках советского неба в годы войны в Москве увековечили память Героев Советского Союза генерал-лейтенанта авиации **Леонида Васильевича Жолудева**, генерал-полковника авиации **Александра Николаевича Медведева**, полковника авиации **Дмитрия Васильевича Каприна**. В преддверии праздника Великой Победы в столице также появились мемориальные доски Героям Советского Союза главстаршине Дунайской военной флотилии **Екатерине Илларионовне Дёминой**, гвардии лейтенанту **Владимиру Сергеевичу Алхимову**, старшему лейтенанту **Гатаулле Салиховичу Салихову**, полковнику **Алексю Прохоровичу Волошину**, а также участнику Великой Отечественной войны, выдающемуся спортсмену-тяжелоатлету **Льву Бенциановичу Механику**.

МН

Екатерина Евдокимова,
12 лет (ЗелАО, Зеленоград).
Из работ, присланных
за последние годы на конкурс
детского рисунка «Наследие
моего района» в номинацию
«Памятники-герои»

Автор:
Дмитрий Бобров,
житель дома

Дом в Черниговском переулке

Любителям Замоскворечья хорошо знаком доходный дом И.Ф. Нейштадта в Черниговском переулке. Выразительная и изысканная архитектурная декорация дома, замыкающего перспективу живописного переуллка с древними храмами, редко остается незамеченной. До недавнего времени об авторе этого здания было известно немного. Сегодня, благодаря близким архитектора, сохранившим небольшой архив, мы имеем возможность рассказать о творчестве талантливого зодчего Капитолия Абрамовича Дулина и об истории спроектированного им дома.

Капитолий Дулин

К.А. Дулин получил архитектурное образование в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, после чего учился в Академии художеств в Петербурге у академика В.А. Коссова. Самостоятельная практическая деятельность архитектора началась в Строительной конторе Лазарева и Строттер в Москве. Одновременно, в 1901 году 26-летний архитектор назначен главным инженером и заведующим строительного отдела одного из самых крупных промышленных предприятий России — Сормовских заводов в Нижнем Новгороде.

В 1906 году архитектор вернулся в Москву и, благодаря известности в кругах промышленников, получает заказы на различных предприятиях — Невском стеариновом заводе, Большой Ярославской мануфактуре, фабриках Н. Тре-

Фасад дома по Черниговскому переулку. Фото: Е. Крижевская, 2024 год

тьякова, П. Морозова, в английской фирме «Вильям Миллер и К°» и других, а также вплоть до 1917 года является консультантом при правлении Коломенского завода.

В конце 1900-х и 1910-е годы наряду с промышленными объектами архитектор строит презентабельные коммерческие и общественные здания, особняки и доходные дома. Одна из его самых известных сохранившихся построек — здание Хлебной биржи на Спартаковской (тогда Гавриковой) площади, которое ныне занимает театр «Модерн». Перечень проектов, в которых в той или иной форме участвует Дулин, насчитывает около двух десятков

Архитектор Капитолий Абрамович Дулин

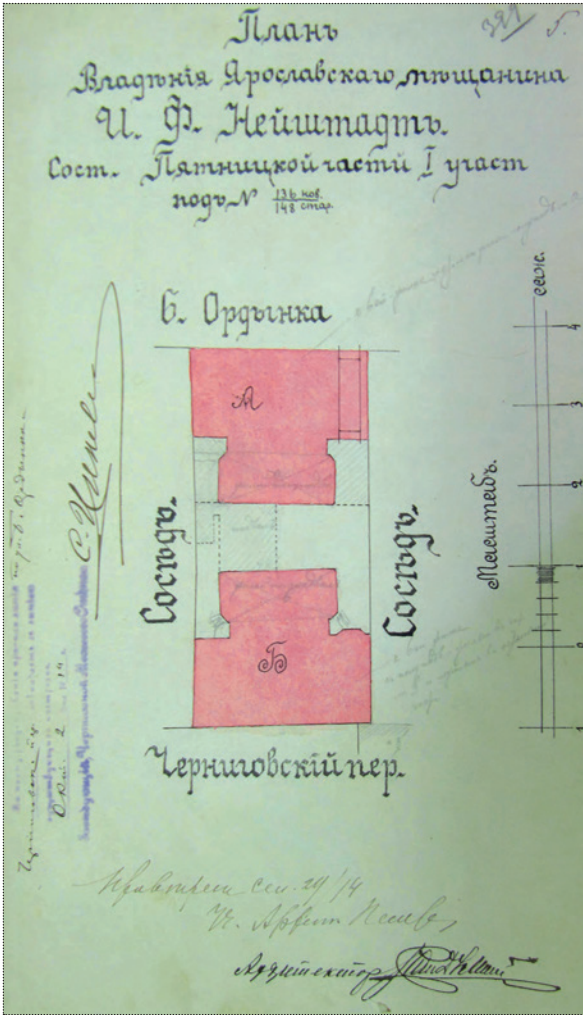
крупных сооружений, что свидетельствует о его поразительной работоспособности, разносторонности и завидной энергии.

После Октябрьской революции К.А. Дулин востребован главным образом как инженер. В 1921–1925 годах он трудился в Управлении фабрики «Гознак», а в 1926–1928 проектировал сооружения по линии нефтепровода Грозный — Туапсе. Вскоре в его судьбе происходит трагический поворот. В октябре 1928 года архитектор был арестован в Москве и осужден по 58 статье на 3 года с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях с последующей ссылкой. В Котласе архитектор работал в проектных мастерских, выполняя проекты для Управления Соловецких лагерей особого назначения. Освободился Дулин лишь в 1933 году, незадолго до своей смерти.

Под сенью муз

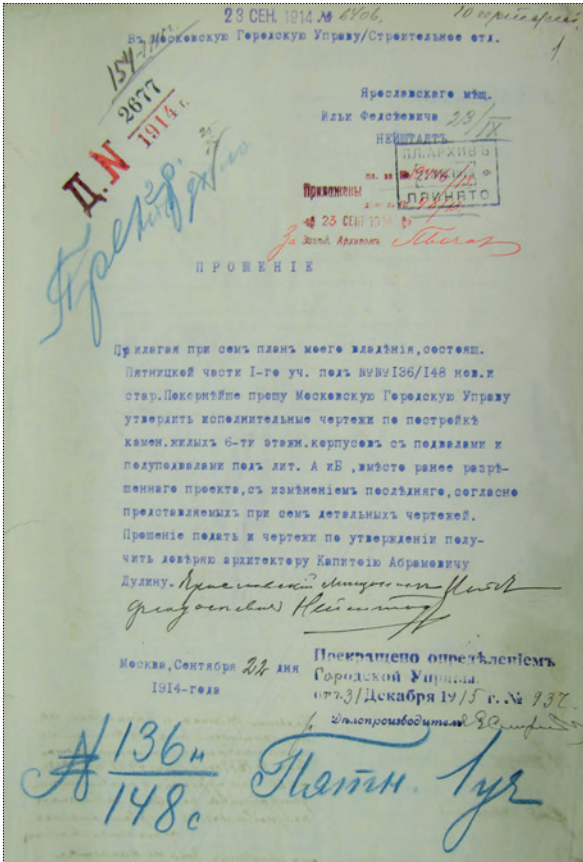
На мой взгляд, наиболее интересным в ряду созданных К.А. Дулиным доходных домов стал проект, выполненный для купца

План владения.
1914 год. ЦГА
Москвы, ОХНТ-
ДМ. Ф. 1. Оп. 10.
Ед. хр. 264. Д. 10.
Л. 5

Илья Федосеевича Нейштадта, к работе над которым он приступил в 1912 году.

Первоначально на узком участке владения, выходящем торцовыми сторонами на Большую Ордынку и Черниговский переулок, автор задумал возвести единый шестиэтажный корпус с продолговатым внутренним двором. Сохранились отличающиеся красивым рисунком планы дома, датированные декабрём 1912 года. Однако по каким-то причинам этот вариант не был осуществлён, и к осени 1914 года Дулин представил новый проект, согласно которому по сторонам внутреннего двора предлагалось поставить два отдельных жилых корпуса, обращённых главными фасадами на улицы. Последний вариант, вероятно, оказался более экономически целесообразным из-за увеличения ширины домов и одновременно лучшей освещённости ориентированных во двор помещений. Именно по этому проекту и было произведено строительство.

Прошение И.Ф. Нейштадта в Московскую
городскую управу. 1914 год. ЦГА Москвы,
ОХНТДМ. Ф. 1. Оп. 10. Ед. хр. 264. Д. 10. Л. 1

При оформлении главных фасадов дома Нейштадта Дулин отдаёт предпочтение строгим симметричным композициям, вместе с тем декоративная отделка корпусов заметно отличается. Фасад, обращённый на Большую Ордынку, достаточно прост и не претендует на роль доминанты в сплошном ряду уличной застройки. В центральной и боковых осях расположены эркеры. Широкий средний эркер прорезан арочной нишей со сдвоенными колонками композитного ордера, а подоконные пространства украшены филёнками.

Фасад корпуса, обращённого в Черниговский переулок, благодаря насыщенному декору производит впечатление изысканности и торжественности и играет важную роль в окружающей застройке. Внутренний объём шестиэтажного дома не нарушает камерной атмосферы бывшего монастырского двора, а ритмический строй фасада удивительным образом поддержива-

Фасад дома по
улице Большая
Ордынка. Фото:
Мосгорнаследие,
2025 год

ет общую тональность архитектуры храмов и одновременно является для них гармоничным фоном.

Конечно же, особую парадность облику дома придают помещённые в филёнках над окнами барельефы и гирлянды, вазы в простенках окон верхнего этажа и другие детали. Венчающий здание фронтон некогда украшали акротерии в виде грифонов и пальметты. Композицию завершал зенитный фонарь, установленный над атриумом парадного подъезда.

Скульптурные и рельефные изображения на фасаде отсылают к античным образцам. Можно предположить, что тема торжества искусств появилась здесь совсем не случайно. Чем был продиктован выбор архитектора: модой, собственными предпочтениями или вкусом заказчика? Время обратиться к фигуре владельца дома — Илье Федосеевичу Нейштадту и членам его семьи.

Семья Нейштадт

Илья Федосеевич (Фишелевич) Нейштадт родился 17 ноября 1865 года в местечке Ляды Горьковского уезда Могилёвской губернии

Семья Нейштадт. Фото около
1909–1910 годов

Российской империи. Рано осиротел и поступил в учение к портному, стал закройщиком и впоследствии владельцем одноимённого торгового дома, специализирующегося на пошиве готового платья.

Жена Раиса Владимировна Нейштадт (Фролова) 1878 года рождения родилась в Москве. Её мать была подмосковной помещицей. Отец — Владимир Яковлевич Фролов — профессиональный музыкант, ученик Петра Ильича Чайковского. В доме-музее Чайковского в Клину сохранилась их переписка, датированная 1889 годом. В.Я. Фролов был принят в консерваторию в самом первом наборе, но за несколько месяцев до выпуска бросил учёбу из-за ссоры с родителями. Многие годы он руководил оркестрами в Ярославле и выступал в театральных оркестрах в Москве. Семья Нейштадт сначала обосновалась в Ярославле, однако в 1898 году, после рождения одного из сыновей, переехала в Москву. В 1900-х в селе Белоомут Зарайского района Ильи Федосеевич основал контору и швейную фабрику «Торговый Дом И.Ф. Нейштадт». В 1905 году Нейштадт приобрёл усадьбу, на месте которой спустя 10 лет появились два доходных дома по проекту К.А. Дулина. С 1912 года основной магазин купца располагался в Торговом Доме Титова (арх. В. Шервуд) на Старой площади.

В семье Нейштадт было шестеро детей: Валентина, Владимир, Лидия, Александр,

Вид на доходный дом Нейштадта. Фото: У.О. Филд, UMV Libraries, 1931 год

Фрагмент фасада. Фото: Е. Крижевская, 2024 год

Леонид, Евгений. О том, как сложились их судьбы, тоже стоит упомянуть.

Владимир Ильич — пожалуй, самая неординарная личность из всей семьи Нейштадт. Окончив Московскую императорскую академию практических искусств,

в 1915 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где изучал французский, английский, греческий, немецкий и другие языки. После Октябрьской революции был назначен разъездным эмиссаром Библиотечного отдела Наркомата Просвещения, служил переводчиком в штабе Красной армии. Демобилизовавшись, Нейштадт вернулся в Москву и посвятил себя литературной работе. Работал в Центропечати, затем в Госиздате, был репортёром, фельетонистом, литературным редактором в газетах. Объездил множество дальних уголков страны, вёл дневники, написал несколько книг. Настоящей страстью В.И. Нейштадта были шахматы. С конца 1920-х годов он был редактором ряда шахматных изданий и колонок в газетах. Им было опубликовано свыше 70 работ по истории и теории шахмат.

Во время войны Владимир Нейштадт был мобилизован и назначен «инструктором-литератором» в 7-й отдел Политуправ-

Визуализация утраченных элементов (грифоны, пальметта, балюстрада, зенитный фонарь) на основе фотоснимка 1931 года. Автор визуализации Ольга Письмерова

ления, где готовил листовки, тексты для окопной звуковой пропаганды. Как переводчик руководил допросом военнопленных для перевербовки и переброски их в немецкий тыл. После войны занимался переводами Пушкина на немецкий язык, писал мемуары. Умер Владимир Нейштадт 16 апреля 1959 года и похоронен на Введенском кладбище Москвы.

Александр Ильич, окончив полный курс Московской практической академии коммерческих наук в 1917 году, поступил в МГУ на юридический факультет. В условиях революционного хаоса закончить учёбу в университете не удалось, однако полученное в Академии образование позволило поступить на службу в государственные учреждения, вначале в Москве, потом на Алтае. Оттуда он переехал в Пермь, а в 1925 году стал заместителем начальника Горплана в Свердловске. Заочно Александр Ильич окончил Ленинградский экономический институт. В период 1941–1945 годов зани-

Раиса Владимировна Нейштадт (Фролова), жена И.Ф. Нейштадта

мался созданием тыловых госпиталей как строитель и экономист. После 1945 года получил назначение на должность заведующего отделом Областного коммунального хозяйства, защитил в Ленинграде диссертацию, участвовал в организации экономического факультета университета, а потом Свердловского института народного хозяйства в качестве профессора и заведующего кафедрой экономики строительства.

Леонид Ильич связал свою жизнь со строительством. Кандидат технических наук, доцент Московского инженерно-строительного института, он много лет занимался преподавательской и научной деятельностью, был автором книг по строительству, металлоконструкциям и их расчётам.

Что касается сестёр, то Валентина Ильинична вышла замуж за известного скрипача Иосифа Васильевича Рывкинда, организатора Берлинского квартета скрипачей, профессора Московской консерватории. После смерти супруга Валентина Ильинична в 1920 году сдала в Гохран его скрипку Страдивари и выехала из страны со своим сыном и вторым мужем во Францию.

Лидия Ильинична вскоре после революции вышла замуж за известного архитектора Николая Феликсовича Вишневого,

Лестница.
Фото:
Е. Крижевская,
2024 год

представителя большой московской семьи коллекционеров, производителей художественной бронзы и владельцев фотоателье. В 1950-х Н.Ф. Вишневский работал в группе архитекторов высотки на Котельнической набережной.

Дом и его обитатели

Ещё до революции в квартиру 27 въехал купец второй гильдии, занимавшийся продажами рысистых лошадей, Василий Васильевич Илюшин. Упоминания об Илюшине можно найти у Гиляровского в его книге «Москва и москвичи». Четыре поколения его семьи жили в этой квартире до 2020 года. Интерьер квартиры сохранился практически без утрат. Новый владелец восстановил исторический интерьер квартиры, включая лепнину, двери и витраж Фальконье.

В квартире 23 жила чета Зелькиных — врач Лев Захарович и его жена литератор

Берта Павловна. В квартире Зелькиных часто гостил их внук, впоследствии известный советский писатель Камил Икрамов (1927–1989). К. Икрамов писал произведения для детей и юношества, был автором исторических романов и киносценариев. Действие его повести «Скворечник, в котором не жили скворцы» о событиях осени 1941 года происходит в нашем доме, который он тоже любил.

В советское время в доме также проживал Евгений Абрамович Каждан (1922–1984) — знаменитый график, иллюстратор, плакатист, участник Великой Отечественной войны.

Нашими соседями являются авторы фонтана «Адам и Ева», который установили в Замоскворечье возле станции метро «Новокузнецкая» к 860-летию города. Композиция выполнена авторским коллективом ООО «Архитектурная мастерская В.И. Симо-нихина», автор проекта скульптор Марина Левинская.

О войне

Военные страницы занимают особое место в истории нашего дома. Благодаря замечательному фильму Михаила Калатозова «Летят Журавли», снятому в 1957 году, можно с высокой долей достоверности представить, как выглядел дом в годы войны. Когда главная героиня Вероника выходит из телефонной будки на Болотной площади и присоединяется к своей спутнице на фоне противотанковых ежей, камера разворачивается в сторону Большой Ордынки и выхватывает наш дом с зенитным фонарём.

О том, как в 41-м дети тушили зажигательные бомбы на крыше нашего дома, о том, какой виделась им Москва в годы военного лихолетья, точно и проникновенно написано в уже упоминавшейся выше повести Камил Икрамова.

«Никогда в жизни я не видел такого красивого неба над Москвой.

Во-первых, прожектора. Как они щупают небо, как они своими длинными пальцами перебирают тучи, как неожиданно взлетают и как вдруг скрещиваются. А если в скрещении прожекторов попадетс фашистский стервятник, так тут ничего прекраснее и быть не может.

Входная группа
подъезда
до и после
ремонта.
Фото автора
и Е. Крижевской

Во-вторых, трассирующие пули и снаряды. Особенно от счетверённых пулемётов. Золотые цепочки по небу, и в самых неожиданных местах. В общем, я понял, что самая лучшая красота — неожиданная.

В-третьих, если признаться, всё-таки немного страшно. Выше нашего дома вокруг нет ни одного. А ты стоишь на крыше. Внизу — город. Над тобой только аэростаты заграждения на тросах. А в небе воздушный бой не на жизнь, а на смерть. Осколки верещат. А ты знаешь, что не зря здесь стоишь, ты не лишний здесь, не кино это, а твоя собственная жизнь».

Дом, в котором я живу

Моя история в доме Нейштадта началась снежным декабрьским вечером 2001 года. Я приехал смотреть квартиру, выставленную на продажу, по рекомендации своих друзей. До этого мне не доводилось бывать в старых домах Москвы и мои интересы были весьма далеки от архитектуры дореволюционных доходных домов.

Бегло осмотрев дом с трещинами на фасаде и отвалившимися кусками балконов, я открыл ржавую железную дверь и оказался в ещё более удручающем подъезде со сбитой плиткой на полу, стёртыми ступенями, отвалившейся штукатуркой и зияющими

дырами в витражах. С каждым шагом желание покупать квартиру в этом доме у меня пропадало. Войдя в квартиру через старые, повидавшие жизнь деревянные тамбурные двери, пробитые гвоздями, со жгутами старых проводов и звонков, я оказался в тёмном коридоре, выкрашенном зелёной краской с тёмным потолком и высохшим старым скрипучим паркетом. Желание выйти появилось сразу, но любезная хозяйка пригласила осмотреть квартиру. Уже уверенный в том, что эту квартиру я покупать точно не буду, я подошёл к окну и замер. Из окна открывался вид на Черниговский переулок, храмы, колокольню, а над переулком возвышалась громада высотки на Котельнической набережной. В танце кружились снежные хлопья, мне запомнилось то, что было очень тихо. Повернув ручку-кремону, я распахнул окно. Не помню, сколько я простоял заворожённым видом, но в этот момент я понял, что нахожусь у себя дома...

Постепенно коммунальные квартиры в доме расселялись, появлялись новые жильцы, каждый из которых хотел продемонстрировать свою значимость и успех, но интерьер парадного подъезда и фасад дома ветшал. Никому из нас, новых жильцов, не было и дела до интерьеров подъезда, мы просто пробегали от ржавой входной двери до своих квартир с закрытыми глазами.

Витражи с блоками фальконье на лестничной клетке. Фото: Н. Мурузин, 2023 год

Однажды, к моим соседям приехали австралийские гости, артисты балета из труппы Sydney Opera House. Случайно встретившись на этаже, мы разговорились. Они спросили: «У вас такой красивый дом, расположенный в таком уникальном месте, но фасад и парадный подъезд в таком ужасном состоянии. Разве жильцы вашего дома не могут объединиться и восстановить его интерьеры?» Их простой вопрос отложился у меня в голове.

Первая попытка отреставрировать фасад была предпринята московскими властями в 2007 году. Ни о какой реставрации речи не было, подрядная организация просто замазала трещины и барельефы вместе с ними. Новая управляющая компания провела капитальный ремонт парадного подъезда: заново оштукатурив все стены, восполнив утраты метлахской плитки на этажах и убрав со стен всю старую проводку. Во время этого ремонта впервые восполнили утраты стеклоблоками Фальконье, в чудом уцелевших 5 витражах из 14. В 2015 году в рамках программы «Моя Улица» в доме во второй раз провели косметическую реставрацию фасада с изменением колористического паспорта. Вместо жёлтого фасада с белым декором дом стал монохромным в оттенках розового.

В 2018 году, прогуливаясь по Пятницкой улице, я стал свидетелем, как в доходном доме Громова № 17/4, стр. 1 меняют старую железную дверь подъезда на историческую деревянную копию. Инициатор этой затеи с удовольствием поделился со мной историей, как жители в складчину восстановили и вернули на место невероятной красоты дверь.

С этого момента я увлёкся вопросом и начал собирать информацию о доходных домах, архитектуре, интерьерах, парадных подъездах, отделочных материалах, столярке и витражах. Профессионалы и энтузиасты делились подобной информацией и находками в многочисленных пабликах, в социальных сетях, посвящённых этой тематике, а скауты выкладывали фотографии интерьеров парадных подъездов домов, куда просто так попасть нельзя.

В 2020 году жильцы дома по моей инициативе собрались и приняли решение привести в порядок входную группу парадного подъезда, выкинуть весь мусор и остатки строительных материалов, десятилетиями копившиеся на чёрных лестницах и подвале. Только из подвала мы вывезли шесть контейнеров строительного мусора и бытовых отходов.

Первым делом мы всё хорошо отмыли и вручную отшлифовали полы тринадца-

ти лестничных площадок. К нашей радости обнаружилась белая метлахская плитка (как позже мы установили немецкой фабрики Otto & Schlosser, основанной в 1893 году в городе Майсен, Германия).

Парадная лестница и каменная обвязка на этажах оказались из очень красивого розового доломита.

Попробовав снять слои масляной краски с наших чудом сохранившихся внутренних дверей парадного входа, я с удивлением обнаружил листовенницу в идеальном для 100 лет состоянии. Конечно, были утраты, был оторван прихлоп, двери были побиты ударами ног, а центральная часть вместо исторического стекла заколочена досками. За 6 дней я очистил двери от старой краски, после чего заказал отсутствующие элементы, дверные ручки и стёкла. Домкратами мы установили заваленную коробку дверей в вертикальное положение и вернули наши оригинальные двери на место.

Воодушевлённые результатом, мы выбрали ковёр из метлахской плитки во входную группу. Оригинальная плитка, увы, не сохранилась. При входе был вытоптан бетонный пол, упирающийся в две разломанные пополам стёртые ступени, которые мы поменяли уже в 2023 году.

Во время укладки плитки я начал искать стеклоблоки Фальконье для восстановления одного из витражей, заложенного кирпичом. Разобрав кирпичную кладку, я понял, что найти оригинальные стеклоблоки в Москве не так-то просто. В течение двух месяцев я их искал и скупал где только возможно, не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге и в Нижнем Новгороде. На воссоздание витража надо было найти 85 стеклоблоков, что заняло около 2 месяцев.

Приключение было очень интересным и познавательным. Так я познакомился с историей стекольного производства в России: Нечаево-Мальцовской мануфактурой в Гусь-Хрустальном, Северным стекольно-промышленным обществом братьев Франк, главными производителями стеклоблоков Фальконье и стеклянной черепицы до 1917 года и энтузиастами, которые восстановили производство в Санкт-Петербурге при помощи 3D моделирования и современных технологий.

Восстановленные блоки фальконье. Фото: Н. Мурузин, 2023 год

Донорами для восстановления всех 14 витражей парадного подъезда нашего дома стали стеклоблоки основного хранилища Государственного архива Российской Федерации по проекту архитектора А.Ф. Волховского на Пироговке, переданные нашему дому после 4 месяцев тяжёлых переговоров. Удивительный факт — стеклоблоки в нашем доме были произведены на Мальцовской мануфактуре в Гусь-Хрустальном в ноябре 1913 года, а стеклоблоки для Госархива на том же самом производстве 25 лет спустя в 1938 году.

Спустя четыре года исследований, поиска документов по открытым источникам и архивам, и, конечно же, благодаря энтузиазму жильцов дома мы полностью воссоздали интерьер нашего парадного подъезда таким, каким он встречал жильцов в далёком 1915 году.

Автор благодарит Людмилу Александровну Нейштадт, внучку И.Ф. Нейштадта, за предоставленную информацию.

МН

Автор:
Ольга Лаврененко,
мозаичист-реставратор,
Мозаичная студия
«Кантарель»

Мозаики больницы Св. Ольги

В 2024 году мастера студии «Кантарель» завершили работы по реставрации двух уникальных мозаичных икон на фасадах детской Ольгинской больницы в Орлово-Давыдовском переулке. Образы Св. Ольги и Св. Пантелеймона чудом уцелели в советское время, однако за 125 лет мозаики ни разу не реставрировались. Об особенностях работ по их восстановлению «Московскому Наследию» рассказала мозаичист Ольга Лаврененко.

Реставрация двух мозаичных образов велась под руководством недавно ушедшего Игоря Лаврененко вместе с девелоперской компанией «Смайнекс Констракшн» и ООО «Инженерная Геология Исторических Территорий». Задача была сложной, поэтому процесс согласования методики реставрации и исторических изысканий о происхождении образов получился достаточно долгим. В июле 2024 года мы увидели мозаичный образ Св. Ольги в мастерской студии, а в октябре-ноябре мы отреставрировали и образ Св. Пантелеймона на месте в Москве. К сожалению, наш руководитель и автор обеих методик реставрации Игорь Юрьевич Лаврененко не застал реставрацию второй иконы, и завершали работу мастера студии «Кантарель» уже под руководством московского реставратора Галины Петровны Чернушевич.

Образ Св. Ольги

Прежде чем приступить к работе образ подлежал демонтажу и консервации, а в дальнейшем, по решению методического совета, — перевозке и реставрации в Петербурге.

Икона располагается на северном фасаде главного корпуса Ольгинской больницы и представляет собой бетонный блок, размером 1020 × 730 мм, толщиной 27 мм. Блок заключён в латунную рамку, собранную внахлест из трёх полосок и закреплённую с помощью 6 латунных штифтов в тело блока в момент заливки. К стене икона была подвешена на 4 кованых костыля и раму из гипсовой штукатурки, которые сильно пострадали от времени и были в последствии заменены на новые. В момент демонтажа иконы с фасада, отогнув один костыль, Игорь Юрьевич и другие участники консервационных мероприятий практически поймали выпавшую им на руки икону.

С тыльной стороны наблюдалась цветная смальта, которая является заполнением блока, скреплённого цементным раствором с мраморной крошкой. Прежде мы не сталкивались с подобным способом скрепления

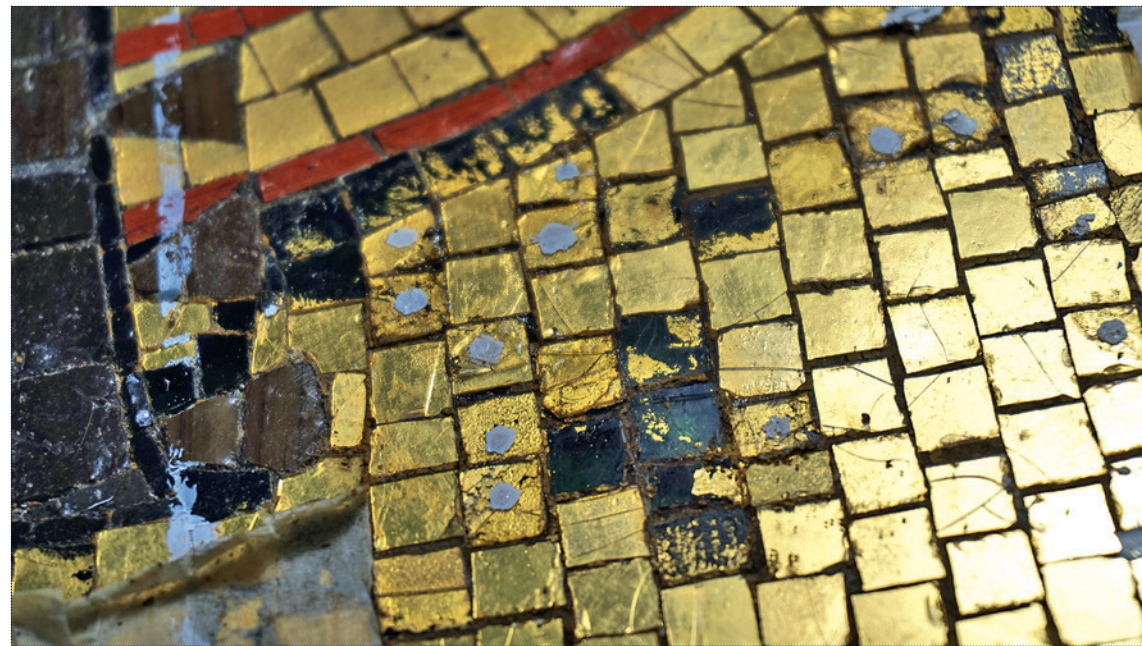
Образ
Св. кн. Ольги
до реставрации.
Фото:
Мосгорнаследие,
2022 год

Список
пожертвованій
в пользу
больницы,
в том числе
двух мозаичных
икон. 1889 год

СПИСОКЪ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу Дѣтской Больницы Св. Ольги въ 1889 году.	
ИМЕНА ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ.	ПОЖЕРТВОВАНІЯ.
1. Почетный Попечитель Графъ Сергій Владиміровичъ Орловъ-Давыдовъ.	а) На продолженіе начатыхъ въ 1897 году построекъ новыхъ зданій . . . 13,000 р. — к. б) На подарки и развлеченія больнымъ дѣтямъ къ праздникамъ. 300 „ — „ в) Дѣль большіи мозаичныи иконы работи извѣстнаго художественнаго заведенія въ Венеціи Мугано—Св. Ольги и Св. Пантелеймона и за работи по ихъ установкѣ во фронтонахъ Главнаго Зданія и Амбулаторіи. 1,441 „ 70 „ г) Икона Св. Ольги, писанная на полотнѣ, въ орѣховомъ кіотѣ съ лампадою въ залъ новой амбулаторіи д) Такая-же икона Св. Пантелеймона, писанная художникомъ Галкинымъ. 200 „ — „ е) На выписку дѣтскихъ журналовъ. 35 „ 30 „
2. Членъ Совѣта В. В. Орловъ.	а) 6000 пуд. каменнаго угля для отопленія Главнаго Зданія. 1,380 „ — „ б) 3 Свидѣтельства Государственной 4% ренты, по 100 р. каждое, на нужды больницы по усмотрѣнію Главнаго врача 300 „ — „
	Всего 16,967 р. — к.

Икона Св. кн. Ольги. Тыльная сторона мозаики после расчистки. Далее все фото: студия «Кантарель», 2024 год

Фрагмент набора до расчистки

мозаичного полотна, тем более такого тонкого. Было выдвинуто предположение, что данный способ заполнения заливки блока облегчает его для транспортировки, а также создаёт эффект контрэмали, дабы блок не

выгибалось кабошоном¹. Проставка околосмальты тыльной стороны бетонного блока, возможно, производилась с целью уравновесить натяжение раствора по открытым сторонам, по типу технологии и логики эма-

Процесс расчистки цветного набора

¹ Бреполь Э. Художественное эмалирование. Л.: Машиностроение, 1986. С. 63.

льеров для материалов, имеющих разные по значению температурные коэффициенты линейного расширения.

Мозаичное полотно впечатляет тонкостью набора. Смальта ровных однотонных сложных оттенков, не только колотая, но и тянутая (smalti filati²), кантарель на зелёной основе, 5 мм толщиной. Набор произведён венецианским (обратным) способом. Элементы фона и фигуры расположены очень близко друг к другу, многие швы практически незаметны.

Что касается происхождения образа, предположения у Игоря Юрьевича были разными. Сначала он предполагал, что мозаика изготовлена в Германии фирмой Puhl & Wagner, по причине сходства приёмов набора с мозаиками в алтаре Храма Воскресения «Спас-на-Крови». В пользу этой версии свидетельствовали аккуратное исполнение и сходство самой смальты, использование миллефиори и другие признаки. Позднее выбор пал на итальянскую фирму Salviati, чему были найдены документальные подтверждения³, увы, не исчерпывающие, поскольку фирма сменила множество руководителей и собственный архив был утрачен. Авторство итальянской мастерской косвенно подтверждало использование латунной рамки, которую можно обнаружить на ранних работах известного мозаичиста Владимира Фролова, и использование окола смальты в блоке мозаики. Последнее можно отнести скорее к домыслам (мы не можем изучить тыльную сторону немецких мозаик), однако подобное расточительство можно приписать итальянцам, так как «окол» — это полноценные элементы и даже большое количество тянутых фрагментов.

Образ был покрыт грязью, копотью и остатками террачтовой краски под цвет фасада. Кантарель сильно пострадала, 15% были разрушены, 20% с отколотыми фрагментами кантарели, и каждый элемент золотого фона имеет поверхностные трещины. В ожидании реставрации икона была покрыта профилактической заклеей, которую потом необходимо было аккуратно снять, попутно укрепляя отслоившиеся элементы кантарели с помощью специального клеевого состава. Надо признать, это был

Процесс расчистки цветного набора

самый кропотливый процесс в этой работе. Необходимо было нарезать профилактическую заклеей по строкам набора и, смачивая растворителем, снимать тонкие ленты. Частота отслоений была около 1 из 5, а количество элементов золотого фона насчитывает более 6 000 tesserae.

Цветной набор практически не пострадал, но, поскольку в тёмных областях набор

² Chiara Betaccini, Cesare Fiori. Micromosaico. Storia, tecnica, arte del mosaico minuto romano. Ravenna: Edizioni del Girasole, 2009 P. 25.

³ Оксенюк А. Историко-архивное исследование: Мозаичные иконы Св. Ольги и Св. Пантелеймона детской Ольгинской больницы в Москве. 2024 г.

Икона
Св. кн. Ольги
на фасаде после
реставрации

не был затёрт, туда набилась грязь и краска, которые необходимо было извлечь перед укрепительными действиями. Извлечение

повреждённых элементов золотой смальты также усложнялось тончайшими швами. Мы использовали самые тонкие стоматоло-

гические алмазные буры, алмазные диски в треть миллиметра толщиной. Приходилось даже использовать прядильные иглы, чтобы извлечь загрязнения из глубины самых тонких швов.

Мозаичное полотно заметно потускнело от поверхностной эрозии стекла. С помощью алмазных паст и шлифовальной машины мы вернули стеклу его естественный блеск, не лишая при этом мозаичной неровности.

На тыльной стороне образа наблюдалась трещина, но на лицевой стороне она не просматривалась. Игорь Юрьевич Лаврененко предположил, что это технологический шов⁴ — заливка бетонного блока происходила в несколько этапов и последние 2 были как раз заливкой с двух сторон с противоположных углов по диагонали (наблюдается некое подобие проставки шва элементами смальты). Процесс адгезии не произошёл, вероятно, из-за перерыва между заливками первого и второго этапов, что позволило первой порции подсохнуть и не допустило полной диффузии с бетонной смесью второго этапа. Шов был пролит камнеукрепителем, порядка 30 мл. Также была укреплена тыльная сторона штукатурным армированным составом и накрыта латунным ковчегом, закреплённым к исторической раме в распор и на клей.

Образ Св. Пантелеймона до реставрации.
Фото: Мосгорнаследие, 2022 год

Реставрационные работы над образом Святой Ольги заняли у нас 40 дней. Икона вернулась на своё историческое место на уже отреставрированном фасаде городской усадьбы.

Св. Пантелеймон

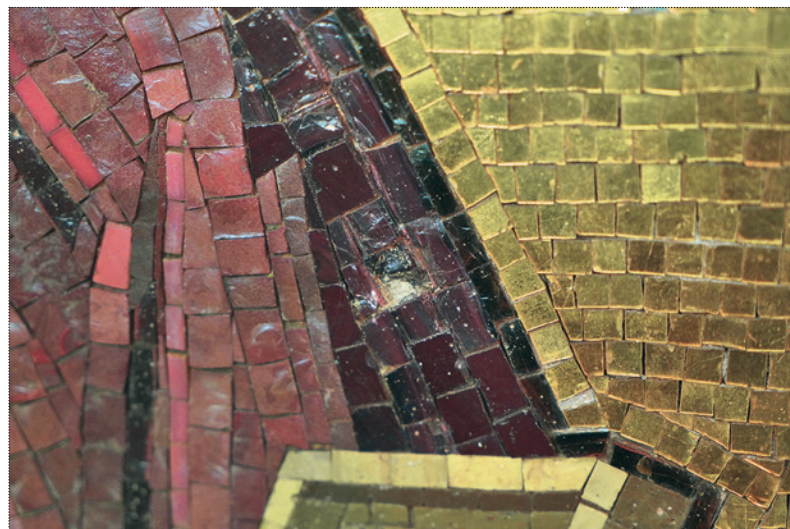
Работа над образом Св. Пантелеймона заняла порядка 20 дней. Икона целителя сохранилась значительно лучше иконы Св. Ольги, что, по мнению В.М. Кувшинникова⁵, обусловлено менее благоприятным расположением образа Св. Ольги на северном фасаде главного корпуса больницы. Икона Св. Пантелеймона расположена на южном фасаде, обрамляющая её рама выступает на 25 см от стены, сверху представляет собой козырёк, а снизу — наклонный карниз, отводящий влагу. Икона состоит из трёх блоков, общим размером 3410 × 730 мм, так же закреплена на костыли и раму, но оценить её толщину и тыльную сторону не представляется возможным, поскольку она надёжно закреплена, и демонтировать её не было необходимости.

⁴ Лаврененко И.Ю., ООО «ИГИТ». Методика реставрации мозаичного образа Св. Ольги с фасада детской Ольгинской больницы в Орлово-Давыдовском пер., 2. М., 2023. С. 75.

⁵ В.М. Кувшинников — доцент кафедры инженерной геологии МГРИ, кандидат геолого-минералогических наук, эксперт министерства культуры РФ, генеральный директор ООО «ИГИТ».

Левая часть до реставрации

Разрушенные элементы

Полировка

Всё полотно также в краске и городской копоти, но кантарель пострадала значительно меньше. Мы предполагали, что проблема была в качестве материала, потому что уже сталкивались с подобным раньше. Но позднее всё же стали склоняться к версии, что материал идентичен и проблема заключалась в воздействии окружающей среды и в большей степени загрязнения швов.

Цветной же набор пострадал больше, на одеждах святого наблюдалось несколько разрушенных элементов, которые требовали замены. Здесь проблема, очевидно, была в материале. Элементы разрушились в месте цветных прожилок⁶, которые оказались менее устойчивы к атмосферному воздействию. Эти фрагменты набора пришлось частично демонтировать и восстановить рисунок смальтой фирмы ORSONI, которая была избрана для реставрации ввиду её наибольшего сходства с оригиналом по составу и текстуре⁷.

Также вся поверхность мозаики потускнела из-за эрозии стекла, нижняя часть, примерно 12 см от козырька, выглядела более повреждённой.

После снятия консервации и профилактической заклейки, во время обследования мы обнаружили области бухтения. По методике Игоря Юрьевича на этот случай были предусмотрены укрепительные мероприятия⁸. Для этого в областях бухтения были выбраны высшие точки для проливки камнеукрепителя, в которых были сделаны тонкие отверстия на глубину 1,5 см. Но, начав работать, мы поняли, что раствор не проходит в тело мозаичного блока. По результатам мы заключили, что метод установки образа был сходен с мозаикой Св. Ольги. Под блоком иконы Св. Ольги наличествуют пустоты, так как блок опирается лишь на 2 ряда кирпичей и 4 костыля. Мы убедились, что других тревожных признаков внутренних разрушений нет, таких как выпадение элемен-

⁶ Селезнёв В. Смальты и их выделка. М.: Издание научно-технического управления В.С.Н.Х. 1928. С. 48д.

⁷ Лавренко И.Ю., ООО «ИГИТ». Методика реставрации... С. 118.

⁸ Там же. С. 22.

тов, трещин и раскрытия арматуры. Поэтому было решено не разрушать мозаику дальше, а защитить её в соответствии с методикой и наблюдать, а при малейших изменениях произвести повторное обследование.

Расчистка образа Св. Пантелеймона отличалась большей тщательностью и трудоёмкостью, чем на образе Св. Ольги. Помимо краски и грязи в швах наблюдались так называемые высолы, которые можно удалить только механическим путём. Используя иглы и штопферы, также в меньшей степени — щётки с жёсткой щетиной, расчистку и отмывку пришлось повторить трижды, дабы вернуть образу первоначальный цвет, а после полировки цвет проявился в полную силу. Также полировка выравнивает поверхность стекла, сглаживая микротрещины,

Икона Св. Пантелеймона после реставрации.
И.Д. Арно, О.И. Лавренко, И.А. Чапанова,
В.М. Кувшинников, Г.П. Чернушевич

создавая гидрофобный эффект. **«Полированное стекло обладает изумительным свойством передавать цвет с такой силой, яркостью и выразительностью, как ни один другой из известных нам материалов»⁹.**

Сегодня Ольгинская больница перестраивается в городскую усадьбу. Вероятно, доступ к мозаикам на частной территории будет закрыт, но отрадно, что они останутся на своих исторических местах, сохраняя целостность ансамбля.

⁹ Качалов Н.Н. Стекло. М.: Издательство Академии наук. 1959 г. С. 145.

Почти 140 лет назад в журнале «Врач» появилась заметка об открытии «детской больницы Св. Ольги, сооружённой и содержимой на средства графа С. В. Орлова-Давыдова, пожелавшего почтить этим добрым делом память своей матери Ольги Ивановны». На это благое начинание граф пожертвовал внушительную сумму в 680 тысяч рублей. Проценты с неприкосновенной части этой суммы в 480 тысяч шли на содержание больницы, а оставшиеся средства — на строительство и оборудование.

Участок под больницу в районе 1-й Мещанской улицы был выделен Императорским Человеколюбивым обществом безвозмездно. Главному попечителю представили два архитектурных проекта — Э. Юдицкого и К. Быковского. Проект Быковского был признан «более подходящим к требованиям и назначению здания». Больничный комплекс представлял собою небольшой «городок», на территории которого располагались кирпичное двухэтажное с примыкающими к нему по бокам одноэтажными корпусами здание больницы, а также несколько деревянных построек амбулаторного корпуса, вспомогательных служб и часовни. Для оздоровительных прогулок на свежем воздухе разбили сад.

К больнице подвели ветку от Мытищинского водопровода, в то время как Москва ещё не имела централизованной канализации, здесь была устроена её местная система с фильтрами. Разработка чертежей водопровода и канализации и руководство исполнением проекта проводились инженером-механиком Н.П. Зиминим, который впоследствии стал почётным попечителем больницы и до последних дней хлопотал перед городским управлением о больничных нуждах. Были также разработаны системы отопления и вентиляции зданий. Больница располагала рентгеновским кабинетом, солярием, патолого-анатомическим музеем, медицинской научной библиотекой и помещением для научных занятий врачей. Посетивший в эти годы Москву французский врач Поль Обри в своем докладе назвал Ольгинскую больницу образцовой, отметив, что, несмотря на нехватку больничных кроватей и дороговизну содержания, «нигде в Европе мы не встретили устройства, которое даже хоть сколько-нибудь можно было бы поставить рядом с устройством больницы Св. Ольги».

К работе привлекали лучших российских педиатров. В амбулатории консультировали известные специалисты по глазным болезням, по отоларингологии, по невропатологии и по другим специальностям. Первым главным врачом стал приват-доцент Военно-Медицинской академии, доктор медицины В.Е. Чернов, а через два года больницу возглавил доктор медицины Л.П. Александров, со дня основания заведовавший здесь хирургическим отделением. Он пробыл на этом

Здание больницы Св. Ольги со съездной аркой.
Фото МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань»

Вид одноглавой часовни при детской больнице Св. Ольги на 1-й Мещанской улице. Кон. 1880-х годов. ГИМ

посту вплоть до 1927 года, став одним из основоположников детской хирургии в России.

Поскольку учреждение находилось под патронатом Императорского Человеколюбивого общества, а не в ведении городского самоуправления, бесплатную и платную медицинскую помощь могли получить не только юные москвичи, но и дети из других городов. Чтобы обеспечить неимущих детей медицинской помощью, попечительский совет учредил так называемые «именные памятные бесплатные кровати», что было весьма распространенным явлением в лечебницах того времени. Табличку с именем благотворителя подвешивали над

Одна из палат детской больницы Св. Ольги.
Кон. XIX — нач. XX века. Фото МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань»

Проведение досуга. Показ картин в детской больнице Св. Ольги. Кон. XIX — нач. XX века. Фото МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань»

«именной» кроватью, лечение ребенка покрывалось процентами с пожертвованной суммы. Так, в Ольгинской больнице были «памятные» кровати генерала И.М. Гедеонова, купца А.Г. Кузнецова, промышленников А.И. и П.К. Ушковых, М.В. Орловой-Давыдовой и А.В. Орлова-Давыдова, А.Л. и А.В. Беренштамов и другие.

Спустя 10 лет главный попечитель больницы граф С.В. Орлов-Давыдов обратился в Комитет Императорского Человеколюбивого общества с ходатайством о расширении больницы. Проект новых зданий был выполнен московским архитектором В.В. Барковым. Деревянные постройки 1886–1887 годов снесли, возведя на их месте каменные здания амбулатории, коревого отделения и хозяйственного корпуса. Ансамбль больничного комплекса получил стиливое единство в формах, характерных для конца XIX века. Краснокирпичные здания были богато декорированы белым кирпичом и белым камнем. В это же время на фасадах главного и административного корпусов появились мозаичные образы Святой княгини Ольги — покровительницы больницы и целителя Святого Пантелеймона, выполненные в итальянской мастерской Veneziano e Murano. Торжественное открытие обновленной больницы состоялось 11 декабря 1899 года.

Отчёты о деятельности больницы ежегодно издавались отдельными томами. В них описывались интересные случаи из медицинской практики, публиковались сметы расходов и пожертвования. Из отчётов видно, что попечители больницы старались уделять внимание не только физическому здоровью, но и душевному благополучию маленьких пациентов. Для больных детей организовали обучение, выписывали журнал и книги, покупали игрушки, а также приобрели «волшебный фонарь» для показа картин. Зимой на святки наряжали ёлку, а летом устраивали прогулки в саду, причём самых ослабленных выносили прямо с кроватями и размещали под деревьями. При выписке каждому грамотному ребенку дарили книгу. Более того, лечение пациентов не ограничивалось пребыванием в стационаре. Начиная с 1899 года идущих на поправку вывозили в приют для выздоравливающих детей имени Альберта и Анны Беренштам на станции Пушкино по Ярославской дороге, где игры на свежем воздухе и свежие деревенские продукты довершали лечение.

Неудивительно, что перенимать передовой опыт Ольгинской больницы приезжали не только доктора из провинции, но и педиатры из-за рубежа. В советское время здесь продолжали оказывать медицинскую помощь юным пациентам. В 1950-е годы здания больницы занимала клиническая база Центрального института усовершенствования врачей (до 1970 года). Затем в бывшей Ольгинской больнице располагался дневной стационар Психоневрологического диспансера № 5, просуществовавший здесь до 2012 года. На этом завершилась славная медицинская история уникального памятника. После реставрации комплекса здесь начнётся новая глава, уже не связанная с его первоначальным предназначением.

МН

Орлово-Давыдовский переулок, 2.
Больница Св. Ольги.
Фото: В. Алексеенко, 1948 год

Авторы:
Ольга Лаврененко,
мозаичист-реставратор,
Мозаичная студия «Кантарель»

Памяти Игоря Юрьевича Лаврененко

Игорь Юрьевич Лаврененко — художник-реставратор мозаики, основатель мозаичной студии «Кантарель», родился в 1962 году и прожил 62 года... Он окончил Ленинградский гидрометеорологический институт по специальности инженер-гидролог и Санкт-Петербургскую академию художеств по специальности искусствовед. Мозаичное искусство, реставрация и воссоздание стало делом его жизни, которому он посвятил 31 год. За это время было сделано более 90 работ, размером от нескольких квадратных сантиметров до 33 квадратных метров, собрана палитра смальт более 700 оттенков, разработан метод реставрации и атрибутирования мозаичных картин.

В августе 1993 была создана мозаичная студия «Кантарель», когда посредством чудесного стечения обстоятельств Игорь Юрьевич получил заказ на реставрацию 12 микромозаичных образов афонских святых с фланкирующих столбиков царских врат алтаря храма Воскресения Христова «Спас-на-Крови». Природная изобретательность и инженерные знания помогли Игорю Лаврененко создать уникальную технологию перетягивания смальты. 6 лет Игорь Юрьевич занимался поиском исторических материалов, имён святых и иконографии. Было изготовлено более 200 оттенков тянутой смальты, отреставрирована первая мозаика из 4-х сохранившихся — Св. Прокопий — и воссоздан образ Св. Пантелеймона из 8 утраченных.

В 2006 году были обнаружены кальки-прориси в личном архиве князя Г.Г. Гагарина в архиве Русского музея. И хотя к тому моменту уже были изготовлены все картоны-эталоны для воссоздания, Игорю Юрьевичу пришлось заново изготовить картон Св. Мины Египетского для исторической достоверности.

Реставрация микромозаик беспрецедентна, потому что они практически вечны, но в условиях революции и двух войн страдало даже самое стойкое... Оставшиеся 4 мозаики были загрязнены, покрыты высолами, копотью и побиты, возможно, по ним стреляли. Расчищать швы приходилось под лупой, затачивая инструмент до хирургической остроты. Затем уцелевшие частично элементы необходимо было аккуратно отделить от блока, не разрушив, перенести на фотографическую копию мозаики для дальнейшего возвращения в набор. Каждая мозаика, размером 34 × 18 см насчитывает более 20 000 элементов, самый крупный — 1 мм², некоторые не превышают площадь точки от шариковой ручки. В 2013 году, после 20 лет труда, реставрация и воссоздание 12 образов были завершены. За эту работу Игорь Юрьевич был награждён серебряной медалью Святого Первоверховного апостола Петра Петербургской митрополии и золотой медалью международной реставрационной выставки DENKMAL (Лейпциг, Германия).

Храм Богоявления на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге, Фёдоровский Государев собор в Пушкине, Храм Троицы Живоначальной в Балакове, Псково-Печорский Свято-Успенский монастырь, Никандрова Пустынь, храмовый комплекс бывшего фарфорового завода в Санкт-Петербурге, Ольгинская больница в Москве — за свою творческую жизнь Игорь Юрьевич Лаврененко отреставрировал и воссоздал более 90 мозаичных икон. Из них — около половины в технике микромозаики из тянутой смальты. Реставрация двух мозаичных икон итальянской работы на фасаде больницы Св. Ольги стала последней работой Игоря Лаврененко. Образ Св. Пантелеймона наша студия реставрировала уже без него.

Игорь Юрьевич всегда придерживался индивидуального подхода. Среди работ нашей студии представлены разные иконо-

И.Ю. Лавренко.
Процесс воссоздания образа
Св. Александра Невского.
Церковь
Богоявления

писные традиции, школы, иконографические типы. Каждый картон разрабатывался в соответствии со стилем и цветовой палитрой архитектурного ансамбля. На вопрос, где он научился мозаике, Лаврененко отвечал: **«Я учился у старых мастеров».**

В реставрации для нашего руководителя тоже не было стандартных методов — каждый объект индивидуален, а значит решения нужно искать, обладая навыками во многих ремеслах. Помимо мастерства художника-мозаичиста он использовал для реставрации инженерный подход. Для него — инженера по образованию — не составляло труда собрать электрическое устройство для наколки тянутой смальты, чтобы ускорить процесс, или собрать подвес

Феодоровская икона Божией матери с предстоящими.
Феодоровский Государев собор. Пушкин. До реставрации

Феодоровская икона Божией матери с предстоящими.
Феодоровский Государев собор. Пушкин.
После реставрации

Спас Нерукотворный. Храм Троицы Живоначальной.
Мастерская Фроловых. Балаково. Процесс реставрации

для шлифовальной машины, чтобы, обрабатывая 24 м², не держать машину на весу. Всегда есть место эксперименту, разумеется, заранее просчитанному — важно учитывать все свойства материалов и клеев, такие как коэффициент термического линейного расширения или время высыхания, которое, во избежание «кабашонирования» плоскости, следует иногда увеличить даже вдвое, в зависимости от площади набора и толщины блока. Нам приходилось и сооружать леса, и устраивать вентиляцию, гидроотвод и другие необходимые конструкции, не свойственные художникам. Нельзя не сказать о его навыках искусствоведа, дизайнера, фотографа, переговорщика, поскольку множество идей по выбору образов и их оформлению Игорь Юрьевич предлагал сам. Мы вслед за нашим руководителем продолжаем смотреть на реставрацию как на симбиоз мастерства художника и инженера, плотника, строителя и многих других, на первый взгляд далёких от искусства навыков.

Игорь Юрьевич использовал метод атрибутирования, который основывался на его «насмотренности», а точнее на опыте работы с памятниками мозаичного искусства досоветского периода. К сожалению,

Икона
Св. кн.Ольги.
Ольгинская
больница.
Москва.
Фрагмент.
Процесс
реставрации

он не успел его оформить в полноценное исследование, поскольку в его применении мы не нуждались до знакомства с образами Св. Ольги и Св. Пантелеймона в Москве. Их авторство так и не установлено достоверно, хотя есть некоторые документы, указывающие на мастерскую Сальвиати, Венеция.

Производя реставрацию, описывая мозаичные панно, беря пробы грунта и смальт, обследуя повреждения, мы находили соответствия. Здесь, как в изучении нового языка, необходимо найти повторяющиеся элементы — для нас это особенности материала, установки тессер, разбивки фрагментов изображений на модуль, а затем анализ увиденного, исходя из контекста времени.

К примеру, столкнувшись с большим количеством работ знаменитой петербургской мастерской Фроловых, мы заметили частое использование красного (терракотового) обрамления — эта смальта присутствует на всех мозаиках студии, что мы видели. Сама смальта гладкая на сколе, не сахаристая, почти без пузырей. Характерную особенность — тёмную, почти чёрную корку, и иногда — присутствие таких же тёмных нечастых прожилок можно увидеть на всех иконах в Храме Воскресения, на иконах с фасада Собора Троицы Живоначальной

в г. Балаково. Этот же материал встречается и на других работах мастерской Фролова, но уже как обрамление нимбов — мозаики с фасада церкви Богоявления и Феодоровского собора. Плотный набор, отсутствие затирки, толстый бетонный блок около 70 мм — характерные черты ремесленной части наследия мастерской Фроловых.

Сегодня для мозаичной студии «Кантарель» важно сохранить и передать опыт, накопленный за 30 лет труда Игоря Лаврененко. Мы работаем в том числе и над завершением начатых им проектов. Среди них две исследовательские работы: «История поиска иконографии, реставрации и воссоздания 12 образов афонских Святых из храма Воскресения Христова “Спас на Крови”», а также «Анализ и методология атрибутирования мозаичных панно по физическим показателям».

МН

Обзор археологических площадок и интересные находки 2024 года

Одним из интереснейших источников наших знаний об истории города, жизни горожан, характере и устройстве быта является археология. Исследуя все сохранившиеся временные напластования, анализируя полученную информацию, учёные восстанавливают историческую хронологию и образ того или иного периода. Наше прошлое оживает, становится ближе и понятнее, а Москва открывает нам свои новые черты и страницы жизни. В этой рубрике мы будем знакомить читателей с городскими археологическими работами. Надеемся, наш «Археологический дневник» позволит по-новому взглянуть на историю любимого города.

Прошлый, 2024 год, принёс много интересных находок и информации. Большие раскопки проводились на улицах Никольская, Ильинка, Б. Татарская, Орджоникидзе, Потешная, Тверская, Фридриха Энгельса, Яузская, в Чижевском подворье, в Романовом, Калошином, Крутицком, Потаповском, Обыденском, Крестовоздвиженском переулках, в Соймоновском проезде, на Можайском валу и Тверском бульваре. Он стал рекордным как по площади раскопок, так и по количеству сделанных специалистами находок.

Поэтому зима 2024–2025 года была всецело посвящена изучению и осмыслению полученного материала и, конечно, реставрационным и консервационным работам.

Накладка
костяная
XV века.
Все фото:
Мосгорнаследие,
2024 год

Чижевское подворье

Одной из знаковых городских археологических площадок стала территория Чижевского подворья. Исследования проводились на площади, занимающей около трёх тысяч квадратных метров, на участках между Никольской улицей, Богоявленским, Старопанским и Большим Черкасским переулками.

История квартала Чижевского подворья — часть истории Китай-города, района, который начал активно заселяться, начиная с XII–XIII веков. Активное развитие ремесла и сельского хозяйства способствовали формированию локальных поселений вне укрепленных стен города (Кремля), на трассах дорог, ведущих от крепости к различным городам и сёлам. Так, постепенно заселяясь, формировался городской неукрепленный посад. При этом город (крепость) выполнял в том числе функцию убежища, места спасения жителей посада при вражеских набегах.

Чижевское подворье — один из немногих сохранившихся на территории Китай-города участков с мощным и сохранным культурным слоем. В условиях городской застройки

культурный слой часто бывает поврежден перекопами существующих коммуникаций, заглубленными основаниями современных строений. Однако на территории подворья фактически не велась строительная деятельность на протяжении последних 30 лет, что обеспечило прекрасную сохранность напластований, начиная с самых ранних периодов истории Москвы. По оценке специалистов, уникальная для Москвы сохранность культурного слоя глубиной более шести метров позволила исследовать историю развития города с самых ранних времён практически до современности. Детали прошлых столетий сложились в единую композицию: от остатков настилов на улицах до многочисленных предметов быта, ремесла и торговли.

По итогам работ в Чижевском подворье сформирована самая большая коллекция находок центра Москвы за последнее время, более шести тысяч старинных артефактов. В ходе раскопок специалисты обнаружили и изучили древние пласты, относящиеся к первому упоминанию Москвы в летописях и датируемые XII веком, а также хорошо сохранившиеся культурные слои XIV–XVI, XVII и XVIII столетий.

Стеклянный браслет XII–XIII веков

Керамический горшок XIII века

Были обнаружены фрагменты разноцветных стеклянных браслетов и металлические изделия XII–XIII веков. Гладкие стеклянные браслеты свидетельствуют именно о городской культуре. Такие дорогие привозные украшения носили исключительно горожанки, что свидетельствует о развитом посаде вне стен Кремля и обширных торговых связях.

Особый интерес представляет каменный нательный крест XIII века, изготовленный из камня и относящийся к домонгольскому периоду. Его отличительная особенность — простота формы. Резьба на нём отсутствует. Чаще всего материалом, из которого изготавливались подобные кресты, являлся сланец.

Фрагменты керамических сосудов этого периода отличаются от более поздних

Каменный нательный крест XIII века

тем, что в глину добавляли разнообразные примеси. Поэтому даже мельчайшие части глиняных сосудов позволили с максимальной точностью датировать культурный слой. Реставраторы собрали полную форму красноглиняного горшка XIII века, и мы имеем прекрасную возможность видеть кухонную утварь времён Александра Невского и его сына Даниила Александровича.

Также к ранним находкам относятся шиферные пряслица XII–XIII веков. Овручские шиферные пряслица выточены из розового и красного камня — шифера, который добывали на территории нынешней Украины, у города Овруч в X–XIII веках. Пряслица одевались на веретено и служили для того, чтобы усилить и сохранить впечатление. Также в XII–XIV веках для денежного обращения в Древней Руси было характерно практически полное отсутствие использования монет. И шиферное пряслице вполне могло исполнять роль монеты. Подделать его было невозможно, так как месторождение розового шифера в Овруче — единственное в Восточной Европе. В Москве шиферные пряслица встречаются в слоях XII–XV веков.

Сенсацией стало обнаружение уникальной накладки XV века, выполненной

Раскоп на Чижевском подворье

из кости с изображением дракона, пожирающего барса. Вероятно, она была парная, могла быть сделана для украшения ларца или книги. Учёным ещё только предстоит изучить её и искать аналогии.

К этому периоду относится и ангобированный сосудик, кувшинчик. В комплексах первой половины XV столетия довольно часто встречаются фрагменты красноглиняных сосудов с пятнами ангоба. Ангоб — это тонкий слой жидкой глины, наносимый на сырую или обожжённую керамику для гладкости покрытия, корректировки цвета или создания красивого узора. Подобный сосуд — это небольшой кувшинчик, использовавшийся как столовая посуда для средневекового застолья.

XVII век также представлен интересными предметами. Копоушка — это старинный предмет личной гигиены. Её использовали для того, чтобы почесать ушную раковину, а также для очищения уха от излишков серы. Копоушка была популярной туалетной принадлежностью в Азии и Восточной Европе с VIII века до н. э. Известны и другие её названия: ухочистка, уховёртка и японский вариант — мимикаки. Конец копоушки, противоположный ложечке, помимо украшения, часто имел колечко или прорезь, скорее

Красноглиняный кувшин с пятнами ангоба XV века

Копоушки XVII века

всего, для крепления копоушки к какому-то предмету одежды, а её одноразовый аналог в современном мире — это ватные палочки.

Также реставраторы привели в порядок перстни-печатки XVII века. Наряду с браслетами перстни представляют наиболее

Фрагмент
железной
кольчуги
XVII века

Перстни-
печатки
XVII века

Наконечники стрелы XVII века

нерусском государстве. Из археологических находок следует, что наконечник стрелы делали в основном из двух видов материала — железа и бронзы. Важна была и форма наконечника для поражения защиты воина. Острие наконечника было, как правило, узкое четырёхгранное. Разнообразие наконечников объясняется также двумя видами защиты воина — кольчужными и пластинчатыми. Для поражения вторых были эффективны только узкие наконечники, в то время как против кольчуги некоторое время ещё использовались наконечники с расширенным остриём. Также существуют и специальные наконечники для боя зверя, с тупым концом, чтобы не испортить шкуру.

Несомненный нумизматический интерес представляют золотая и позолоченные монеты времён царствования Алексея Михайловича Тишайшего. Жалованные монеты использовались как награды для отличившихся полководцев и государственных деятелей. Массово золотые монеты в 1/4 угорского использовались для награждения казаков войска Богдана Хмельницкого. Монеты с дырочками были «медалями» и с помощью отверстия крепились к головному убору как знак отличия.

На аверсе монеты в центре в точечном круге изображение двуглавого орла с тремя коронами, со щитом с изображением всадника, поражающего копьём змея.

Традиционно москвичи для освещения домов использовали не свечи, а горящую лучину. Тонкую длинную деревянную щепку вставляли в светец — металлический держа-

Монеты
Алексея
Михайловича

Светец
железный

тель с одной или несколькими кованными вилками. Этот способ освещения использовали пока в обиход повсеместно не вошли керосиновые и газовые лампы, а затем электрическое освещение. Свечи, в особенности восковые (были в ходу ещё и сальные, неудобные тем, что очень сильно коптили), использовались в основном во время церковных служб. Дома пользоваться свечами выходило очень дорого.

Реставраторы восстановили подсвечник цветного металла, сделанный из металла и украшенный затейливыми «кружевными» формами, точно предмет был редкостью для Москвы XVII века.

Также отреставрировали железные ключи XVII века. В истории человечества с самого своего появления ключ символизировал безопасность, власть и безусловный авторитет, нередко был прямым признаком богатства и престижа. Издревле ключи использовали в геральдике: на гербах и печатях императоров, королей и городов. Некоторые обнаруженные ключи XVII века уже отреставрированы, другие находятся в процессе реставрации.

Яркой находкой на этом объекте стал клад бытовых вещей из погребка XVI века, в котором обнаружили более 30 предметов, среди которых сельскохозяйственные инструменты, железное ядро и медные весы.

Подсвечник XVII века

Поливная чернильница

И, конечно, самой массовой находкой на археологических раскопках являются фрагменты керамики, которые умелые руки реставраторов собирают в полные формы и возвращают им первоначальный образ. Так восстановили белоглиняную поливную чернильницу. Чернильница состоит из трёх отделений, где могли помещаться чернила другого цвета, перья или песочница. Артефакт покрыт светло-зелёной потрескавшейся поливой, на его боках расположен

Чернолощёный
кувшин конца
XVII века

Белоглиняная
игрушка коник
XVI века

в приказах их численность увеличилась с 623 человек в 1626 году до 2739 человек в 1698 году.

По итогам археологических исследований среди массового керамического материала реставраторы собрали несколько керамических сосудов средневековой Москвы. Теперь можно увидеть полную форму чернолощёного кувшина конца XVII века. В самом конце обжига в гончарный горн клали смолистые сосновые дрова, ненужное тряпье, сырой навоз и траву — словом, всё, от чего возникал густой чёрный дым. После томления сосуды получали глубокий чёрный цвет. На бархатистом чёрном фоне узоры отливали синеватым стальным блеском. Кувшин обнаружили целым, однако на его боку имеется небольшое отверстие, возможно, попал камешек и его невозможно стало использовать.

Конечно, московские гончары не могли обойти вниманием детей. Игрушки встречаются практически на каждом городском объекте. Жизнь человека на протяжении тысяч лет не мыслилась без коня. Неудивительно, что самым популярным образом для создания игрушек служила именно лошадь. Игрушка покрыта ангобом, росписью выполнен рисунок гривы и уздечки. Но не только коники были любимыми игрушками маленьких москвичей, фигурка медведя тоже относится к востребованным игрушкам.

Большое место в коллекции Чижевского подворья занимают печные изразцы XVI–XVIII веков: красные рамочные, полихромные, расписные.

Помимо изразцов было обнаружено большое количество фрагментов поливной и неполивной керамической черепицы второй половины XVI — начала XVII века. Замечательный керамический строительный материал — черепица, которую в московском строительстве стали использовать с конца XV века. Она была прочна и долговечна, имела замечательные водоотталкивающие качества, а главное — была огнестойка. Немаловажной была и её цена: сырьём являлась всё та же глина, по стоимости сопоставимая с древесиной. Существовало большое количество разновидностей черепиц, различающихся по форме, размерам, обработке

геометрический орнамент. Чернильница — неперенный атрибут государственного человека, образованного горожанина. Известно, что с XVII века наблюдался бурный рост количества приказных людей. Только в Москве

Печные изразцы XVII века

Печной изразец XVII века

Поливная
черепица
второй
половины XVI —
начала XVII века

поверхности, все они крепились в основном на гвоздях через дырки в верхней части. Применявшаяся в Москве черепица вначале была неполивная, а позднее стала поливной. Здесь представлена клиновидная — со сре-

занными нижними углами; так называемый «бобровый хвост».

И ещё нельзя не упомянуть найденную белокаменную резную деталь XVII–XVIII веков. Использовалась она как архитектурное украшение дворовой усадебной постройки и свидетельствует о высоком художественном уровне в городской архитектуре средневековой Москвы. Своей формой и резьбой напоминает кремлёвские башни и проезды сквозь них.

Находки с других археологических площадок

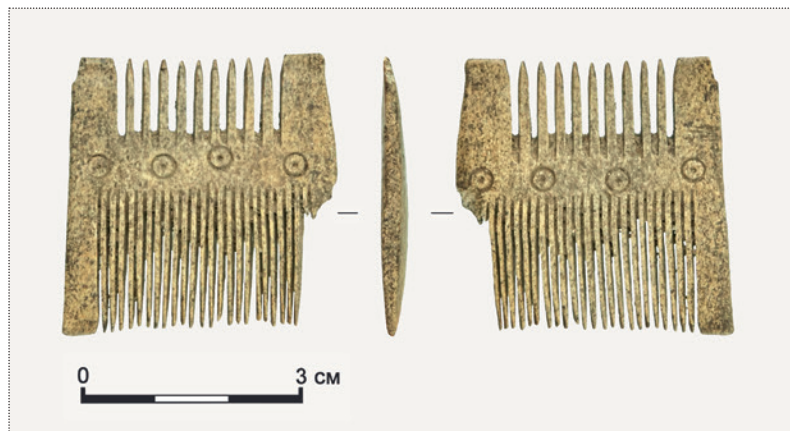
Во время работ в Крестовоздвиженском переулке археологи обнаружили медную монету эре 1638–1645 годов Велико-шведского королевства. Медные эре начали выпускать при Густаве II Адольфе. Из документов XVII века, сохранивших сведения о русско-шведской торговле, известно, что за 1 ласт зерна (72 пуда) шведы платили русским купцам 11 риксдалеров и 13 эре в 1635 году, или 7,5 эре за пуд. В других источниках мы встречаем цены на 20 яиц — 5 эре, фунт масла — 6 эре, обед в трактире с вином — 20 эре, корову — 600 эре и быка — 800 эре. Получается, на 1 медный эре можно было купить не так уж много товаров, и даже за плотный обед в трактире нужно было отсчитать достаточно большое число таких монет.

Здесь же была обнаружена костяная орнаментированная рукоять, XVIII век, с вырезанным изображением рыбы, окутанной растением и поглощающей кого-то.

Медная монета эре 1638–1645 годов из Крестовоздвиженского переулка. Аверс и реверс

Чернолощёный фрагмент сосуда водолея XVII века

Костяной гребень XVII–XVIII веков из Калошинского переулка

Рубль серебряный из Минаевского переулка

ся либо линейным, либо циркульным орнаментом. Этот небольшой гребень, возможно, был частью костюма.

В Минаевском переулке нашли серебряный рубль 1900 года. Эти рубли вышли тиражом 11,5 млн, но, несмотря на довольно высокий тираж, такой рубль вследствие длительного обращения редко можно найти в хорошем состоянии.

Для проведения мероприятий в честь коронации Николая II у «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» были заказаны памятные стаканы двух видов: эмалированные — для народа, фаянсовые — для охраны, которая отвечала за порядок на торжествах и народных гуляньях. Такой стакан был найден при проведении работ в Можайском тупике.

Стакан в честь коронации Николая II

Ботинок из района Сокольники

Но не только изделия из металла, камня и керамики находят археологи. Благодаря стараниям и умелым рукам реставраторов мы можем увидеть и экземпляр сапоженного мастерства. Например, кожаный мужской сапог XIX века был найден в районе Сокольников. Реставраторам удалось сохранить не только все конструктивные детали, но и форму изделия. Особую сложность

Костяная орнаментированная рукоять XVIII века

представляли металлические фрагменты на подошве. Реставрационные мероприятия позволили восстановить технологию производства обуви в XIX веке.

Все находки проходят специальную обработку и по завершении научных и реставрационных работ будут переданы в государственную часть музейного фонда Российской Федерации.

Алиса Кайнова, 15 лет (САО, Войковский). Из работ, присланных за последние годы на конкурс детского рисунка «Наследие моего района» в номинацию «Памятники-герои»

Перечень точек распространения журнала «Московское Наследие» на 2025 год

Книжные магазины

Книжный магазин «Циолковский»
Пятницкий переулок, д. 8, стр. 1
Книжный магазин «Молодая гвардия»
Улица Большая Полянка, д. 28
Книжный магазин «Фаланстер»
Улица Тверская, д. 17
Книжный клуб-магазин «Гиперион»
Большой Трёхсвятительский
переулок, д. 2/1, стр. 6

Кафе

Кафе «Квартира 44»
Улица Малая Ордынка, д. 24

Музеи, АРТ-площадки

Музей архитектуры имени А.В. Щусева
Улица Воздвиженка, д. 5
Государственный музей А.С. Пушкина
Улица Пречистенка, д. 12/2
Музей-заповедник «Царицыно»
Улица Дольская, д. 1
Музей Москвы
Зубовский бульвар, д. 2
Музей археологии Москвы
Манежная площадь, д. 1а
Центральный Манеж
Манежная площадь, д. 1
Павильон «Макет Москвы»
Проспект Мира, д. 119, Сиреневая аллея, ВДНХ
Мемориальный Музей «Творческая мастерская
С.Т. Конёнкова»
Тверской бульвар, д. 28
Дизайн-завод «Флакон»
Улица Большая Новодмитровская, д. 36/4
Дом Гоголя
Никитский бульвар, д. 7а
Музей Тропинина
Щетининский переулок, д. 10, стр. 1
Музей-усадьба «Люблино»
Улица Летняя, д. 1, стр. 1
Музей-заповедник «Коломенское»
(«Визит-центр»)
Проспект Андропова, д. 39
Музей-заповедник «Измайлово»
Городок имени Баумана, д. 2, стр. 14
Новая Третьяковка (парк «Музеон»)
Улица Крымский Вал, д. 10
Арт-галерея «Просвет»
Улица Краснопролетарская, д. 8, стр. 1

Библиотеки, научно-исследовательские
и учебные заведения

Московский архитектурный институт
Улица Рождественка, д. 11
Московский государственный строительный
университет
Ярославское шоссе, д. 26
Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова
Стремянный переулок, д. 36
Московский финансово-юридический университет
Улица Введенского, д. 1а

Российский государственный гуманитарный
университет (Историко-архивный институт)
Улица Никольская, д. 15
Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Московский городской университет управления
Правительства Москвы
Улица Сретенка, д. 28
Всероссийский художественный научно-
реставрационный центр имени
академика И.Э. Грабаря
Улица Радио, д. 17, корп. 6
Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26
(26 КАДР)
Улица Трофимова, д. 27, корп. 2
Государственная публичная историческая библиотека
Старосадский переулок, д. 9, стр. 1
Библиотека Всероссийского государственного
института кинематографии имени С.А. Герасимова
Улица Вильгельма Пика, д. 3
Библиотека-читальня имени И.С. Тургенева
Бобров переулок, д. 6, стр. 1, 2
Центральная библиотека № 29 имени
Ф.М. Достоевского
Чистопрудный бульвар, д. 23, корп. 1
Библиотека № 13 имени Н.Г. Чернышевского
Улица Большая Татарская, д. 32
Центральная библиотека № 21
Улица Клары Цеткин, д. 11, корп. 1
Библиотека № 79 имени Б.А. Лавренева
Улица Средняя Первомайская, д. 38/7
Центральная универсальная научная библиотека
имени Н.А. Некрасова
Улица Бауманская, д. 58/25, стр. 14

Органы государственной власти, подведомственные
учреждения

Департамент культурного наследия города Москвы
Пятницкая улица, д. 16
Пятницкая улица, д. 21, стр. 2 (служба «одного окна»)
ГКУ г. Москвы «Мосреставрация»
Тверская улица, д. 9 (вход со стороны Брюсова переулка)
Комитет по архитектуре и строительству города
Москвы (Москомархитектура)
Триумфальная площадь, д. 1
Департамент культуры города Москвы
Неглинная улица, д. 8/10
Управа района Хамовники города Москвы
Улица Пречистенка, д. 14
Департамент труда и социальной защиты населения
города Москвы
Улица Новая Басманная, д. 10, стр. 1
Департамент образования города Москвы
Улица Большая Спасская, д. 15, стр. 1
Департамент здравоохранения города Москвы
Оружейный переулок, д. 43
Федеральная служба государственной статистики
(ГМЦ Росстата)
Измайловское шоссе, д. 44
ГБУ «Мосгоргеотрест»
Ленинградский проспект, д. 11

Религиозные организации

Финансово-хозяйственное управление РПЦ
Гагаринский переулок, д. 18/2

Электронная версия журнала:
<https://www.mos.ru/dkn/function/popularizatsiia/zhurnal-moskovskoe-nasledie/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года

Тираж 8 тыс. экз.

Журнал распространяется бесплатно

Распространяется бесплатно

Департамент культурного наследия города Москвы

Ж у р н а л

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

2025 • 1 (97)

Культура • Город • Архитектура • Искусство • Люди • История • Сохранение • Образ • Возрожде
• Реставрация • Мнения • Культура • Город • Архитектура • Искусство • Люди • История • Сохране
• Традиции • Идеи • Среда • Реставрация • Мнения • Культура • Город • Архитектура • Искусство •
Возрождение • Археология • Традиции • Идеи • Среда • Реставрация • Мнения • Культура • Город
• Сохранение • Образ • Возрождение • Археология • Традиции • Идеи • Среда • Реставрация • Мн
Искусство • Люди • История • Сохранение • Образ • Возрождение • Археология • Традиции • Иде